ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Эйриян Вартан Арсенович

МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 1945-1953 ГГ. В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР

Специальность 5.6.7. История международных отношений
и внешней политики

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Дегоев Владимир Владимирович

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава I. Концептуальные основы международной деятельности РПЦ в 1945-1953 гг. в контексте советской внешней политики 37

1.1 Концептуальные основы внешней политики СССР в 1945-1953 гг. 37

1.2 Особенности международного измерения деятельности РПЦ в 1945-1953 гг. 54

1.3 Попытка позиционирования Москвы в качестве мирового центра православия как ресурс советской внешней политики 72

Глава II. Концептуальные подходы РПЦ в 1945-1953 гг. в контексте советской внешней политики 94

2.1 Деятельность РПЦ по концептуализации образа Запада 94

2.2 Международное измерение деятельности РПЦ в Движении сторонников мира 112

2.3 Антиколониальная повестка в деятельности РПЦ 131

Глава III. Региональные приоритеты деятельности РПЦ в 1945-1953 гг. в контексте советской внешней политики 145

3.1 Деятельность РПЦ в Восточной Европе 145

3.2 Деятельность РПЦ на Ближнем Востоке 164

3.3 Деятельность РПЦ в Восточной Азии 181

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 200

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ . 207

ПРИЛОЖЕНИЯ 239

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования продиктована в первую очередь тем, что на современном этапе наблюдается повышение значимости религиозного фактора в международных отношениях. «Религия, похоже, триумфально вернулась в политику»[1], – исследователи все чаще подчеркивают необходимость изучения влияния религиозных идей и церковных институтов как на межгосударственные отношения, так и на динамику эволюции системы международных отношений в целом. Религиозная компонента находит свое отражение как в ценностном измерении[2], участвуя в конструировании внутри-[3] и внешнеполитической идентичности акторов[4], так и в геополитическом, позволяя государствам обращаться к специфическому религиозному инструментарию для достижения собственных целей.

Трендом на актуализацию религиозного измерения обусловлено и тесное сотрудничество между внешнеполитическими ведомствами и церковными структурами[5]: в случае Российской Федерации сохраняет свою актуальность взаимодействие[6] между МИД России и Отделом внешних церковных связей Московского патриархата (до 2000 г. – Отдел внешних церковных сношений) (МП), история которого уходит корнями во вторую половину 1940-х гг., когда было образовано и начало свою деятельность это функциональное подразделение Русской Православной церкви (РПЦ) и перед ней руководством СССР были поставлены внешнеполитические задачи, отвечавшие потребностям советского государства в послевоенный период. Как в условиях

---

[1] Маркедонов С.М., Ярлыкапов А.А. Религия в международных процессах: от «сумерек богов» к сумеркам секуляризма? // Международная аналитика. – 2021. – Т.12. – №4. – С.8.

[2] Барановский В.Г., Наумкин В.В. «Мир веры» и «мир неверия»: экспансия и редукция религиозности // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 6. – С.12.

[3] Печатнов В.О., Печатнов В.В. Меняющийся религиозный ландшафт Америки // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т.62. – №9. – С.53.

[4] Торкунов А.В. О вечном и новом в актуальном контексте мировой политики (к 800-летию со дня рождения Александра Невского) // Полис. Политические исследования. – 2021. – №3. – С.11.

[5] Печатнов В.В. Церковь и внешняя политика России: традиции, тенденции, перспективы // Концепт: философия, религия, культура. – 2017. – №1(1). – С.152-153.

[6] В частности, в современной России проводятся заседания Рабочей группы по взаимодействию МИД России и РПЦ.

«холодной войны», так и сейчас деятельность РПЦ направлена на достижение «системного эффекта»[7], способствующего распространению ценностей, разделяемых Москвой[8], и информации о ее подходе к решению наиболее актуальных проблем международной повестки.

Специфика современного гибридного конфликта с участием России, в котором деятельность церковных акторов и институтов подвергается постоянной политизации и используется для идеологизации и ретрансляции ценностно-нормативной компоненты, о чем, среди прочего, свидетельствует сопровождаемая церковными расколами фрагментация православного пространства на территории Украины, требует обращения к истории государственно-церковного сотрудничества в период «холодной войны».

Анализ привлечения церковных структур к проведению внешнеполитического курса в середине XX в. тем актуальнее, что позволяет рассмотреть как концептуальный, так и региональный разрезы международной деятельности и риторики РПЦ, тем самым определяя наиболее результативные направления государственно-церковного сотрудничества во внешнеполитическом измерении и давая возможность адаптировать накопленный опыт для использования на современном этапе.

Кроме того, изучение модели государственно-церковного взаимодействия с точки зрения реализации внешнеполитической стратегии отвечает и сохраняющейся потребности провести концептуализацию «холодной войны» и, в частности, ее кризисов[9]. В то время как современная западная мысль все чаще приходит к выводу о религиозном или квазирелигиозном характере «холодной войны»[10] либо, по крайней мере, к заключению о необходимости более пристального изучения этого измерения

---

[7] Касаткин П.И. О роли религиозных акторов в современных мировых политических процессах // Вестник МГИМО-университета. – №1(10). – С.258.

[8] См., напр.: Печатнов В.В. Традиционные ценности и их противники // Россия XXI. – 2017. – №1. – С.24-45.

[9] Истомин И.А., Неклюдов Н.Я., Сушенцов А.А. Вперед в прошлое? Возвращение истории // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т.20. – №5(117). – С.41-42.

[10] Preston A. Sword of the Spirit, Shield of Faith: Religion in American War and Diplomacy. – New York: Anchor Books, 2012. – PP.417.

конфликта с последующей адаптацией полученного знания под требования сегодняшнего дня[11], в отечественной традиции эта проблема представлена фрагментарно, вследствие чего говорить о целостном представлении о том, насколько эффективным с точки зрения советского государства являлось привлечение церковных акторов и, в частности, РПЦ к осуществлению внешнеполитических задач, на наш взгляд, преждевременно.

Для уточнения **понятийно-категориального аппарата** следует обозначить, что «внешнеполитическая» либо «международная» деятельность РПЦ, о которой будет идти речь далее, схожа по своей сущности с аналогичной деятельностью государственных образований, однако, как справедливо заметил П.И. Касаткин[12], разделение на внутри- и внешнеполитические аспекты порождено не национальными границами, а дифференциацией общественно-политического пространства на внутри- и внецерковное. Иными словами, внешнеполитическая (внешняя церковная) деятельность РПЦ предполагает взаимодействие Церкви с субъектами внецерковного пространства, к которым могут относиться государственные, общественные, церковные и др.

Говоря о **степени разработанности научной проблемы**, следует отметить, что ее составные компоненты изучены неравномерно.

Так, вопросы концептуализации «холодной войны» разработаны глубоко, им посвящены исследования таких ведущих российских ученых-международников, как В.М. Зубок[13], В.О. Печатнов[14], А.О. Чубарьян[15]. Существенный вклад в изучение модели советской политики в 1945-1953 гг.

---

[11] См., напр.: Herzog J.P. The Spiritual-Industrial Complex: America's Religious Battle against Communism in the Early Cold War. – Oxford, New York: Oxford University Press, 2011. – 273 p., Religion and the Cold War: A Global Perspective / ed. by P.E. Muehlenbeck. – Nashville: Vanderbilt University Press, 2012. – 314 p.

[12] Касаткин П.И. Русская Православная Церковь как актор современной мировой политики // Вестник МГИМО-университета. – 2010. – №6(15). – С.142.

[13] Зубок В.М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева / В.М. Зубок; – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 671 с., ил. – (История сталинизма).

[14] Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2006. – 752 с.

[15] Холодная война. 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. ст. / Рос. акад. наук. Ин-т всеобщей истории / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 640 с. – (Архив).

привнесли А.В. Пыжиков и А.А. Данилов[16], а также А.С. Кимерлинг[17]. Один из важнейших обобщающих трудов по истории «холодной войны» был составлен Б.Г. Путилиным, В.А. Золотаревым и Н.В. Илиевским[18]. Систематизации научных подходов к изучению «холодной войны» способствовали работы А.В. Торкунова[19], В.В. Дегоева[20], В.Т. Юнгблюда[21], А.В. Фененко[22]. Научные труды таких авторов, как О.В. Лебедева[23] и Б.А. Филиппов[24], посвящены различным аспектам советской дипломатии и межгосударственных отношений в годы Второй мировой войны, без понимания которых не представляется возможным анализ раннего этапа «холодной войны». Актуализации тематик, связанных с «холодной войной» и ее последствиями, послужили работы И.А. Истомина, Н.Я. Неклюдова и А.А. Сушенцова[25], Н.А. Цветковой[26].

С учетом фрагментации общего научно-исследовательского пространства, посвященного изучению «холодной войны», необходимо

---

[16] Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 годы. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 319 с., ил. – (Досье).

[17] Кимерлинг А.С. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи / А.С. Кимерлинг; Нац. исслед. ун-т. «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 216 с.

[18] Холодная война: в 2 т. – (Военная история Российского государства / под ред. В.А. Золотарева) – М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. Т. 1: Противостояние двух сверхдержав / Путилин Б.Г., Золотарев В.А. – 984 с.; Холодная война: в 2 т. – (Военная история Российского государства / под ред. В.А. Золотарева) – М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. Т. 2: От Потсдама до Мальты / Илиевский Н.В. – 584 с.

[19] Торкунов А.В. О некоторых вопросах послевоенного мирового устройства (выступление на годовом собрании Российского исторического общества 9 сентября 2015 года) // Вестник МГИМО-университета. – 2015. – №5(44). – С.204-209.

[20] Дегоев В.В. Великая холодная война 1946 - 1991 гг. // После разлома: Исторические очерки. – М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2016. – С.12-31.

[21] Юнгблюд В.Т. Мировой порядок 1945 г. – процесс с «открытым» продолжением // Вестник МГИМО-университета. – 2020. – Т.13 – №4. – С.52-79.; Юнгблюд В.Т., Садаков Д.А. Дипломатическое обеспечение вмешательства США в Корейскую войну. Опыт кризисного регулирования // Вестник МГИМО-университета. – 2018. – №4(61). – С.241-261.

[22] Фененко А.В. Хуже, чем в холодную войну // Россия в глобальной политике. – 2016. – Т.14. – №2. – С.142-160.; Фененко А.В. Эволюция теории ядерного сдерживания в США в годы холодной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2020. – Т.13. – №1. – С.111-135.

[23] Лебедева О.В. Советская военная дипломатия в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. – 2019. – № 4. – С.33-37.

[24] Филиппов Б.А. Ф. Рузвельт, Пий XII, И. Сталин и проблема репутации СССР в годы Второй мировой войны // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2016. – №4(71). – С.84-102.

[25] Истомин И.А., Неклюдов Н.Я., Сушенцов А.А. Вперед в прошлое? Возвращение истории // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т.20. – №5(117). – С.38-54.

[26] Цветкова Н.А. Почему не состоялась ревизия Ялтинско-Потсдамского порядка? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2019. – Т.12. – №2. – С.255-259.

обозначить и специалистов, внесших значительный вклад в анализ составных элементов этой широкой темы: к таковым стоит отнести И.Д. Звягельскую[27], М.М. Наринского[28], А.Д. Богатурова[29], Н.И. Егорову[30], К.В. Асмолова[31], Н.Ю. Васильеву[32], Т.В. Волокитину[33], И.В. Быстрову[34], Ю.А. Евстратову[35], С.А. Крылова[36], В.А. Кутузова[37].

[27] Звягельская И.Д. Палестинская проблема: каким будет завтра? // Вестник МГИМО-университета. – 2018. – №1(58). – С.271-276.

[28] Наринский М.М. Берлинский кризис 1948-1949 гг. // Вестник МГИМО-университета. – 2011. – №1(16). – С.162-172.; Наринский М.М., Мунтян М.А. Победа СССР в войне против Германии была абсолютно закономерна // Вестник МГИМО-университета. – 2011. – №3(18). – С.108-113.

[29] Богатуров А.Д. Истоки американского поведения // Россия в глобальной политике. – 2004. – Т.2. – №6. – С.80-97.

[30] Егорова Н.И. «Народная дипломатия» ядерного века: Движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955-1965 годы. – М.: Аквилон, 2016. – 320 с., илл.; Егорова Н.И. Влияние движения сторонников мира на политику ядерного разоружения. 1950-1960 гг. // Новая и новейшая история. – 2015. – №6. – С.70-85.; Егорова Н.И. Между единством и расколом: влияние начала войны во Вьетнаме на Движение сторонников мира // Россия XXI. – 2016. – №6. – С.38-63.

[31] Асмолов К.В. Об «ответственности внешних сил» за начало Корейской войны // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – №3. – С.131-158.

[32] Васильева Н.Ю. Роль советских органов пропаганды в формировании «позитивного» образа СССР в Германии в 1945 году // Вестник МГИМО-университета. – 2010 – №5(14) – С.40-44.

[33] Волокитина Т.В. Геополитические итоги Второй мировой войны и феномен народной демократии в Восточной Европе // Дриновський збірник. – 2011. – Т.4. – С.270-276.; Волокитина Т.В. На рубеже войны и мира: Советский Союз и подготовка соглашения о перемирии с Болгарией // Славянский альманах. – 2015. – №1-2. – С.81-94.; Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг. – М.: Наука, 1993. – 344 с.

[34] Быстрова И.В. Холодная война 1945-1960 гг.: Токио-Москва-Вашингтон. – М.: ИДЭЛ, 2009. – 400 с.

[35] Евстратова Ю.А. Советско-сирийские отношения и формирование ближневосточной региональной среды // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2011. – №1(62). – С.171-179.

[36] Крылов С.А. 50 лет Движению неприсоединения: итоги и перспективы // Вестник МГИМО-университета. – 2012. – №3(24). – С.17-25.

[37] Кутузов В.А. А.А. Жданов и создание Коминформбюро // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2013. – №1. – С.60-65.

Проблемы регионального уровня, актуальные для исследования раннего этапа «холодной войны», поднимаются в трудах С.Г. Лузянина[38], Т.В. Носенко[39], А.Ф. Носковой[40], Г.К. Прозоровой[41], А.С. Стыкалина[42].

Теоретические вопросы, связанные с формами советской дипломатии и концептуализацией трендов послевоенного времени, нашли свое отражение в исследованиях И.И. Павлова[43], Т.В. Раевой[44] и А.А. Калинина[45].

Проблематика деколонизации представлена в работах Д.А. Дегтерева[46], К.А. Беспаловой[47], А.Л. Емельянова[48], Е.Н. Емельяновой[49], А.М. Родригес-Фернандеса[50].

---

[38] Лузянин С.Г. Восстановление правды. СССР и Китай в 1931-1945 гг. // Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне: Тезисы докладов российско-китайской научной конференции, Москва, 05–06 мая 2015 года. – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2015. – С.12-16.

[39] Носенко Т.В. Политика СССР и США по вопросу создания Государства Израиль (1945-1948) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2016. – Т.8. – №2. – С.55-89.

[40] Носкова А.Ф. Геополитические интересы СССР, проблема советизации Восточной Европы и советско-польские отношения (40-е годы XX в.) // Перспективы. Электронный журнал. – 2019. – №4(20). – С.56-81.; Носкова А.Ф. Кем были в Восточной Европе солдаты Красной Армии в 1945 году: освободителями, оккупантами или…? // Вестник МГИМО-университета. – 2010. – №5(14). – С.65-72.

[41] Прозорова Г.К. К истории становления советско-израильских отношений (1947-1949) // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2020. – №3(25). – С.243-258.

[42] Стыкалин А.С. Проблема эффективности функционирования Коминформа и мотивы его роспуска в контексте отношений СССР и стран советского блока с Югославией. 1949-1956 // Славяноведение. – 2014. – №1. – С.12-29.

[43] Павлов И.И. Историко-теоретическое обоснование Движения неприсоединения // Вестник МГИМО-университета. – 2013. – №2(29). – С.12-17.

[44] Раева Т.В. «Против огня войны»: практики советского миротворчества в условиях холодной войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2020. – Т.20. – №4. – С.58-65.; Раева Т.В. Развитие советских миротворческих практик в условиях холодной войны // Управление в современных системах. – 2018. – №4(20). – С.18-24.; Раева Т.В. Советское движение за мир в послевоенной культурной дипломатии: институты, дискурсы, практики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2017. – Т.17. – №2. – С.19-25.

[45] Калинин А.А. Борьба за мир как советский вариант публичной дипломатии // Вестник гуманитарного образования. – 2018. – №3(11). – С.123-128.

[46] Дегтерев Д.А. К окончанию «постколониального момента» антиколониальной борьбы: контуры исследовательской программы // Постколониализм и современность. – 2023. – №1(1). – С.13-46.

[47] Беспалова К.А. На пути к созданию Антиимпериалистической лиги: Всемирный конгресс в Брюсселе (1927 г.) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2024. – №1. – С.103-113.

[48] Емельянов А.Л. Сравнение идеологии колониальных захватов и распространения демократии в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. – 2023. – Т.67. – №4. – С.41-60.

[49] Емельянова Е.Н. Политика Советской России в отношении национальных и антиколониальных движений в межвоенный период (20-30-е годы XX в.) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. – 2021. – №4. – С.89-103.

[50] Родригес-Фернандес А.М. Новые тенденции в национальных отношениях стран Востока (первая половина XX века) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2022. – №4. – С.64-70.

В то время как отечественной школой был осуществлен анализ каждой компоненты «холодной войны» и была подчеркнута необходимость дальнейшей концептуализации полученного знания, западная исследовательская традиция была более сконцентрирована на теоретизации представлений о «холодной войне».

Этой задаче способствовали труды таких авторов, как Дж. Гэддис[51], А. Шлезингер[52], Р. Джервис[53], О.А. Вестад[54], М. Макколи[55], С. Джансон[56] и Дж. Робертс[57], а также Д.Э. Дэвис и Ю.П. Трани[58].

Отдельно стоит выделить коллективные монографии по истории «холодной войны» под редакцией М. Леффлера[59] и О.А. Вестада[60], а также Р. Иммермана и П. Гедде[61].

Интерес для отечественных исследователей могут представлять и сборники работ по более узким проблематикам середины XX в. под редакцией

[51] Gaddis J.L. On Grand Strategy. – New York: Penguin Press, 2018. – 368 p.; Gaddis J.L. The Long Peace: Inquiries into the History of the Cold War. – New York: Oxford University Press, 1987. – 332 p.; Gaddis J.L. The United States and the Origins of the Cold War, 1941-1947. – New York: Columbia University Press, 1972. – 396 p.; Gaddis J.L. The Tragedy of Cold War History // Diplomatic History. – 1993. – Vol.17. – Issue 1. – PP.1-16.

[52] Shlesinger A.Jr. Origins of the Cold War // Foreign Affairs. – 1967. – Vol.46. – №1. – PP.22-52.

[53] Jervis R. The Impact of the Korean War on the Cold War // The Journal of Conflict Resolution. – 1980. – Vol.24. – №4. – PP.563-592.; Jervis R. Was the Cold War a Security Dilemma? // Journal of Cold War Studies. – 2001. – Vol.3. – №1. – PP.36-60.

[54] Westad O.A. The New International History of the Cold War: Three (Possible) Paradigms // Diplomatic History. – 2000. – Vol.24. – №4. – PP.551-565.

[55] McCauley M. The Cold War. 1949-2016. – London and New York: Routledge, 2017. – 377 p.

[56] Jeannesson S. La guerre froide. – Paris: La Découverte, 2002. – 123 p.

[57] Roberts G. Stalin's Wars: From World War to Cold War, 1939-1953. – New Haven and London: Yale University Press, 2008. – 468 p.

[58] Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях / Науч. ред. А.А. Поршакова; пер. с англ. Е.В. Нетесовой; Сост. указ. и библиогр. ред. Д.Н. Бакун – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 479 с., ил. – (Архив).

[59] Origins of the Cold War: An International History / ed. by Melvyn P. Leffler and David S. Painter. – London and New York: Routledge, 2002. – 322 p.

[60] The Cambridge History of the Cold War. Volume 1: Origins / ed. by Melvyn P. Leffler and Odd Arne Westad. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 551 p.; The Cambridge History of the Cold War. Volume 2: Crises and Detente / ed. by Melvyn P. Leffler and Odd Arne Westad. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 570 p.

[61] The Oxford Handbook of the Cold War / ed. by R.H. Immerman and P. Goedde. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 660 p.

Г. Шукмана[62] и Дж. Шопфлина[63], а также монографии по отдельным реалиям международной жизни[64].

Религиозный фактор в международных отношениях был исследован такими отечественными учеными, как В.Г. Барановский, В.В. Наумкин[65], П.И. Касаткин[66], С.М. Маркедонов[67], В.В. Воротников, Д.А. Пареньков[68], В.Р. Легойда[69].

Среди работ, посвященных влиянию религии на политические процессы, особое место занимают труды В.В. Печатнова[70] и В.О. Печатнова[71].

Воздействие религии на национальную идентичность и на идеологическое измерение отмечается в исследованиях А.В. Торкунова[72] и М.М. Шахнович[73]. Взаимодействию церковных институтов и разведки посвящена работа А. Казакова[74].

---

[62] Redefining Stalinism / ed. by H. Shukman. – London and Portland: Franc Cass, 2005. – 185 p.

[63] The Soviet Union and Eastern Europe / ed. by G. Schöpflin. – New York: Muller, Blond and White, 1986. – 637 p.

[64] Bostdorff D.M. Proclaiming the Truman Doctrine: The Cold War Call to Arms. – Texas A&M University Press: College Station, 2008. – 193 p.; Charles L.Mee, Jr. The Marshall Plan. – New York: Simon&Schuster Inc., 1985. – 301 p.; Gillen P., Ghosh D. Colonialism and Modernity. – Sydney: University of New South Wales, 2007. – 271 p.; Galagher C.R. Vatican Secret Diplomacy: Joseph P. Hurley and Pope Pius XII. – New Haven&London: Yale University Press, 2008. – 283 p.; Leustean L.N. Orthodoxy and the Cold War: Religion and Political Power in Romania, 1947-1965. – New York: Palgrave Macmillan, 2009.; Lahr A.M. Millennial Dreams and Apocalyptic Nightmares. The Cold War Origins of Political Evalengilicalism. – Oxford, New York: Oxford University Press, 2007. – 281 p.

[65] Барановский В.Г., Наумкин В.В. «Мир веры» и «мир неверия»: экспансия и редукция религиозности // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 6. – С.8-31.

[66] Касаткин П.И. О роли религиозных акторов в современных мировых политических процессах // Вестник МГИМО-университета. – №1(10). – С.257-261.; Касаткин П.И. Русская Православная Церковь как актор современной мировой политики // Вестник МГИМО-университета. – 2010. – №6(15). – С.141-151.

[67] Маркедонов С.М., Ярлыкапов А.А. Религия в международных процессах: от «сумерек богов» к сумеркам секуляризма? // Международная аналитика. – 2021. – Т.12. – №4. – С.7-10.

[68] Воротников В.В., Пареньков Д.А. Церковь и политика: испытание новой реальностью // Институт международных исследований МГИМО МИД России. – 2022. – 23 с.

[69] Легойда В.Р. Религиозность в безрелигиозную эпоху // Альфа и Омега. – 2000. – №1. – С.351.

[70] Печатнов В.В. Традиционные ценности и их противники // Россия XXI. – 2017. – №1. – С.24-45.; Печатнов В.В. Церковь и внешняя политика России: традиции, тенденции, перспективы // Концепт: философия, религия, культура. – 2017. – №1(1). – С.151-153.

[71] Печатнов В.О., Печатнов В.В. Меняющийся религиозный ландшафт Америки // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т.62. – №9. – С.48-59.

[72] Торкунов А.В. О вечном и новом в актуальном контексте мировой политики (к 800-летию со дня рождения Александра Невского) // Полис. Политические исследования. – 2021. – №3. – С.8-16.

[73] Шахнович М.М. Холодная война и идеологическая борьба на «религиозном фронте»: о некоторых моделях советской пропаганды // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2017. – Т.35. – №1. – С.164-184.

[74] Казаков А. Церковь и разведка. О чем рассказали рассекреченные документы. – М.: Ломоносовъ, 2019. – 224 с. – (История. География. Этнография).

Концептуализации значимости религиозного фактора в период «холодной войны» способствовали научные изыскания таких западных авторов, как Т. Ганн[75], Дж. Герцог[76], У. Инбоден[77], С.М. Майнер[78], А. Престон[79].

Попытка обобщить накопленный опыт была предпринята коллективами авторов во главе с Ф. Мюленбеком[80] и Д. Кирби[81]. Религиозный фактор в американской политике был изучен М. Сликом[82]. Взаимное влияние политической и церковной деятельности нашло свое отражение в Кембриджской истории христианства[83]. Кроме того, религиозное измерение попало в фокус внимания составителей сборника Routledge по внешней политике России[84].

Несмотря на огромный пласт научной литературы, посвященной «холодной войне», о сохранении интереса к этой тематике свидетельствует не только международная обстановка, но и публикация все новых исследований, призванных заново проанализировать сюжеты, остающиеся дискуссионными[85].

Историография, посвященная деятельности РПЦ в рассматриваемый период, также может быть разделена на несколько кластеров. Вопросы избрания патриарха и причин, побудивших советское правительство пойти на

---

[75] Gunn T.J. Spiritual Weapons: the Cold War and the Forging of an American National Religion. – Wetsport, Connecticut, London: Praeger, 2009. – 296 p.

[76] Herzog J.P. The Spiritual-Industrial Complex: America's Religious Battle against Communism in the Early Cold War. – Oxford, New York: Oxford University Press, 2011. – 273 p.

[77] Inboden W. Religion and American Foreign Policy. 1945-1960: The Soul of Containment. – New York: Cambridge University Press, 2008. – 356 p.

[78] Miner S.M. Stalin's Holy War: Religion, Nationalism and Alliance Politics, 1941-1945. – Chappel Hill and London: The University of North Carolina Press, 2003. – 407 p.

[79] Preston A. Sword of the Spirit, Shield of Faith: Religion in American War and Diplomacy. – New York: Anchor Books, 2012. – 815 p.

[80] Religion and the Cold War: A Global Perspective / ed. by P.E. Muehlenbeck. – Nashville: Vanderbilt University Press, 2012. – 314 p.

[81] Religion and the Cold War / ed. by D. Kirby. – New York: Palgrave Macmillan, 2003. – 245 p.

[82] Slik M. Spiritual Politics: Religion and America since World War II. – New York. London: Simon and Schuster Inc. – 1989. – 206 p.

[83] The Cambridge History of Christianity: World Christianities. C.1914 to c.2000 / ed. by Hugh McLeod. – New York: Cambridge University Press, 2008. – 717 p.

[84] Routledge Handbook of Russian Foreign Policy / Ed. by A. Tsygankov. – Abington: Routledge, 2018. – 429 p.

[85] См., напр.: Dobrenko V. The Soviet "Struggle for Peace", the United Nations, and the Korean War // Journal of Cold War Studies. – 2024. – Vol.26. – №1. – PP.29-49.

этот шаг, были рассмотрены в работах таких авторов, как В.А. Алексеев[86], И.А. Курляндский[87], М.И. Одинцов[88], С.Л. Фирсов[89] и М.В. Шкаровский[90].

Ключевой вклад в развитие представлений о внешней церковной деятельности РПЦ в советский период внесла О.В. Васильева[91]. Место РПЦ в системе общественных отношений в сталинский период подвергалось анализу в работах Д.А. Волконогова[92], А. Роккуччи[93] и Д.В. Поспеловского[94].

Одной из важнейших обобщающих работ, посвященной православной Церкви в XX в., стал труд протоиерея В. Цыпина[95]. Значимыми вехами генерализации знаний по истории Церкви можно назвать работы М.Б. Данилушкина[96], А.А. Кострюкова[97] и В.С. Блохина[98].

---

[86] Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. – М.: Политиздат, 1991. – 400 с.

[87] Курляндский И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922-1953 гг.). – М.: Кучково поле, 2011. – 720 с.

[88] Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917-1953 гг. / Михаил Одинцов. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 424 с. – (История сталинизма).

[89] Фирсов С.Л. «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 – нач. 1940-х гг.: очерки истории / Фирсов С.Л. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитар. ун-т, 2014. – 474 с., ил.

[90] Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах) / М.В. Шкаровский. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье. Общество любителей церковной истории, 1999. – 399 с.

[91] См., напр.: Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор. – М.: Лепта-Пресс, 2004. – 382 с.: ил.

[92] Волконогов Д.А. Сталин и религия // Наука и религия. – 1989. – №2. – С.10-11.

[93] Роккуччи А. Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917-1958 / Адриано Роккуччи; [пер. с итал. О.Р. Щелоковой]. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 582 с. – (История сталинизма).

[94] Поспеловский Д.В. Сталин и Церковь. «Конкордат» 1943 г. и жизнь Церкви (В свете архивных документов) // Континент. – 2000. – №1(103). – С.220-239.

[95] Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды / 4-е изд. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – 816 с.

[96] История Русской Православной Церкви: от восстановления Патриаршества до наших дней. 1917-1970 / под общ. ред. М.Б. Данилушкина. СПб.: Воскресение, 1997. – 1020 с.

[97] Кострюков А.А. Лекции по истории Русской Церкви (1917 – 2008): Учебное пособие / А.А. Кострюков. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. – 368 с.

[98] Блохин В.С. История поместных Православных Церквей: учебник. – Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2022. – 642 с.

Внешняя церковная деятельность РПЦ являлась предметом исследований таких специалистов, как В.Н. Якунин[99], А.Л. Беглов[100], Т.В. Волокитина[101], М.В. Каиль[102], А.А. Кострюков[103], прот. В. Цыпин[104].

Особое место занимают труды Т.А. Чумаченко[105], посвященные не только внешней церковной деятельности РПЦ, но и ее участию в Движении сторонников мира.

Религиозное (церковное) измерение «холодной войны» нашло свое отражение в исследованиях Н.А. Беляковой[106] и С.В. Болотова[107]. Частным

---

[99] Якунин В.Н. Внешние связи Московской Патриархии и расширение её юрисдикции в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Самара: Издательство Самарского университета, 2002. – 200 с.

[100] Беглов А.Л. Заметки Г.Г. Карпова о поездке патриарха Алексия I (Симанского) на Ближний Восток в мае-июне 1945 года // Российский журнал истории Церкви. – 2023. – Т.4. – №3. – С.116-136.; Беглов А.Л. Международная деятельность Русской Православной церкви в период «нового курса» в государственноцерковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т.11. – №4. – С.104-129.

[101] Волокитина Т.В. «Московский Ватикан»: замысел создания и попытки его реализации. 1943-1948 гг. // Славяне и Россия: славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы. Сб. ст. / Отв. редактор С. И. Данченко. – М.: Институт славяноведения РАН, 2018. – № 1. – С.339-360.; Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40-50-х годов XX века: Очерки истории. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – 807 с., ил. – (История сталинизма).

[102] Каиль М.В. «Православный фактор» в советской дипломатии: международные коммуникации Московского патриархата в середине 1940-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – №1. – С.19-40.

[103] Кострюков А.А. Подготовка Московского совещания глав и представителей поместных Православных церквей в 1948 г. // Российская история. – 2019. – №1. – С.197-206.; Кострюков А.А. Экзарх Болгарской церкви митрополит Степан и Московская Патриархия // Вестник Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: история. История Русской Православной церкви. – 2013. – №5(54). – С.31-43.

[104] Цыпин В., прот. Значение и итоги Совещания 1948 года. О форуме, собравшем глав и представителей автокефальных православных церквей в Москве // Журнал Московской Патриархии. – 2018. – №7(920). – С.52-58.

[105] Чумаченко Т.А. В русле внешней политики советского государства: Московская Патриархия на международной арене в 1943-1948 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2007. – №1. – С.89-99.; Чумаченко Т.А. В русле внешней политики сталинского руководства: Русская православная церковь и патриархаты Ближнего Востока. 1943-1953 годы / Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – №22(351). – С.142-148.; Чумаченко Т.А. Московская патриархия в Движении сторонников мира: 1949-1953 гг. // Известия Челябинского научного центра УрО РАН. – 2007. – №1. – С.152-156.; Чумаченко Т.А. Русская православная церковь в международном Движении сторонников мира: интересы церкви и власти (1949-1953) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – №5(106). – С.93-95.

[106] Белякова Н.А. Религия и конструкты национальной идентичности в странах Восточной Европы в XX в.: введение в проблематику // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2014. – Т.32. – №4. – С.11-27.; Белякова Н.А. Церкви в холодной войне. Введение // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2017. – Т.35. – №1. – С.7-18.

[107] Болотов С.В. Русская Православная церковь и начало «холодной войны» // Вестник Московского государственного областного университета. – 2010. – №3. – С.100-104.; Болотов С.В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-1950-е годы. – М.: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2011. – 314 с.

вопросам активности РПЦ на международном треке посвящены статьи Д.А. Лактюхина[108], М.В. Монгуш[109], С.В. Мячина[110] и Г.Н. Скобея[111].

В контексте межцерковных диалога и соперничества необходимо указать на одну из основополагающих работ за авторством С. Маджистера, позволившую уточнить политический курс Святого Престола в XX в., в т.ч. и в отношении РПЦ[112].

Не менее значимым является современный труд А.К. Погасия, в котором характеризуются расколы в российском православии, что критично для понимания сущности отношений РПЦ и РПЦЗ в рассматриваемый период.[113]. Концептуальные аспекты деятельности РПЦ рассмотрены в работах А.И. Кырлежева[114].

Внешнеполитическим сюжетам и «церковной дипломатии»[115] в послевоенный период, в частности, посвящен и ряд диссертаций, авторы которых предприняли попытку обобщить накопленный российской и зарубежной наукой опыт[116]. В то же время всеми диссертантами история РПЦ

---

[108] Лактюхин Д.А. Внешняя церковная деятельность Московского Патриархата в годы «нового курса» советского государства в отношении Церкви (1946-1953 гг.) // Христианство на Ближнем Востоке. – 2022. – Т.6 - №4. – С.166-202.

[109] Монгуш М.В. Всеправославное совещание 1948 года: новые документы к истории его подготовки // Восточный архив. – 2021. – №2(44). – С.94-102.

[110] Мячин С.В. Участие Русской Православной Церкви в международном движении сторонников мира в конце 40-х годов XX века // Вестник Оренбургской духовной семинарии. – 2022. – №3(24). – С.91-102.

[111] Скобей Г.Н. Межправославное сотрудничество в подготовке Святого и Великого Собора Восточной Православной Церкви // Церковь и время. – 2002. - №2(19). – С.54-199.

[112] Маджистер С. Политика Ватикана и Италия. 1943-1978 – М.: Прогресс, 1982. – 335 с.

[113] Погасий А.К. Церковные расколы в российском православии XIV – начала XX веков. – Казань: Изд. дом МедДок, 2009. – 291 с.

[114] Кырлежев А.И. Мировое православие: типология автокефальных церквей // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2016. – Т.34. – №1. – С.74-101.; Кырлежев А.И. Можно ли говорить о "репутации Церкви"? // Отечественные записки. – 2014. – №1(58). – С.216-225.

[115] Термин «церковная дипломатия» не используется РПЦ, однако применяется представителями отечественной исследовательской традиции для обозначения дипломатической деятельности церковных институтов. В церковной традиции вместо понятия «церковная дипломатия» могут использоваться такие термины, как «внешние церковные связи», «внешняя церковная деятельность». Далее в тексте диссертации представленные термины используются в качестве синонимов.
См., напр.: Беглов А.Л., Белякова А.Н. Церковная дипломатия в условиях «холодной войны»: направления международной деятельности Русской Православной Церкви в период разрядки международной напряженности 1970-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2021. – Т.12. – №11(109).; Каиль М.В. Церковная дипломатия и визит патриарха Алексия (Симанского) в Святую Землю 1945 года // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2020. – №4(56). – С.4-15.

[116] См., напр.: Болотов С.В. Роль Русской Православной Церкви в международной политике СССР в конце 1930-х – начале 1950-х гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Болотов Сергей Вячеславович; Московский государственный

рассматривалась сквозь призму отечественной истории, а не истории международных отношений и внешней политики, о чем, помимо прочего, свидетельствуют шифр и наименование научной специальности данных работ.

Исследование региональных направлений международной деятельности РПЦ было бы невозможным без обращения к литературе, посвященной положению православия в отдельных регионах мира.

Применительно к Китаю данный вопрос рассмотрен в работах В.Г. Дацышена[117] и священника Д. Поздняева[118]. Ситуация в Корее была проанализирована М.В. Шкаровским[119], А.А. Хисамутдиновым[120] и иеромонахом П. Чхве[121]; в Японии – М.Н. Григорьевой[122]. Проблематика церковно-административного управления православием в Восточной Азии становилась предметом исследований Е.В. Дроботушенко[123].

Многие аспекты деятельности Русской духовной миссии в Иерусалиме и специфики положения православия на Ближнем Востоке были рассмотрены в

областной университет. – Москва, 2011. – 292 с. – Текст: непосредственный.; Чумаченко Т.А. Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР. 1943-1965 гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук // Чумаченко Татьяна Александровна; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2011. – 535 с. – Текст: непосредственный.; Шкуратова И.В. Советское государство и внешнеполитическая деятельность Русской православной церкви: 1945-1961 гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Шкуратова Ирина Викторовна; Московский государственный областной университет. – Москва, 2005. – 188 с. – Текст: непосредственный.

[117] Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. – 240 с.

[118] Поздняев Д., свящ. Православие в Китае (1900-1997). – М.: Изд. Свято-Владимирского братства, 1998. – Текст: электронный. – URL: http://www.orthodox.cn/localchurch/pozdnyaev/index_ru.html. – Дата доступа: 15.07.2024.; Поздняев Д., свящ. Православие в Китае (страницы истории) // Россия и современный мир. – 2001. – №1. – С.165-181.

[119] Шкаровский М.В. Русская православная духовная миссия в Корее // Христианское чтение. – 2010. – №2. – С.86-119.

[120] Хисамутдинов А.А. Духовные миссии в Китае, Корее и Японии (конец XIX — первая половина XX вв.) // Известия Восточного института. – 2012. – № 2(20). – С.96-112.

[121] Чхве П., иером. Прекращение деятельности Корейской миссии Русской Православной Церкви в 1948-1949 гг. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. – 2020. – №2(5). – С.225-238.

[122] Григорьева М.Н. Деятельность Русской Православной Церкви в Японии (1912-1945 гг.) под началом митрополита Сергия (Тихомирова) // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2003. – №13. – С.286-299.

[123] Дроботушенко Е.В. Деятельность Восточно-Азиатского экзарха Нестора (Анисимова) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – №7. – С.201-207.; Дроботушенко Е.В. Проблемы церковно-административного управления православием на севере и северо-востоке Китая в середине 1940-х гг. // Известия лаборатории древних технологий. – 2022. – Т.18. – №2(43). – С.155-163.

трудах А.А. Климовой[124] и Е.В. Паламаренко[125]. Тематика взаимодействия РПЦ с православными Церквями Восточной Европы представлена, помимо упоминавшихся ранее трудов отечественных международников-славистов, работами А.Ю. Абрамова[126], А.В. Вишиванюк[127] и Д. Калканджиевой[128].

К вопросам возрождения РПЦ во второй половине 1940-х гг. и ее внешней церковной деятельности обращались и западные специалисты. Наиболее видными представителями зарубежной науки, посвятившими свои исследования истории РПЦ в XX в., можно считать Дж. Кертиса[129], У. Флетчера[130], У. Коларза[131], М. Спинку[132], У. Строена[133], Н. Струве[134], Н.М. Зернова[135], Ф. Уолтерса[136], Д. Периса[137]. Эти работы, написанные еще во второй половине XX в., уже не столь актуальны с точки зрения содержащейся в них фактологии, особенно если учитывать связанную с тогдашней

---

[124] Климова А.А. Взаимоотношения Русской Православной Церкви с Иерусалимским патриархатом в 1948-1953 годах в контексте советско-израильских отношений // Исторический журнал: научные исследования. – 2020. – №1. – С.49-62.; Климова А.А. Восстановление взаимоотношений Московской патриархии с Иерусалимским и Антиохийским патриархатами в 1946-1948 годах (к вопросу о назначении представителей) // Исторический журнал: научные исследования. – 2019. – №5. – С.124-134.

[125] Паламаренко Е.В. Положение Русской духовной миссии в Иерусалиме Московского патриархата в Израиле и Иордании в 1948-1967 гг. // Христианское чтение. – 2019. – №3. – С.256-264.; Паламаренко Е.В. Русскоязычная община Иерусалима в 1950-1951 гг. // Христианство на Ближнем Востоке. – 2017. – №3. – С.15-28.; Паламаренко Е.В. Христианское присутствие в Государстве Израиль на примере Русской духовной миссии в Иерусалиме: вызовы и перспективы // Миссия конфессий. – 2017. – №24. – С.99-107.

[126] Абрамов А.Ю. Помощь Московского Патриархата Болгарской Православной церкви в 1945-1957 гг. (по документам Государственного архива Российской Федерации) // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. – 2018. – №4-1(4). – С.39-56.

[127] Вишиванюк А.В. Вопрос об автокефалии Польской православной церкви в контексте холодной войны // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2017. – Т.35. – №1. – С.81-97.

[128] Калканджиева Д. Болгарская Православная церковь и экуменическое движение после Второй мировой войны // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – Т.35. – №1. – С.64-80.; Kalkandjieva D. The Russian Orthodox Church, 1917-1948: From Decline to Resurrection. – London and New York: Routledge, 2015. – 377 p.

[129] Curtiss J.S. The Russian Church and the Soviet State, 1917-1950. – Boston: Little, Brown and Company, 1953. – 387 p.

[130] Fletcher W.C. A Study in Survival. The Church in Russia 1927-1943. – New-York: The Macmillan Company, 1965. – 168 p.

[131] Kolarz W. Religion in the Soviet Union. – London: St Martin's Press, 1961. – 518 p.

[132] Spinka M. The Church in Soviet Russia. – New York: Oxford University Press, 1956. – 179 p.

[133] Stroyen W.B. Communist Russia and the Russian Orthodox Church. 1943-1962. – Washington: The Catholic University of America Press, 1967. – 161 p.

[134] Struve N. Les Chrétiens en U.R.S.S. – Paris: Éditions du Seuil, 1963. – 373 p.

[135] Zernov N. The Russians and their Church. – London: SPCK, 1978. – 192 p.

[136] Walters P. The Russian Orthodox Church 1945-1959 // Religion in Communist Lands. – 1980. – Vol.8. – №3. – PP.218-224.

[137] Peris D. Storming the Heavens. The Soviet League of the Militant Godless. – Ithaca, London: Cornell University Press, 1998. – 237 p.

недоступностью источниковой базы ограниченность данных трудов, однако все еще представляют интерес оценочные суждения и научно-исследовательские выводы, сделанные перечисленными авторами.

Резюмируя, заметим, что как ранний этап «холодной войны», так и внешняя церковная деятельность РПЦ в середине XX в. не являются малоизученными тематиками: каждому из этих двух направлений посвящено большое количество академической литературы, однако на пересечении этих проблематик, когда речь заходит о корреляции государственных и церковных подходов и дискурсов, все еще сохраняются вопросы, требующие научной разработки.

Если в отношении «холодной войны» можно констатировать, что практически все общие и частные сюжеты отечественной наукой были проанализированы и ключевой вопрос заключается в концептуализации кризисных явлений, последствий «холодной войны», взаимодействия разного рода акторов и места отдельных факторов в противостоянии, то в случае внешней церковной деятельности РПЦ сохраняется потребность в устранении пробелов как концептуального, так и фактологического характера.

Ключевой же, на наш взгляд, научно-исследовательской потребностью можно считать конвергенцию представлений о «холодной войне» и внешней церковной деятельности РПЦ, что способствовало бы как конкретизации значимости религиозного фактора в гибридных конфликтах, так и совершенствованию государственно-церковного взаимодействия в современном мире.

Теоретическая значимость исследования заключается в проведении ретроспективного анализа эффективности государственно-церковного сотрудничества во внешнеполитической сфере в условиях гибридного конфликта. Сформулированные по результатам исследования выводы могут быть использованы в учебных программах по религиозному фактору в международных отношениях, «церковной дипломатии» и участию неправительственных организаций в международных процессах.

Практическая значимость диссертации связана с возможностью определения приоритетных направлений и способов взаимодействия государства и церковных институтов на международной арене на современном этапе. Особый интерес для конструирования подходов к решению задач, стоящих перед внешнеполитическим ведомством на сегодняшний день, могут представлять положения, которые посвящены проведению церковными институтами направленной на поддержку государственной повестки деятельности в условиях идеологизации международных отношений и усиливающейся антагонизации государственных акторов.

Научная новизна работы проистекает из того, что вопрос внешней церковной деятельности РПЦ рассматривается в контексте истории международных отношений и внешней политики, а не отечественной истории либо истории Церкви. Автором прослеживается взаимодействие советского государства и РПЦ в первую очередь с позиций государственных интересов и внешнеполитических целей Москвы. Опираясь в т.ч. на накопленный отечественной исследовательской традицией опыт изучения деятельности РПЦ, автор впервые выделяет церковные подходы середины XX в. к проблематикам колониализма и применения оружия массового уничтожения (ОМУ). Проведенный диссертантом анализ конструирования РПЦ идентичности посредством позитивной и негативной (антагонизация образа Запада, концептуализация последствий применения ОМУ и т.д.) повесток впервые был осуществлен в комплексе с рассмотрением политики и риторики[138] СССР по обозначенным вопросам, что позволило прийти к выводам о степени тождественности либо близости государственного и церковного нарративов.

Объектом исследования являются отношения РПЦ и СССР в 1945-1953 гг.

---

[138] В рамках работы риторика акторов рассматривается в качестве направления дискурсивной политики, направленного на формирование образов, способствующих достижению внешнеполитических целей.

Предмет исследования – области государственно-церковного сотрудничества на международной арене в 1945-1953 гг., а также корреляция международного измерения деятельности РПЦ и советской внешней политики.

Хронологическими рамками данного исследования являются 1945-1953 гг. Выбор нижней границы обусловлен началом складывания новой системы международных отношений, в которой действовали как государственные, так и церковные акторы. В то же время если становлению системы предшествовали процессы, во многом детерминировавшие ее дальнейшие характеристики, то и подходы рассматриваемых в диссертации субъектов государственно-церковных отношений также формировались на основе предпосылок, которые необходимо анализировать со времен Великой Отечественной войны и межвоенного периода. По этой причине в тех случаях, когда изучение внешней церковной деятельности РПЦ требует указания на факторы, обусловившие ее генезис, автором проводится и ретроспективное освещение событий и процессов, релевантных для поднятой тематики.

Верхняя граница исследования была определена как 1953 г. в силу нескольких причин: во-первых, смерть в марте 1953 г. И.В. Сталина, определявшего ключевые направления политики СССР на протяжении нескольких десятилетий, привела к пересмотру внешнеполитической линии Москвы, вследствие чего международная деятельность РПЦ, привлекаемой в качестве института, способствующего достижению поставленных перед страной целей, также начала претерпевать изменения.

Во-вторых, модель государственно-церковных отношений, при которой советское государство стремилось использовать РПЦ для реализации конкретных внешнеполитических задач и которая будет подробнее рассмотрена в основной части работы, после смерти И.В. Сталина значительно видоизменилась, что требует дифференциации исследовательских подходов в отношении изучения деятельности РПЦ в 1945-1953 гг. и последующие периоды.

Диссертация призвана ответить на следующий **исследовательский вопрос**: какова была корреляция между внешнеполитическим курсом СССР и внешней церковной деятельностью РПЦ?

Целью исследования является выявление наиболее результативных направлений государственно-церковного сотрудничества на международной арене и уточнение корреляции внешнеполитической линии СССР и внешней церковной деятельности РПЦ в 1945-1953 гг.

В рамках этой цели автором были сформулированы следующие **задачи**:

1. Систематизировать приоритетные направления советской внешней политики и ее императивы в 1945-1953 гг. и рассмотреть возможность привлечения РПЦ к осуществлению деятельности в рамках каждого из направлений.

2. Выявить предпосылки, обусловившие задействование советским государством РПЦ в качестве института, участвующего в реализации советского внешнеполитического курса.

3. Рассмотреть кампанию РПЦ по превращению Москвы в центр мирового православия и охарактеризовать потенциал этой акции для советской внешней политики.

4. Проследить эволюцию церковного дискурса в отношении государств Запада и США, в частности, а также сопоставить церковную риторику по этому вопросу с динамикой советско-американских отношений в 1945-1953 гг.

5. Определить основные внешнеполитические направления деятельности РПЦ в рамках Движения сторонников мира.

6. Дать оценку церковным подходам по основным концептуальным направлениям советской внешней политики в 1945-1953 гг. и дифференцировать государственный и церковный дискурсы.

7. Проанализировать региональные направления деятельности РПЦ в 1945-1953 гг. на примере Восточной Европы, Ближнего Востока и Восточной

Азии и оценить эффективность государственно-церковного сотрудничества на данных треках.

Источниковая база исследования представлена материалами, посвященными внешней политике СССР и деятельности РПЦ в рассматриваемый период.

Первую категорию можно разделить на такие подгруппы источников, как публичные выступления представителей СССР на международных площадках[139], официальные документы, включая международные договоры[140], делопроизводственные источники НКИД/МИД СССР, подготовленные в процессе реализации советского внешнеполитического курса[141], а также источники по истории двусторонних отношений СССР с различными государствами[142]. Этот пласт источников представлен в виде сборников

---

[139] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. 1 января – 3 сентября 1945 г.: Док. и материалы / Ред.-сост. С. Майоров. – М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1947. – 792 с.; Внешняя политика Советского Союза: 1945 год: Документы и материалы: 4 сентября – 31 декабря 1945 года. – М., Госполитиздат, 1949. – 202 с.; Внешняя политика Советского Союза: 1946 год: Документы и материалы: Январь – декабрь 1946 года. – М., Госполитиздат, 1952. – 836 с.; Внешняя политика Советского Союза: 1947 год.: Документы и материалы. Часть 1: Январь – июнь 1947 года. – М., Госполитиздат, 1952. – 543 с.; Внешняя политика Советского Союза: 1947 год.: Документы и материалы. Часть 2: Июль – декабрь 1947 года. – М., Госполитиздат, 1952. – 455 с.; Внешняя политика Советского Союза: 1948 год.: Документы и материалы. Часть 1: Январь – июнь 1948 года. – М., Госполитиздат, 1950. – 474 с.; Внешняя политика Советского Союза: 1948 год.: Документы и материалы. Часть 2: Июль – декабрь 1948 года. – М., Госполитиздат, 1951. – 455 с.; Внешняя политика Советского Союза: 1949 год: Документы и материалы: Январь – декабрь 1949 года. – М., Госполитиздат, 1953. – 685 с.; Внешняя политика Советского Союза: 1950 год: Документы и материалы: Январь – декабрь 1950 года. – М.: Госполитиздат, 1953. – 670 с.

[140] Международные отношения и внешняя политика СССР (1871-1957 гг.): Сб. док. / Высш. парт. школа при ЦК КПСС; Сост. Л.А. Харламова. – М., 1957. – 436 с.

[141] Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. В 2-х т. Документы. Т. 1. 1944—1948 гг. / Рос. академия наук, Ин-т славяноведения, Федер. архив. служба России, Гос. архив Российской Федерации, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, отв. редактор Т.В. Волокитина. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 687 с.; Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. В 2-х т. Документы. Т. 2. 1949—1953 гг. / Рос. академия наук, Ин-т славяноведения, Федер. архив. служба России, Гос. архив Российской Федерации, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Архив Президента Российской Федерации, отв. редактор Т.В. Волокитина. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. — 928 с.; Сталин и космополитизм. 1945—1953. Документы Агитпропа ЦК / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. — М.: МФД: Материк, 2005. — 768 с. — (Россия. XX век. Документы).

[142] Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967. В 2 т. Том 1: 1947–1956 / Отв. ред. В.В. Наумкин. – М.: МФД, 2003. – 608 с. – (Россия. XX век. Документы).; Советско-болгарские отношения и связи: Док. и материалы в 2 т. Т. II. Сентябрь 1944-декабрь 1958 / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, Ин-т истории Болгарской АН; Отв. ред. Р.П. Гришина, В. Божинов. — М.: Наука, 1981. — 770 с.; Советско-венгерские экономические отношения 1948-1973: Сб. док. / Сост. Л.В. Борисова. — М.: МФД, 2012. — (Серия «Россия. XX век. Документы»). — 576 с.; Советско-египетские отношения. 1943-1955 гг.: Док. и материалы / ФГБУН Ин-т востоковедения РАН; Отв. ред. Л.Ш. Кадырбаев. – СПб.: Алетейя, 2019. – 250 с.; Советско-израильские отношения: Сборник документов. Т.I: 1941-1953.; В 2-х кн. Кн.1: – 1941 – май 1949 / Министерство иностранных дел Российской Федерации; Министерство иностранных дел Государства Израиль. – М.: Междунар. отношения, 2000. – 560 с., ил.; Советско-израильские отношения:

документов, включающих материалы по концептуальным и региональным направлениям внешнеполитической деятельности СССР. В целях уточнения отдельных аспектов межгосударственных отношений в обозначенный период диссертантом также привлекались сборники документов, посвященные внешней политике других государств, в частности, США[143]. Кроме того, проведение комплексного анализа международных отношений на начальном этапе «холодной войны» потребовало обращения к таким источникам личного происхождения, как мемуары и дневники некоторых западных политиков и деятелей, ответственных за реализацию внешнеполитической стратегии[144].

Вторая категория источников, посвященная истории РПЦ, включает в себя такие подгруппы, как официальные документы, выпущенные церковными властями[145], делопроизводственные источники РПЦ[146], среди которых отдельно стоит выделить переписку между патриархом и главой Совета по делам РПЦ Г.Г. Карповым[147], а также источники, посвященные государственно-церковным отношениям в Восточной Европе[148]. Особый

Сборник документов. Т.I: 1941-1953.; В 2-х кн. Кн.2: май 1949 – 1953 / Министерство иностранных дел Российской Федерации; Министерство иностранных дел Государства Израиль. – М.: Междунар. отношения, 2000. – 560 с., ил.; Советско-китайские отношения. 1952-1955: Сборник документов – ИП Пермяков С.А., 2015. – 338 с., ил.; СССР и арабские страны. 1917-1960 гг. Документы и материалы / Ред. коллегия: В.Я. Сиполс [и др.]; М-во иностр. дел СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – 855 с.

[143] Public Papers of the Presidents of the United States: Harry S. Truman. April 12 to December 31, 1945. Washington: United States Government Printing Office, 1961. – 668 p.

[144] Kennan G.F. Memoirs. 1925-1950. – Boston, Toronto: An Atlantic Monthly Press Book, 1967. – 583 p.; Claudin F. The Communist Movement: From Comintern to Cominform. – New York and London: Monthly Review Press, 1975. – 644 p.

[145] Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. / О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. – М.: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2009. – 765 с.

[146] Наследие. Вып. 1: Религия – общество – государство: институты, процессы, мысль. Книга 1: История государственно-конфессиональных отношений в России (X – начало XXI века): хрестоматия в двух частях /сост. Ю.П. Зуев; под общ. ред. Ю.П. Зуева, В.В. Шмидта. Часть II: XX – начало XXI века. — М.: Изд-во РАГС; ИД «МедиаПром», 2010. — 288 с.; Одинцов М.И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Часть I: «Дело» патриарха Тихона; Крестный путь патриарха Сергия. – М.: Изд-во РАГС, 1999. – 334 с.

[147] Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1970 гг. Т.1: Письма патриарха Алексия в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1963 гг.: / [под ред. Н.А. Кривовой; отв. сост. Ю.Г. Орлова; сост. О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 847 с.

[148] Власть и церковь в Восточной Европе. 1944-1953 гг. Документы российских архивов: в 2 т. Т.1: Власть и церковь в Восточной Европе. 1944-1948 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 887 с.

интерес представляют источники, позволяющие обрисовать картину отношений между РПЦ и экуменическими структурами Запада[149], а также материалы Движения сторонников мира[150].

Из числа неопубликованных архивных источников автором привлекались хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ): документы фонда Р-6991 (Совет по делам религий при Совете министров СССР)[151] позволили расширить представление о взаимодействии между РПЦ и Русскими духовными миссиями на Ближнем Востоке и в Восточной Азии, а также уточнить механизмы сотрудничества между РПЦ и НКИД/МИД СССР. Ссылки на опубликованные архивные источники представлены в диссертации сносками на сборники документов и исследовательские статьи, в которых размещены соответствующие архивные материалы.

В качестве отдельной подгруппы в рамках второй категории источников уместно выделить материалы, публикуемые в периодическом издании РПЦ – «Журнале Московской Патриархии», чья развернутая характеристика представлена автором в первой главе диссертации. Данный кластер документов включает в себя выступления первых лиц РПЦ[152], церковную

---

[149] Православие и экуменизм: Док. и материалы, 1902-1998. – 2. изд., перераб. – М.: Отд. внеш. церк. сношений Моск. патриархата, 1999. – 495 с.

[150] См., напр.: The Story of the World Council of Peace – Druck.: Globus, Wien XX, 1962. – 19 p.

[151] ГА РФ. Ф.Р-6991. Оп.1. Д. 14, 15, 23, 588, 874.

[152] Алексий (Симанский), патр. Пасхальное послание // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №5. – С.3-4.; Алексий (Симанский), патр. Патриаршее послание // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.5-7.; Алексий (Симанский), патр. Святейший Патриарх Московский и всея Руси о решениях Крымской конференции // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.100.; Николай (Ярушевич), митр. Вера, Надежда, Любовь // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – №6. – С.12-15.; Николай (Ярушевич), митр. В защиту мира. Речь на Конференции духовенства всех христианских исповеданий Чехословакии по вопросам защиты мира // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №7. – С.13-15.; Николай (Ярушевич), митр. Значение Поместного Собора Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.30.; Николай (Ярушевич), митр. Любовь // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – №2. – С.10-12.; Николай (Ярушевич), митр. На Всемирном Конгрессе сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №5. – С.17-24.; Николай (Ярушевич), митр. Наше пребывание во Франции // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №10. – С.14-24.; Николай (Ярушевич), митр. Письмо пастору Иосуйской баптистской церкви проф. Токийского университета г-ну Козо Абэ В.Д. // Журнал Московской Патриархии. – 1952. – №5. – С.25.; Николай (Ярушевич), митр. Поездка в Англию // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №8. – С.27-52.; Николай (Ярушевич), митр. Речь на Всемирном Конгрессе сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №5. – С.14-16.; Николай (Ярушевич), митр. Речь на Всесоюзной конференции сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №9. – С.12-17.; Николай (Ярушевич), митр. Речь на Второй Всесоюзной конференции сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №11. – С.10-14.; Николай (Ярушевич), митр. Речь на заседании Советского комитета защиты мира, посвященном встрече с делегацией Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира (7 марта 1950 г.) // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №4. – С.31-33.; Николай (Ярушевич), митр. Речь на

публицистику, посредством которой конструировался православный дискурс в отношении ключевых тематик международной повестки[153], а также сообщения о проведении значимых для изучения внешней церковной деятельности РПЦ мероприятий[154]. К последней подгруппе можно также

Конгрессе народов в защиту мира // Журнал Московской Патриархии. – 1953. – №1. – С.23-28.; Николай (Ярушевич), митр. Речь на первой сессии Всемирного Совета Мира // Журнал Московской Патриархии. – 1951. – №3. – С.15-21.

[153] Александров Г. Великий подвиг (к празднику Благовещения Святой Богородицы) // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №3. – С.39-41.; Андреев А. Мир по святоотеческим воззрениям // Журнал Московской Патриархии. – 1952. – №10. – С.14-17.; А.Ш. В защиту мира (Со Всесоюзной конференции сторонников мира) // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №9. – С.18-29.; А.Ш. Сторонники мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №6. – С.21-29.; Васильев А. Требование совести // Журнал Московской Патриархии. – 1951. – №7. – С.18-20.; Волнянский Н. Великие просветители славянства свв. Кирилл и Мефодий // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №7. – С.35-47.; Волнянский Н. Незабвенный поборник православия в Белоруссии // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №2. – С.20-29.; Вениамин (Федченков), митр. Мои впечатления о России // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №3. – С.21-24.; Вениамин (Федченков), митр. О Римско-Католической церкви // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №4. – С.7-10. ; Гермоген (Кожин), архиеп. Методы католической пропаганды в Грузии // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – №9. – С.50-51.; Гермоген (Кожин), еп. Очерки из истории Казанской епархии (история распространения христианства среди татар Казанского края) // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №7. – С.48-57.; Доктусов Н., проф. Православная Церковь и мир // Журнал Московской Патриархии. – 1951. – №1. – С.8-10.; Зернов М., свящ. Уродливое явление // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – №8. – С.32-34.; Крашенинников А. Международный мир, как нравственная задача // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №8. – С.30-36.; Крашенинников А. Оружие Церкви в защите мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №11. – С.14-18.; Крашенинников А. Православие на страже мира. Миссия христианства в современном мире // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №6. – С.7-18.; Лапин Г. Работа католиков и протестантов в Китае // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №7. – С.21-27.; Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Защитим мир служением добру // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №5. – С.32-33.; Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Ко Второму Всемирному конгрессу сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №11. – С.17-18.; Максимко И. Благословление мира // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №9. – С.10-11.; Николай (Чуфаровский), еп. Воинствующий католицизм // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №4. – С.19-21.; Павел (Голышев), игум. Мир // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №6. – С.19-20.; Питирим (Свиридов), архиеп. Церковный и патриотический долг // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №8. – С.22-23.; Плесецкий Н. Ватикан и его политика // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – №10. – С.39-48.; Ружицкий К., прот. Киево-Львовские торжества православия // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №4. – С.5-12.; Ружицкий К., прот. Русская Православная Церковь в ее борьбе за Святое Православие // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №4. – С.15-21.; Троицкий С., проф. О границах распространения права власти Константинопольской патриархии на «Диаспору» // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – №10. – С.34-45.; Харьюзов Н.А., прот. Встречайте Христа! // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №12. – С.27-28.; Харьюзов Н.А., прот. Можно ли простить фашистов? (Мысли православного священника) // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №5. – С.44-46.; Харьюзов Н.А., прот. Москва // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – №1. – С.23-24.; Шаповалова А. К 30-летию Советской власти // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – №10. – С.30-33.; Шаповалова А. Ко Дню Победы // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – №5. – С.29-32.

[154] Гавриил (Чачанидзе), еп. Речь на Второй Всесоюзной конференции сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №11. – С.15-16.; День Ангела Святейшего Патриарха Алексия в Иерусалиме // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №4. – С.5-6.; Известительная телеграмма Собора униатской церкви Вселенскому Патриарху Максимосу // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №4. – С.26.; Исторические дни // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.31-85.; Конференция всех Церквей и религиозных объединений в СССР в защиту мира // Журнал Московской Патриархии. – 1952. – №5. – С.14-17.; Кончина протопресвитера о. Гавриила Костельника // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – №10. – С.15-17.; Обращение ко всем христианам в защиту мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №5. – С.26-27.; Обращение Конференции всех Церквей и религиозных объединений в СССР к Всемирному Совету Мира // Журнал Московской Патриархии. – 1952. – №5. – С.20-21.; Обращение Патриаршего Экзарха в Чехословакии Митрополита Елевферия // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №5. – С.25.; Обращение Постоянного Комитета Всемирного Конгресса сторонников мира // Журнал

отнести источники, содержащие информацию о зарубежных визитах православных иерархов[155]. Нормативную компоненту деятельности православной Церкви позволяют конкретизировать размещавшиеся в данном периодическом издании акты РПЦ[156]. Наконец, изучение «церковной дипломатии» было бы невозможным без привлечения материалов, детализирующих церковную (церковно-политическую) обстановку в странах, рассматриваемых РПЦ в качестве приоритетных в контексте проведения внешней церковной деятельности[157].

Московской Патриархии. – 1949. – №11. – С.19-21.; Обращение собора епископов Русской Православной Церкви ко всем христианам мира // Журнал Московской Патриархии. – 1943. – №1. – С.14-15.; Обращение Собора к христианам всего мира // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.15-16.; Обращение Собора униатской церкви к духовенству и верующим // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №4. – С.29-31.; О Поместном соборе Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.3-4.; От Конференции всех Церквей и религиозных объединений в СССР Иосифу Виссарионовичу Сталину // Журнал Московской Патриархии. – 1952. – №5. – С.18-19.; Послание Иерусалимского Патриарха Тимофея Святейшему Алексию, Патриарху Московскому и всея Руси // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – №1. – С.3.; Постановления Всемирного Конгресса сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №5. – С.28-33.; Постановления первой сессии Всемирного Совета Мира // Журнал Московской Патриархии. – 1951. – №3. – С.7-14.; Постоянному комитету Всемирного конгресса сторонников мира, всем участникам движения в защиту мира во всех странах // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №10. – С.20-21.; Предстоятелям всех православных автокефальных церквей // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №3. – С.3-5.; Речь представителя советского правительства – председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме Союза ССР Г.Г. Карпова на Поместном соборе // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.8-10.; Решения Стокгольмской сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №4. – С.34.; Церковные делегации на юбилейных торжествах Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – Специальный номер. – С.5-6.; Честмир (Крачмар), прот. Речь на Всемирном Конгрессе сторонников мира в Праге // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №6. – С.5-6.; К народам всего мира // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.17.; Коммюнике иерархов Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №4. – С.35.; Телеграмма патриаршему местоблюстителю перед началом Поместного Собора от патриарха Вселенского // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.18-19.; 2 октября – Международный день борьбы за мир. Воззвание Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №10. – С.19-20.

[155] Григорий (Чуков), архиеп. Московская церковная делегация в Болгарии // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №5. – С.19-24.; Григорий (Чуков), митр. Поездка на Ближний Восток // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №12. – С.4-8. Кузнецкий А.П. Делегация Русской Православной Церкви в Румынии // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №6. – С.29-35.; Ответный визит в Албанию // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – №6. – С.3-5.;О пребывании в Москве Чешской делегации // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №1. – С.12-15.; Парийский Л.Н. О пребывании московской делегации в Белграде // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №5. – С.37-44.; Пребывание Г.Г. Карпова в Чехословакии // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №8. – С.7-10.; Пребывание делегации Англиканской церкви в Москве // Журнал Московской Патриархии. – 1943. – №2. – С.18-23.; Представители Польской Православной Церкви о своем посещении Москвы // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – №7. – С.16-18.; Разумовский Г., свящ. Патриаршая делегация в Харбине // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №12. – С.13-17.; Савинский С., проф. Пятнадцать дней в Югославии // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №6. – С.18-28.

[156] Акт о сотрудничестве Русской и Албанской Православных Церквей в защите мира // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №9. – С.5.; Акт от 23/XI 1951 г. о даровании автокефалии Православной Церкви в Чехословакии // Журнал Московской Патриархии. – 1951. – №12. – С.3.

[157] Заявление Главы Русской Православной Миссии в Сеуле архимандрита Поликарпа // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №8. – С.11-12.; Из жизни Православной Церкви в Чехословакии // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №8. – С.11-15.; Не могу молчать. (Из письма схиигумении Евгении г. Иерусалим). //

Таким образом, источниковая база диссертации включает в себя текстовые источники разных видов, позволяющие провести комплексный анализ государственно-церковных отношений и сотрудничества во внешнеполитической сфере.

В то же время стоит учитывать объективные ограничения, накладываемые данной источниковой базой: церковная публицистика, содержащая информацию практически по всему спектру интересующих исследователя тематик, тем не менее должна восприниматься в качестве источника вторичного в связи с ангажированностью ее авторов и огромной зависимостью их позиции от государственной линии. Данные особенности этого типа источников указывают на необходимость использования подобного рода документов для формирования представлений о дискурсе православной церкви и, лишь в меньшей степени, о событиях и процессах, связанных с рассматриваемыми нами явлениями.

Теоретико-методологической основой исследования послужили исторический (историко-генетический), историко-описательный и диахронный (метод диахронического анализа) методы, контент-анализ, дискурс-анализ, а также сравнительный анализ. Для изучения значимости тематики борьбы за мир для Русской Православной Церкви также применялись квантитативные методы исследования.

Исторический метод позволил рассмотреть эволюцию внешнеполитической деятельности РПЦ в рассматриваемый период с учетом факторов, обусловивших избрание патриарха Сергия (Страгородского) в 1943 г. Привлечение при этом диахронного метода дало возможность

Журнал Московской Патриархии. – 1948. – №4. – С.51-52.; Нестор (Анисимов), архиеп. Приветственное слово победоносному воинству Красной Армии, произнесенное на митинге 2 сентября в г. Харбине // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №11. – С.29-31.; Нестор (Анисимов), архиеп. Слово, произнесенное на молебне в Харбине 19 августа по случаю победы над Японией // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №11. – С.27-28.; Русская Духовная Миссия в Палестине // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №3. – С.8-9.; Свет русского Православия в провинции Синьдзян, в Западном Китае // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №3. – С.8.; Телеграмма Святейшего Патриарха Алексия архим. Поликарпу и ответная телеграмма архим. Поликарпа // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №8. – С.12.; Торжественное богослужение в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №8. – С.13.

разделить анализируемый временной промежуток на периоды, в рамках которых диссертантом устанавливались основные характеристики международной деятельности РПЦ, а в дальнейшем сравнить выявленные категории между собой, придя к выводу о качественном развитии церковного подхода.

Историко-описательный метод, предполагающий систематизацию знания, содержащегося в историческом источнике, с учетом его специфики и языка, применялся при работе с архивными документами, их интерпретацией и характеризацией. В этом же контексте существовала потребность в обращении к контент-анализу, позволившему выявить сущностные черты позиции РПЦ по основным вопросам международной повестки. Кроме того, обращение к контент-анализу было обусловлено анализом официальных документов СССР.

Исследование церковной публицистики, посвященной внешнеполитическим сюжетам, было бы невозможным без применения дискурс-анализа. Как было справедливо замечено П. Серио, «в отличие от контент-анализа анализ дискурса не изучает словесные материалы только как средства передачи информации, анализ дискурса ставит целью воспринимать эти материалы как тексты»[158]. Использование дискурс-анализа при изучении конструирования внешних церковных позиции и идентичности РПЦ во многом связано с тем, что, как отмечалось в отечественной литературе, «текст есть явление социального познания, причем социального познания вполне конкретного отрезка времени…»[159].

Выявление наиболее эффективных и результативных направлений государственно-церковного сотрудничества потребовало использования методов сравнительного анализа. Полученные в ходе работы над диссертацией

---

[158] Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С.17.

[159] «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история: В 2 ч. / сост. М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. – М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2014. – (История сталинизма). Ч.1: История текста «Краткого курса истории ВКП(б)», 1931-1956. – С.22.

результаты деятельности РПЦ были сопоставлены между собой для определения приоритетных областей государственно-церковного взаимодействия.

При написании диссертации автор придерживался системного подхода, в развитии которого приняли участие такие отечественные специалисты-международники, как А.Д. Богатуров, М.А. Хрусталев и Т.А. Шаклеина, а впоследствии и А.А. Байков, И.А. Истомин и А.А. Сушенцов. Использование системного подхода было обусловлено необходимостью рассмотрения исследуемой проблематики как части международной повестки, в рамках которой действуют государственные и негосударственные, в т.ч. и церковные, акторы. Помимо этого, системный подход позволил обратиться к международной деятельности РПЦ не как к частной тематике, а как к элементу внешнеполитической стратегии СССР, реализация которой была доверена в т.ч. и РПЦ.

Теоретической основой работы является парадигма политического реализма. Несмотря на то, что особенности церковных институтов предопределяют их концентрацию преимущественно на принципах, свойственных парадигме идеализма, тем не менее в 1945-1953 гг. внешней церковной деятельности РПЦ было свойственно делать акцент на балансе сил в его церковном измерении, а также на преследовании всеми акторами своих интересов. Парадигма политического реализма кажется диссертанту более отвечающей специфике темы еще и по причине того, что анализу подвергается функционирование церковных структур на раннем этапе «холодной войны», когда межгосударственные отношения во многом подчинялись принципам именно этой парадигмы.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Привлечение РПЦ к реализации советской внешнеполитической стратегии было обусловлено не только геополитическими планами советского руководства, но и близостью концептуальных положений государственного и церковного подходов к решению основных вопросов международной

повестки. Готовность православных иерархов к государственно-церковному сотрудничеству проистекала в т.ч. из догматических убеждений и характера церковных институтов, в соответствии с которыми недопустимы применение ОМУ, колониальные практики, а также проведение в отношении населения колониальных стран политики сегрегации, на уровне коллективной памяти ассоциирующейся с курсом нацистской Германии. Конструирование международной идентичности РПЦ было производным не только от государственной линии, но и от таких базовых для христианской веры категорий, как любовь, свобода и, в меньшей степени, равенство.

2. Привлекательность духовно-нравственных ценностей, проповедуемых РПЦ, служила фактором, дополняющим отсутствие у СССР колониального опыта, вследствие чего значительно упрощался диалог между Москвой и нациями, борющимися против колониального господства. Обращение к духовно-нравственным ценностям было тем актуальнее, что они отвечали представлениям колонизированных народов и населения деколонизированных стран о справедливости, являвшейся важной категорией в дискурсе РПЦ. В то время как католицизм и протестантство на ассоциативном уровне были близки колониальным практикам некоторых европейских государств, с точки зрения коллективной памяти православие как институт не было отягощено негативной повесткой, исходя из чего открывались новые возможности для двустороннего сотрудничества между СССР и новыми независимыми государствами.

3. План советского руководства по использованию РПЦ в качестве ресурса внешней политики СССР начал реализовываться, по меньшей мере, с начала 1945 г. Проведенный зимой 1945 г. Поместный собор, на котором прошла процедура интронизации Алексия I, был направлен в т.ч. на демонстрацию поместным Церквям нормализации государственно-церковных отношений в СССР, а также потенциала Москвы в качестве центра мирового православия. Дальнейшие действия РПЦ, несмотря на их согласованность с советским внешнеполитическим ведомством, показали несостоятельность

этого замысла и невозможность его реализации в полной мере, что было вызвано, в первую очередь, аргументами канонического и геополитического характера. Таким образом, был сформулирован вывод о необходимости постановки задач, не только отвечающих государственным интересам, но и учитывающих реальные возможности РПЦ с учетом канонического, исторического и геополитического факторов.

4. В 1945 г. подход РПЦ в отношении стран Запада и Ватикана был дифференцированным. Если образ союзников вплоть до конца 1945 г. не подвергался антагонизации, что соответствовало стремлениям советского руководства найти консенсус с бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, то Святой Престол начал подвергаться критике в рассматриваемый период еще на Поместном соборе 1945 г. Было высказано предположение о том, что противостояние церковных институтов одного уровня и порядка стало первым публичным пространством, в котором наблюдались все характерные черты «холодной войны», что может быть связано с тем, что в религиозном измерении отражаются не только геополитические, но также идеологические и духовные противоречия между акторами. Была показана значимость религиозной сферы в «холодной войне», следующая из стремления государств легитимизировать свои внешнеполитические курсы соображениями нравственного характера и попыток использования крупнейших церковных структур для воздействия на верующее население по всему миру. В связи с этим уже на раннем этапе «холодной войны», несмотря на кажущуюся секуляризацию сознания и общественных отношений, начал наблюдаться феномен т.н. «монополизации христианства».

5. При близости государственного и церковного подходов к решению основных вопросов международной повестки говорить о их полной тождественности нельзя. Подтверждением этого тезиса служат как специфика позиций СССР и РПЦ по палестинской проблематике, в рамках которой выявилось нежелание РПЦ идти на эскалацию напряженности в отношениях с ближневосточными патриархатами, так и неполное совпадение динамик

деятельности в отношении США, вследствие чего периодически наблюдались ситуации, при которых риторика РПЦ по вопросу отношений с Вашингтоном была жестче, нежели государственная. Зачастую разнилась и аргументация акторов, подкрепляющая их позиции по основным вопросам международной повестки, что, помимо прочего, говорит о разных социальных базах акторов, т.е. посредством включения РПЦ в число институтов, реализующих внешнеполитическую стратегию Москвы, советское руководство добивалось и увеличения числа симпатизантов СССР из верующей среды.

6. На рубеже 1940-1950-х гг. новым приоритетным направлением деятельности РПЦ стало участие в Движении сторонников мира, что в большей степени отвечало преимущественно миролюбивому характеру церковных институтов, нежели противостояние с Ватиканом, вызывавшее у ряда общественных наблюдателей подозрения в политизированности действий православных иерархов. Участие РПЦ и других православных Церквей в Движении сторонников мира позволило расширить его социальную базу и придать ему более нейтральный характер, несмотря на что, впрочем, в американском истеблишменте сохранялась справедливая убежденность в полной подчиненности православных структур советскому руководству. Еще до участия в деятельности Движении сторонников мира РПЦ стремилась обосновать необходимость мирного сосуществования, вследствие чего дальнейший переход православной Церкви в число борцов за мир выглядел естественным и находил отклик у верующих во многих странах. В то время как Движение сторонников мира воспринимается современными исследователями в качестве институции, ответственной за проведение публичной либо культурной дипломатии СССР, РПЦ можно считать одним из основных акторов, чья деятельность способствовала распространению информации о советском внешнеполитическом подходе на максимально широкую аудиторию.

7. Русские духовные миссии, действовавшие во второй половине 1940-х гг. в Иерусалиме, а также Китае, Корее и Японии, относящихся к

канонической территории РПЦ, явились институтом, важным для реализации внешнеполитических целей, поставленных СССР перед РПЦ. Дифференциация задач данных миссий говорит о понимании государственными и церковными структурами необходимости индивидуализировать подход к региональной работе и исходить в т.ч. из интересов соотечественников, включая эмигрантов, проживающих на соответствующих территориях. Возвращение РПЦ имущества Русской духовной миссии в Иерусалиме и улучшение ситуации с управлением православием в Китае свидетельствуют о потенциале «церковной дипломатии», востребованном при работе с православным населением. В то же время необходима адекватная оценка возможностей православных структур: в условиях начала «холодной войны» временная нормализация ситуации вокруг положения православия в Корее и Японии, тем не менее, уже в 1950-е гг. завершилась ослаблением позиций РПЦ в этих странах, чему способствовали действия РПЦЗ, покровительствуемой американской администрацией. Исходя из этого, следует учитывать неизбежную политизацию религиозного измерения и зависимость вопросов церковно-административного управления от международной конъюнктуры.

8. Деятельность РПЦ в 1945-1953 гг. свидетельствовала о возможности взаимовыгодного государственно-церковного сотрудничества на международной арене. К числу приоритетных направлений подобного взаимодействия на современном этапе стоит отнести духовно-нравственную (ценностную) повестку, в которой может быть раскрыт потенциал «церковной дипломатии», работу с соотечественниками, требующую учета региональной специфики, а также совместную деятельность на площадках как международных организаций, так и международных движений. Кроме того, специфика позиции РПЦ, значимой для верующего населения, должна учитываться при конструировании внешнеполитической идентичности, а церковные структуры, в свою очередь, должны активно привлекаться к выполнению данной задачи. Использование РПЦ в рамках кампаний по

формированию церковных альянсов, подобно предпринятой в 1945-1948 гг. попытке проведения Всеправославного совещания, представляется возможным лишь при условии более тщательного учета обстоятельств исторического и канонического характера. В противном случае аналогичные акции будут расцениваться в качестве политизации деятельности церковных структур, что, напротив, может привести к ослаблению потенциала внешней церковной деятельности.

Апробация результатов исследования была осуществлена посредством написания научных публикаций по профильной тематике, а также составления учебной программы «Механизмы формирования образов и стереотипов», предназначенной для магистратуры факультета международной журналистики МГИМО МИД России, совместно с профессором В.В. Дегоевым.

В научных изданиях МБД, журналах из списка RSCI и Перечня ВАК (К1-К3):

1. Дегоев В.В., Эйриян В.А. «Мы будем оправдывать доверие Правительства»: участие РПЦ в советских идеологических кампаниях в 1945-1953 гг. / В.В. Дегоев, В.А. Эйриян // Россия XXI. – 2024. – №2. – С.32-53. – 1 п.л. / 0.5 п.л.
2. Эйриян В.А. Журнал Московской патриархии как отражение сталинской политики в первые послевоенные годы / В.А. Эйриян // Россия XXI. – 2021. – №4. – С.108-127. – 1 п.л.
3. Эйриян В.А. «И делом правды будет мир, и плодом правосудия»: РПЦ в борьбе за мир на рубеже 1940-1950-х гг. / В.А. Эйриян // Россия XXI. – 2022. – №5. – С.60-79. – 1 п.л.
4. Эйриян В.А. «Холодная война пошла было на убыль»: освещение Суэцкого кризиса в православной периодике / В.А. Эйриян // Россия XXI. – 2024. – №3. – С.30-51. – 1 п.л.

В прочих изданиях:

5. Эйриян В.А. Церковный ренессанс в годы Великой Отечественной войны // Преподавание истории в школе. – 2024. – №8. – С.37-42. – 0.5. п.л.

Диссертация соответствует **паспорту специальности** ВАК 5.6.7 «История международных отношений и внешней политики»: в частности, п.3 «Международные отношения и внешняя политика на разных этапах исторического развития», п.7 «Национально-государственные приоритеты во внешней политике и международных отношениях» и п.10 «Религии и новые идеологии как факторы международных отношений». Также исследование отвечает приоритетным направлениям научных исследований МГИМО, а именно п.1 «Международные отношения, безопасность, политика / International Relations, Security, Politics» и п.12 «Религии и новые идеологии как факторы международных отношений / Religion and New Ideologies as Factors in International Relations».

Структура работы производна от сформулированных автором задач диссертационного исследования. Работа состоит из трех глав, каждая из которых подразделяется на три параграфа.

В первой главе анализируются императивы советской внешней политики в 1945-1953 гг., выделяются концептуальные направления внешнеполитической деятельности Москвы. После этого характеризуется процесс возрождения РПЦ в годы Великой Отечественной войны, а также уточняются механизмы осуществления РПЦ внешней церковной деятельности и взаимодействия с НКИД/МИД СССР. Наконец, рассматривается кампания по становлению Москвы в качестве центра мирового православия, что воспринималось в качестве одного из ресурсов советской внешней политики. Автор делает вывод о степени результативности этой акции и причинах подобного исхода.

Вторая глава посвящена концептуальным направлениям деятельности РПЦ. Прежде всего исследуется курс РПЦ на концептуализацию, а затем и антагонизацию стран Запада во главе с США и Ватикана в качестве структуры

того же уровня и порядка[160], что и РПЦ. Автор изучает корреляцию между советской и православной риторикой по вопросу отношений с Западом. Далее диссертантом анализируются деятельность РПЦ в рамках Движения сторонников мира и участие православных иерархов в миротворческих кампаниях на рубеже 1940-1950-х гг. В контексте данной проблематики поднимается тематика отношения РПЦ к разработке и применению ОМУ. Заключительный параграф второй главы направлен на изучение антиколониальной повестки в деятельности РПЦ: подчеркивается потенциал привлечения церковных структур к борьбе против колониализма, выявляется синхронизация государственного и церковного подходов к решению данной проблемы.

В третьей главе автором рассматриваются региональные направления деятельности РПЦ, в частности, восточноевропейское, ближневосточное и восточноазиатское. В отношении Восточной Европы прослеживается влияние советской модели государственно-церковных отношений на развитие государственно-церковных отношений в странах региона, а также показывается, что отношение к православию являлось своеобразным индикатором лояльности части восточноевропейских государств Москве. Ближневосточное направление представлено анализом отношений РПЦ с Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским патриархатами, а также деятельности Русской духовной миссии в Иерусалиме. Автором проводится сравнение государственного и церковного подходов в отношении палестинской проблемы, вследствие чего делается вывод о их близости, но не тождественности. На восточноазиатском треке прослеживается восстановление позиций РПЦ в Китае, Корее и Японии, где, начиная с XVIII-XIX вв., действовали ее духовные миссии. Детализируется разница поставленных перед церковью задач, преследуемых СССР в Восточной Азии

[160] Здесь и далее, говоря о «структуре того же уровня и порядка», автор имеет в виду церковный характер РПЦ и Ватикана как институтов и следующие из этого особенности их природы, сущности и внутреннего устройства. При этом диссертантом признается условность этой конструкции, связанная с разным правовым (в частности, международно-правовым) статусом двух институтов.

и других регионах, в результате чего делается вывод об иной модели взаимодействия с православными в данном регионе. Помимо этого, анализируются церковные подходы в отношении конфликта на Корейском полуострове, конкретизируются церковные оценки по этому вопросу, способствующие реализации внешнеполитической стратегии СССР.

Глава I. Концептуальные основы международной деятельности РПЦ в 1945-1953 гг. в контексте советской внешней политики

1.1 Концептуальные основы внешней политики СССР в 1945-1953 гг.

На завершающем этапе Великой Отечественной войны советская внешняя политика начала претерпевать изменения, связанные с подготовкой руководства СССР к проведению курса в качественно новых условиях, требующих от правительства закрепления успехов Советской Армии по освобождению оккупированных территорий СССР и стран Восточной Европы, а также учета постепенного ослабления такого существенного фактора, как наличие у союзников общего врага в лице гитлеровского нацизма, выступающего в качестве основной причины складывания альянса Москвы, Лондона и Вашингтона.

Как отмечает О.В. Лебедева, еще в годы войны Кремль получал информацию о том, что вероятность достижения консенсуса по вопросам послевоенного мироустройства оценивается Белым домом как крайне низкая[161], однако обнажились противоречия между союзными столицами лишь в условиях полной уверенности скорейшего достижения победы над Германией.

1945-1953 гг. традиционно характеризуются в качестве начального периода «холодной войны»[162], несмотря на сохраняющиеся в исторической науке дискуссии на тему хронологических рамок конфликта.

Разница исследовательских подходов во многом обусловлена отсутствием консенсуса на тему того, что послужило «спусковым механизмом» противостояния, вследствие чего устоявшаяся в массовом представлении концепция «холодной войны» как конфликта второй половины XX в. подвергается эрозии: неоднократно высказывалось мнение, что

---

[161] Лебедева О.В. Советская военная дипломатия в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. – 2019. – № 4. – С.36.

[162] Холодная война: в 2 т. – (Военная история Российского государства / под ред. В.А. Золотарева) – М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. Т. 2: От Потсдама до Мальты / Илиевский Н.В. – с.65.

«холодную войну», одним из важнейших измерений которой являлось идеологическое, следует прослеживать с 1917 г. и прихода большевиков к власти. В частности, Д.Г. Наджафовым прямо указывалось на претензии раннего большевизма, от имени которого и был сделан «вызов, открыто брошенный капитализму»[163], результатом чего стала усиливающаяся антагонизация двух систем.

Невозможность объяснить генезис «холодной войны» лишь процессами военного и послевоенного периодов признают и западные авторы: в представлении американской науки концептуальная основа борьбы с советской властью была заложена еще во времена В. Вильсона, которого можно именовать отцом «первой холодной войны»[164].

Согласимся с замечанием Н.В. Илиевского, что поиск «четко выраженного рубежа», начиная с которого можно говорить о «холодной войне»», далеко не всегда продуктивен, так как, осознавая постепенность эволюции системы международных отношений, исследователи порой начинают искусственно множить сущности и вводить понятия для обозначения разных «стадий» конфликта, что уводит от его субстантивного содержания; вместо этого воспользуемся предложенным автором концептом усиления «процесса трансформации международных отношений, итогом которого и стала полноценная холодная война»[165], позволяющим связать различные этапы конфликта в единое целое, но остановиться на интересующем нас периоде.

Это усиление, как нам видится, следует прослеживать еще с первой половины 1945 г.: в частности, именно после смерти Ф.Д. Рузвельта в апреле 1945 г. укрепились «позиции правых прагматиков, приведшие к смене

---

[163] Холодная война. 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. ст. / Рос. акад. наук. Ин-т всеобщей истории / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – с.94.

[164] Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях / Науч. ред. А.А. Поршакова; пер. с англ. Е.В. Нетесовой; Сост. указ. и библиогр. ред. Д.Н. Бакун – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – С.392.

[165] Холодная война: в 2 т. – (Военная история Российского государства / под ред. В.А. Золотарева) – М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. Т. 2: От Потсдама до Мальты / Илиевский Н.В. – С.109.

политического курса США, советско-американскому противостоянию и повышению опасности мирового конфликта»[166].

Признавая многообразие подходов и не отрицая полезности обращения к довоенным реалиям для составления целостной картины международных процессов 1940-х гг., сконцентрируемся на вопросах, наиболее принципиальных для очерчивания концептуальных основ советского внешнеполитического курса. Вопрос целеполагания советского руководства, не располагавшего в отличие от западных государств доктринальными документами на тему внешней политики[167], во многом исходит из факторов, обусловивших противостояние держав в рассматриваемый период. Изучение причин «холодной войны» актуально для нашего исследования еще и в связи с тем, что, как справедливо отметил О.А. Вестад в ее отношении, задача объяснения конкретных исторических событий и явлений значительно проще, нежели всесторонний анализ породивших их процессов, однако без последнего обращение к событийным частностям попросту невозможно[168].

С точки зрения реалистов основной причиной эскалации напряженности между социалистическим и капиталистическим блоками стал геополитический фактор, заключающийся в формировании двух сфер влияния в результате освобождения советскими войсками государств Восточной и Центральной Европы и англо-американскими войсками – стран Западной Европы в 1944-1945 гг. Соприкосновение зон интересов наблюдалось также в Иране, куда еще в 1941 г. были введены советские и британские войска, и в Восточной Азии, где летом 1945 г. еще велись бои, результатом которых стала капитуляция Японии. Вкупе с ослаблением, а затем и исчезновением общего врага, не дававшего противоречиям между союзниками стать доминантой в отношениях между ними, столкновение интересов вело к необходимости

---

[166] Холодная война: в 2 т. – (Военная история Российского государства / под ред. В.А. Золотарева) – М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. Т. 1: Противостояние двух сверхдержав / Путилин Б.Г., Золотарев В.А. – С.48.
[167] Холодная война: в 2 т. – (Военная история Российского государства / под ред. В.А. Золотарева) – М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. Т. 2: От Потсдама до Мальты / Илиевский Н.В. – С.141-142.
[168] Westad O.A. The New International History of the Cold War: Three (Possible) Paradigms // Diplomatic History. – 2000. – Vol.24. – №4. – PP.552.

обеспечить собственную безопасность посредством закрепления за собой военных достижений.

В то же время вопрос, считать ли данную ситуацию примером «дилеммы безопасности», не столь очевиден: западная традиция, описывая данный политический феномен, исходит из того, что обе стороны должны быть заинтересованы в первую очередь в обеспечении собственной безопасности посредством сохранения статуса-кво, однако на начальном этапе «холодной войны», по мнению сторонников данного подхода, Советский Союз в отношении баланса сил на континенте выступал в качестве «ревизиониста», в то время как Соединенные Штаты не планировали пересматривать существовавшие порядки[169].

Впрочем, зачастую не признавая справедливость советских претензий на укрепление своей сферы влияния в целях недопущения повторной реализации сценария 1941 г., видные американские специалисты все же не отрицают того, что основным драйвером напряженности в отношениях между складывавшимися на тот момент блоками являлась именно геополитика: отстаиваемая Вашингтоном концепция коллективной безопасности не находила понимания у Москвы, что в свою очередь, согласно Дж. Гэддису, может считаться проявлением кризиса доверия между союзниками по антигитлеровской коалиции[170].

Анализ причин «холодной войны» привел многих авторов к восприятию СССР в качестве имперского государства, унаследовавшего традиции Российской империи: «стратегические амбиции» Кремля увязывают с российским «экспансионизмом»[171]; из сыгранной Москвой роли в достижении победы над нацизмом выводят складывание «советского империализма»[172];

---

[169] Jervis R. Was the Cold War a Security Dilemma? // Journal of Cold War Studies. – 2001. – Vol.3. – №1. – PP.37.
[170] Gaddis J.L. The Tragedy of Cold War History // Diplomatic History. – 1993. – Vol.17. – Issue 1. – PP.4.
[171] Shlesinger A.Jr. Origins of the Cold War // Foreign Affairs. – 1967. – Vol.46. – №1. – PP.23-24.
[172] Зубок В.М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева / В.М. Зубок; – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – С.26.

подчеркивают «советский глобализм» сталинской политики, следующий из его «национального большевизма»[173].

В то же время далеко не все исследователи, внесшие свой вклад в изучение геополитических корней «холодной войны», возлагают основную вину на Кремль: признается, что уже на Потсдамской конференции усилия расширить собственную сферу влияния наблюдались у обеих сторон[174]; отмечается наличие у Запада помножавшихся на «англосаксонский комплекс превосходства»[175] геополитических страхов на тему продвижения СССР.

Также внимание специалистов неоднократно привлекала и неспособность Вашингтона понять опасения Москвы, стремящейся обезопасить государственное политическое пространство: на наш взгляд, наиболее емко эта мысль была сформулирована в французской исторической науке, озвучившей, что «Рузвельт абсолютно отказывался мыслить региональными рамками или сферами влияния»[176]. Во многом эта позиция наследует традиции искать предпосылки «холодной войны» в конфронтации универсалистского и национального подходов к безопасности[177].

В классической американской литературе, в свою очередь, высказывалась позиция, что отторжение Западом концепта баланса сил следовало из убеждения, что он сам по себе содержит «семена третьей мировой войны» и уже доказал к тому моменту свою несостоятельность в силу краха и в начале XX в., и в межвоенное время[178].

Не последнюю роль в разрастании масштабов противостояния сыграл и территориальный фактор: Дж. Гэддис иронично замечает, что будь СССР по размерам и своему экономическому потенциалу равен Уругваю, «холодной

---

[173] Холодная война. 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. ст. / Рос. акад. наук. Ин-т всеобщей истории / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – С.93-94.
[174] Холодная война: в 2 т. – (Военная история Российского государства / под ред. В.А. Золотарева) – М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. Т. 1: Противостояние двух сверхдержав / Путилин Б.Г., Золотарев В.А. – С.47.
[175] Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2006. – С.324.
[176] Jeannesson S. La guerre froide. – Paris: La Découverte, 2002. – PP.18.
[177] Shlesinger A.Jr. Origins of the Cold War // Foreign Affairs. – 1967. – Vol.46. – №1. – PP.26.
[178] Ibid., PP.36.

войны», возможно, получилось бы избежать[179]. Советское государство, занимавшее 1/6 суши, могло инстинктивно вызывать страх у западных политиков, особенно в условиях расширения его сферы влияния в 1944-1945 гг.

Не менее значимым, нежели геополитика, можно назвать и идеологический фактор. Противостояние социализма, облаченного в одежды марксизма-ленинизма, и капитализма, как было показано ранее, можно прослеживать еще с октябрьской революции 1917 г. Причем в таком случае необходимо учитывать преемственность как сталинского курса в отношении идей В.И. Ленина, так и трумэновского – в отношении В. Вильсона[180].

В то же время немаловажно, что обе противоборствующие идеологии обладали наднациональным характером: как коммунизм, так и либерально-демократическая парадигма претендовали на расширение своих сфер влияния, вследствие чего об агрессивности лишь одного из идеологических подходов говорить невозможно[181].

Если позднесоветская школа международных отношений делала упор на милитаризации капитализма в середине 1940-х гг., а также на отождествлении глобальных интересов человечества с национальными интересами США[182], то современный спектр позиций по вопросу идеологического измерения «холодной войны» значительно шире. Предостерегая против сужения идеологических линий до стандартных клише об опасности коммунизма либо капитализма, европейские авторы допускали мысль о том, что «холодную войну» стоит считать американским идеологическим проектом, подтверждением чего для них являлось, с одной стороны, осознание Советским Союзом своих структурных уязвимостей и, как следствие, нежелание доводить конфликт до высшей точки, с другой – претенциозность

---

[179] Gaddis J.L. The Tragedy of Cold War History // Diplomatic History. – 1993. – Vol.17. – Issue 1. – PP.5.
[180] Jeannesson S. La guerre froide. – Paris: La Découverte, 2002. – PP.5.
[181] Холодная война. 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. ст. / Рос. акад. наук. Ин-т всеобщей истории / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – С.82.
[182] История международных отношений и внешней политики СССР, 1917-1987. В 3-х томах. Т.2: 1945-1970 гг. / Под ред. Г.В. Фокеева. – М.: Международные отношения, 1987. – С.110.

элит Соединенных Штатов, убежденных в собственной силе и моральной правоте[183].

Стремление утвердить свою гегемонию, а де-факто иметь монопольное право на установление «правил игры» признается на Западе не только представителями ревизионистской школы: эта мысль особенно релевантна на фоне риторических вопросов, как США могли настолько опасаться советской власти, когда постфактум столько известно о ее внутренних слабостях[184].

Заметим, что идеологическая предпосылка «холодной войны», которая периодически превращается во взаимные обвинения в мессианстве[185], в реальности свидетельствует и о повышенной значимости ценностной компоненты международных отношений в рассматриваемый нами период.

Идеологизация системы является не только фактором, обусловившим генезис «холодной войны», но и постоянной характеристикой самого противостояния: вне зависимости от степени прагматичности элит, осуществляющих принятие решений, публичный дискурс обеих сторон постоянно подвергался идеологизации как во внутри-, так и во внешнеполитическом пространстве.

Активное обращение к ценностному аспекту во многом делало неизбежным задействование государственными акторами в конфликте и акторов негосударственных: помимо факта, что поле противостояния двух блоков будет включать в себя и негосударственный сектор, это говорит и о том, что интеграция в систему противоборствующих структур церковных институций, о которых будет далее идти речь, являлась логичным шагом с точки зрения ценностного конфликта.

Идеологическая составляющая также вела к взаимным мифологизации и антагонизации: в этом плане показательно, что даже на понятийно-категориальном уровне в советское время термин «холодная война» включал

---

[183] Westad O.A. The New International History of the Cold War: Three (Possible) Paradigms // Diplomatic History. – 2000. – Vol.24. – №4. – PP.554.
[184] Gaddis J.L. The Tragedy of Cold War History // Diplomatic History. – 1993. – Vol.17. – Issue 1. – PP.4.
[185] Shlesinger A.Jr. Origins of the Cold War // Foreign Affairs. – 1967. – Vol.46. – №1. – PP.24.

в себя не характеристику периода всемирной истории либо истории международных отношений, а именно внешнеполитический курс стран Запада во главе с США[186].

Попытка переложить саму категорию с негативной коннотацией на плечи Запада симптоматична с точки зрения того, что ни одна из сторон не была готова к признанию идеологической легитимности своего визави, выставляя вместо этого ценностные установки друг друга в качестве «анти-тефлоновых» и автоматически ассоциируя с ними любые отрицательные характеристики.

Отдельно остановимся на личностном факторе «холодной войны», особенно популярном среди западных авторов: западной традиции, как и части либеральных отечественных авторов, свойственно увязывать начало конфликта с личностью И.В. Сталина, аргументируя это его подозрительностью, шпиономанией и честолюбием[187].

Сравнивая советского лидера с московскими князьями и доказывая, что конфликт бы не приобрел таких масштабов, будь на месте И.В. Сталина любой другой большевистский деятель, советологи ставят весь процесс принятий решений в стране в зависимость от сталинской воли[188]. Помимо специфики персоналии самого советского вождя, объясняться это может еще и непрозрачностью для Запада процедуры выработки советских внешнеполитических решений, в чем признались современные авторы, ссылаясь на множественность структур, ответственных за проведение внешнеполитической линии[189].

Анализируя сталинские воззрения, В.М. Зубок остановился на жестокости и якобы параноидальности его сознания, увязывая с этим

---

[186] История международных отношений и внешней политики СССР, 1917-1987. В 3-х томах. Т.2: 1945-1970 гг. / Под ред. Г.В. Фокеева. – М.: Международные отношения, 1987. – С.111.
[187] Зубок В.М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева / В.М. Зубок; – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – С.26.
[188] Gaddis J.L. The Tragedy of Cold War History // Diplomatic History. – 1993. – Vol.17. – Issue 1. – PP.3-4.
[189] Jeannesson S. La guerre froide. – Paris: La Découverte, 2002. – PP.20-21.

неспособность И.В. Сталина достигнуть компромисса с западными державами[190].

В то же время отечественной школе свойственно останавливаться не столько на неудобстве персоналии Г. Трумэна для поддержания советско-американских отношений, сколько на достоинствах его предшественника, при котором удалось выстроить союз Москвы, Вашингтона и Лондона. С точки зрения отечественных авторов необходимо учитывать то, что смерть Ф.Д. Рузвельта пресекла ту союзническую традицию, которая прошла практически через все годы Второй мировой войны и держалась во многом на политической воле американского лидера: до тех пор, пока был жив тридцать второй глава Соединенных Штатов, полагает В.О. Печатнов, шансы на продолжение субстантивного диалога сохранялись[191].

На наш взгляд, идея педалирования личностного фактора «холодной войны» обманчиво проста и уводит от объективных причин, обусловивших развитие конфликтной ситуации.

Не отрицая ключевого вклада первых лиц СССР и США в антагонизацию образа друг друга, тем не менее отметим, что, во-первых, конфликт, который пытаются чуть ли не «персонифицировать», не может длиться несколько десятилетий и продолжаться в условиях смерти одного потенциального виновника и отставки другого.

Во-вторых, как справедливо было отмечено Д.Г. Наджафовым, ни соратники, ни преемники И.В. Сталина не занимали принципиально иной позиции по вопросам отношений с Западом и не совершили полного отказа от сталинского внешнеполитического курса после его смерти[192].

---

[190] Зубок В.М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева / В.М. Зубок; – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – С.41.

[191] Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2006. – С.313.

[192] Холодная война. 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. ст. / Рос. акад. наук. Ин-т всеобщей истории / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – С.74.

В-третьих, в случае США и американской системы институций, обладающих, безусловно, большей субъектностью, нежели их советские аналоги в рассматриваемый период, говорить о вине исключительно президента было бы странно.

Личностный фактор должен приниматься во внимание, он оказывал влияние на процедуру принятия внешнеполитических решений и на их характер, однако в случае конфликта, продлившегося, по меньшей мере, четыре с половиной десятилетия, сводить все исключительно к персоналиям было бы чрезмерным упрощением.

В то же время в вопросах определения внешнеполитического инструментария и генеральной линии в отношении визави последнее слово действительно находилось в руках лидеров обеих держав, что будет принципиально для нас далее в контексте привлечения РПЦ к внешнеполитической деятельности. Однако полностью игнорировать общественное мнение, а в случае Соединенных Штатов – и заинтересованных социальных групп, чье мнение могло озвучиваться лоббистскими структурами, диаспорами и т.д., ни один из руководителей тоже не мог, следствием чего стала полномасштабная пропагандистская война, направленная на антагонизацию образа бывшего союзника и получение морального одобрения и сочувствия со стороны общества и проводившаяся как на своей территории, так и на территории своей сферы влияния[193].

Последнее, как нам кажется, также показательно в контексте уже упоминавшегося ценностного измерения конфликта: несмотря на специфику внешнеполитической сферы, не предполагающей постоянный учет мнения населения, стороны стремились легитимизировать свои внешнеполитические линии посредством апеллирования к доступным населению ценностям.

Таким образом, ключевыми для понимания как природы «холодной войны», так и сущности советского внешнеполитического курса, а также и для

[193] Васильева Н.Ю. Роль советских органов пропаганды в формировании «позитивного» образа СССР в Германии в 1945 году // Вестник МГИМО-университета. – 2010 – №5(14) – С.43-44.

анализа международного измерения деятельности РПЦ в контексте этой политической линии являются такие факторы, как геополитический, идеологический и, в меньшей мере, личностный. Несмотря на предпринимаемые в академической среде попытки дифференцировать их и обращаться к каждому по отдельности, тем не менее зачастую они пересекались и лишь в совокупности привели к тому, что в 1945 г. «после Потсдамской конференции окончательно обозначилась полярность интересов этих двух великих держав»[194].

Признание комплексности проблематики генезиса «холодной войны» вкупе с практически априорной для большинства исследователей значимостью ее идеологического измерения привело современных специалистов к заявлениям о «религиозной холодной войне»[195], происходящей из стремлений акторов обеспечить легитимизацию своих действий на международной арене посредством обращения к цельным ценностным нарративам и добиться признания права держав на ведение «справедливой войны».

Западными авторами все чаще акцентируется внимание на религиозном противостоянии во второй половине XX в. («… Presidents Truman and Eisenhower both … viewed the Cold War as “nothing less than a religious war”…»[196]), которое, по их мнению, являлось не менее значимым, нежели столкновение политических, социальных и др. концептов.

С точки зрения исследования деятельности РПЦ в 1945-1953 гг. эти соображения представляются особенно важными в связи с тем, что Соединенными Штатами СССР воспринимался как атеистическое государство, из чего делался вывод, что именно для верующих американцев

---

[194] Холодная война: в 2 т. – (Военная история Российского государства / под ред. В.А. Золотарева) – М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. Т. 2: От Потсдама до Мальты / Илиевский Н.В. – С.146.

[195] Preston A. Sword of the Spirit, Shield of Faith: Religion in American War and Diplomacy. – New York: Anchor Books, 2012. – PP.417.

[196] Religion and the Cold War: A Global Perspective / ed. by P.E. Muehlenbeck. – Nashville: Vanderbilt University Press, 2012. – PP.88.

Бог должен стать «первой линией обороны» («first line of defense»[197]) : соответственно, взаимная антагонизация доходила до попытки монополизации религии и закрепления ее за собой в идентитарном измерении.

Сквозь призму восприятия Белого дома обеспечение первенства США в религиозной сфере являлось критичным еще и по той причине, что лишь оно могло компенсировать большую привлекательность советской идеологии для развивающихся государств[198]. В этом контексте не кажется удивительным то, что на становлении как доктрины сдерживания Г. Трумэна, так и внешнеполитической идеологии США в целом сказались соображения религиозного характера[199].

Аналогичным образом и советский подход, на который по идеологическим причинам религиозные факторы оказывали меньшее влияние, тем не менее не мог в условиях «холодной войны» игнорировать религиозную сферу, пускай и трактуя ее лишь в качестве компоненты ценностного измерения, а не самостоятельной категории.

Концептуальные основы советской внешней политики в 1945-1953 гг. исходили не только из природы «холодной войны». Победа союзников над нацизмом в Европе и капитуляция Японии знаменовали демократизацию международной жизни и усиление антиколониальных тенденций. Ослабление колониальных держав и становление независимых государств по всему свету требовали от советской дипломатии повышенного внимания к континентам, ранее интересовавшим советское руководство значительно меньше.

Объяснение этой растущей заинтересованности в государствах, борющихся за свою независимость, следует искать в таких факторах, как отсутствие у СССР колониального опыта и, как следствие, позитивный исторический фон для налаживания отношений с новыми акторами и

---

[197] Gunn T.J. Spiritual Weapons: the Cold War and the Forging of an American National Religion. – Wetsport, Connecticut, London: Praeger, 2009. – PP.8.

[198] Herzog J.P. The Spiritual-Industrial Complex: America's Religious Battle against Communism in the Early Cold War. – Oxford, New York: Oxford University Press, 2011. – PP.67.

[199] Inboden W. Religion and American Foreign Policy. 1945-1960: The Soul of Containment. – New York: Cambridge University Press, 2008. – PP.107, 111.

возможность расширения своей сферы влияния как в военно-политическом, так и в идеологическом измерениях. Очевидно, эти общие соображения соседствовали и с историко-конкретными обстоятельствами дополнительного интереса к различным регионам и странам.

Осознавая значимость процесса деколонизации, и СССР, и США стремились его возглавить, однако, как отмечают Б.Г. Путилин и В.А. Золотарев, американцы, рассчитывавшие использовать в этих целях площадки Организации Объединенных Наций (ООН), не смогли взять его под контроль вследствие активного противодействия советской стороны[200].

По своему содержанию антиколониальная повестка была ближе советской идеологии: обещая освобождение от капиталистов, ранее являвшихся колониальными правителями бесправных народов, социализм находил больший отклик у широких масс населения, что облегчало сближение СССР с новыми независимыми государствами.

В то же время необходимо учитывать, что понятность идеологических установок не избавляла от потребности применять весь инструментарий политических и экономических методов для налаживания отношений с местными элитами. Расширение числа государственных акторов и географии противостояния сверхдержав, отчасти исходившее в т.ч. из постепенно ускоряющегося в XX в. процесса глобализации, требовало от Кремля и Белого дома присутствия во многих регионах мира, причем это присутствие далеко не всегда должно было являться лишь военно-политическим.

В этих условиях повышалась и значимость религиозного фактора и, как следствие, «церковной дипломатии»: география распространения христианских конфессий отчасти предопределяла зоны, которые могли пользоваться повышенным вниманием СССР и США.

Существенной компонентой концептуальной основы советской политики в 1945-1953 гг. являлась также работа с вызовами, порожденными созданием

---

[200] Холодная война: в 2 т. – (Военная история Российского государства / под ред. В.А. Золотарева) – М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. Т. 1: Противостояние двух сверхдержав / Путилин Б.Г., Золотарев В.А. – С.402.

ядерного оружия. Став принципиально новым словом в области ОМУ, атомная бомба, разработанная США в 1945 г. и «продемонстрированная» СССР в августе того же года на примерах Хиросимы и Нагасаки, кардинальным образом меняла сложившуюся конфигурацию сил, предполагавшую ведущие позиции Советского Союза в области обычных (конвенциональных) вооружений. Если до этого момента Москва могла быть уверенной в своих силах на континенте, то теперь «атомная бомба одним махом девальвировала защитную роль Красной Армии и завоеванных территориальных приращений»[201].

В то время как во внутренней политике силы были брошены на достижение аналогичного результата, что можно считать «первым проектом тотальной послевоенной мобилизации всех ресурсов страны»[202], во внешней политике необходимо было направить силы на привлечение внимания общественности к проблеме запрета/ограничения ядерного оружия, не дав Вашингтону возможности пустить его в ход.

В отечественной науке отмечалось, что наличие у США подобного козыря, а также временная монополия в этой сфере обусловили появление такого инструмента, как «атомная дипломатия»[203], служившего, как казалось американскому истеблишменту, своеобразным орудием сдерживания. Отметим, что, по мнению западной ревизионистской школы, де-факто создание ядерного оружия достигло обратного результата: это лишь продемонстрировало Кремлю агрессивность намерений Белого дома, вследствие чего «холодная война» стала неизбежной[204].

В этих условиях основной целью советских дипломатов было обеспечение максимальной осведомленности международного сообщества о

---

[201] Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2006. – С.369.

[202] Зубок В.М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева / В.М. Зубок; – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – С.53.

[203] История международных отношений и внешней политики СССР, 1917-1987. В 3-х томах. Т.2: 1945-1970 гг. / Под ред. Г.В. Фокеева. – М.: Международные отношения, 1987. – С.117.

[204] Shlesinger A.Jr. Origins of the Cold War // Foreign Affairs. – 1967. – Vol.46. – №1. – PP.25.

возможных последствиях применения смертоносного оружия и расширение круга негосударственных структур, в чьи задачи входило бы проведение гражданских акций и общественных мероприятий с требованием запрета ядерного оружия и допустимости использования лишь мирного атома.

К числу таковых институций, воспринимаемых на Западе в качестве просоветских, можно отнести и именуемое современными исследователями «формой мягкой силы СССР»[205] Движение сторонников мира (ДСМ), о деятельности которого, как и об участии РПЦ в нем, речь будет идти во второй главе.

Наконец, отдельно стоит упомянуть и о складывании социалистического либо просоветского блока, в первую очередь, из стран Восточной Европы. Несмотря на то, что это концептуальное направление деятельности советской внешней политики полностью укладывается в рассмотренную ранее канву «холодной войны» и де-факто является оформлением, а затем и институционализацией блока государств вокруг СССР, тем не менее для нашего исследования отдельные характеристики этого процесса представляют особый интерес.

Складывание социалистического блока из государств народной демократии в Восточной Европе происходило в несколько этапов: на первой стадии (1945-1946 гг.) были созданы коалиционные правительства, как того требовали достигнутые союзниками на завершающем этапе Второй мировой войны договоренности; на второй (1947-1948 гг.) – был обеспечен окончательный переход к социалистическим правительствам, выражающим полную солидарность с политической линией Москвы.

С точки зрения использования церковных структур во внешней политике СССР вопрос этот является особо принципиальным, так как параллельно с тем, как эволюционировали задачи советской дипломатии в отношении стран Восточной Европы, менялись и задачи, поставленные перед Церковью.

---

[205] Егорова Н.И. Влияние движения сторонников мира на политику ядерного разоружения. 1950-1960 гг. // Новая и новейшая история. – 2015. – №6. – С.70.

Соответственно, если на первой стадии со стороны РПЦ будет требоваться оказание поддержки структурам и иерархам, максимально лояльным социалистическим партиям и кандидатам, то на второй стадии будет наблюдаться трансформация церковной политики в сторону закрепления достигнутого и консервации режимов.

Дальнейшая работа по институционализации социалистического блока будет осуществлена посредством создания осенью 1947 г. Коминформа и зимой 1949 г. Совета экономической взаимопомощи (СЭВ): на первом же съезде Коминформа, объединяющего коммунистические партии Европы, А.А. Ждановым в ходе выступления с докладом «О международном положении» будет заявлено о существовании двух лагерей, а также о «буржуазной лжедемократии»[206].

Эти заявления советского идеолога станут концептуальной основой последующей деятельности Коминформа и не претерпят принципиальных изменений до смерти И.В. Сталина, о чем, к примеру, свидетельствует выступление М.А. Суслова на третьем съезде Коминформа в 1949 г.: «… определились две линии в мировой политике — линия демократического, антиимпериалистического лагеря, возглавляемого СССР, (…) и линия, возглавляемого США, империалистического, антидемократического лагеря, лагеря, имеющего своей основной целью закабаление чужих стран и народов, насильственное установление англо-американского мирового господства…»[207].

Резюмируя, обозначим, что концептуальная основа советской внешней политики в 1945-1953 гг. была выстроена исходя из необходимости противодействия Западу в рамках «холодной войны». Помимо оформления и институционализации социалистического блока, советская дипломатия работала с антиколониальной повесткой, набирающей обороты в условиях

---

[206] Сталин и космополитизм. 1945—1953. Документы Агитпропа ЦК / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. — М.: МФД: Материк, 2005. — С.143.
[207] Там же, С.531.

постепенного краха колониальных империй, а также искала ответ на появившееся у Соединенных Штатов ядерное оружие.

Данные направления не были ограничены лишь рамками одного континента: в рассматриваемый период внешняя политика СССР, несмотря на концентрацию на Европе, была вынуждена следить за процессами во всем мире. В этих условиях, а также с учетом отмечавшейся ранее идеологизации международных отношений и повышения значимости ценностной компоненты советское руководство проявило особый интерес к церковным структурам, чей потенциал мог быть использован для решения стоявших перед страной задач в рамках сформулированных нами направлений.

1.2 Особенности международного измерения деятельности РПЦ в 1945-1953 гг.

Изучение особенностей международного измерения деятельности РПЦ в 1945-1953 гг. было бы невозможным без уточнения институциональных основ ее функционирования. Рассмотрение этого вопроса уводит авторов, по меньшей мере, в 1943 г.[208], когда И.В. Сталиным было принято решение об избрании патриарха Московского и всея Руси , а затем и восстановлении постоянно действующего Священного Синода, что было формально санкционировано на Архиерейском соборе 8 сентября 1943 г.[209]

Принимая во внимание как патриотическую деятельность РПЦ, полезную с точки зрения сбора пожертвований на нужды фронта[210], так и значимость религиозного вопроса для предстоящих переговоров с союзниками[211], советское руководство в 1943 г. занялось пересмотром политико-правового положения РПЦ: отечественной школой неоднократно подчеркивался прагматизм данного решения[212], однако говорить о полноценном «повороте к Церкви» было бы чрезмерно – де-факто Кремлем был взят курс на временную нормализацию отношений с церковными институциями по соображениям политической необходимости, что не меняло большевистского отношения к религии per se[213].

Историки уже несколько десятилетий возвращаются к вопросу о том, что именно сподвигло советского лидера обратиться к нестандартному для

---

[208] Полная характеристика государственно-церковных отношений в СССР потребовала бы обращения к подробно исследованной теме богоборчества и репрессий против РПЦ в довоенное время. Несмотря на безусловную значимость этого вопроса для понимания причин, побудивших отечественных иерархов пойти на сотрудничество с советским руководством, данная проблематика в диссертации не рассматривается в связи с тем, что она относится в первую очередь к внутриполитическому измерению, а не международному.

[209] Деяния Собора Преосвященных Архиереев Русской Православной Церкви 8 сентября 1943 года // Журнал Московской Патриархии. – 1943. – №1. – С.18.

[210] Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. – М.: Политиздат, 1991. – С.334.

[211] Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917-1953 гг. / Михаил Одинцов. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – С.275.

[212] Чумаченко Т.А. В русле внешней политики советского государства: Московская Патриархия на международной арене в 1943-1948 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2007. – №1. – С.90.

[213] Кострюков А.А. Лекции по истории Русской Церкви (1917 – 2008): Учебное пособие / А.А. Кострюков. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. – С.210.

большевизма инструменту: помимо уже упоминавшихся тезисов, представляют интерес размышления о привлекательности РПЦ в связи с ее приверженностью традициям и устоям[214].

На фоне конструирования нового концепта патриотизма и отхода от довоенных идеологем РПЦ, в частности, смотрелась выигрышнее обновленческой церкви, сплотить вокруг которой население, по мнению советского руководства, было бы проблематичнее.

Еще более значимым фактором повышенной заинтересованности в церковных структурах становится понимание Кремлем того факта, что в дальнейшем поствоенное урегулирование неизбежно поднимет проблематику передела сфер влияния: несмотря на то, что в первой половине 1943 г. ситуация на советско-германском театре военных действий еще не была предопределена, И.В. Сталин начинал задумываться о включении РПЦ в число институтов, которые можно было бы задействовать при проведении внешнеполитической линии.

Т.А. Чумаченко емко сформулировала главную цель советского лидера как стремление сделать из Церкви «инструмент проведения советского влияния в Европе и мире на последнем этапе мировой войны и в послевоенном мире»[215]. Дополнительную актуальность церковному измерению придавал и тот факт, что предстоявшее освобождение территории Западной Украины и Западной Беларуси, до 1939 г. находившихся в составе Польши, а также стран Восточной Европы могло быть сопряжено с тематиками «славянского единства»[216] и изобретения новых идеологем для получения поддержки со стороны местного населения[217].

---

[214] Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40-50-х годов XX века: Очерки истории. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – С.68.

[215] Чумаченко Т.А. Московская патриархия в Движении сторонников мира: 1949-1953 гг. // Известия Челябинского научного центра УрО РАН. – 2007. – №1. – С.152.

[216] Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40-50-х годов XX века: Очерки истории. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – С.77.

[217] Чумаченко Т.А. В русле внешней политики советского государства: Московская Патриархия на международной арене в 1943-1948 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2007. – №1. –

Можно констатировать, что в 1943 г. существовал целый комплекс причин как внутри-, так и внешнеполитического характера, обусловливавших пересмотр линии ВКП(б) в отношении РПЦ. Кроме того, на повестке дня стоял и наиболее значимый в международном измерении вопрос проведения Тегеранской конференции, на которой союзниками эта проблематика могла быть использована в качестве козыря, удобного для оправдания медлительности в деле открытия «второго фронта», в связи со значимостью категорий свободы совести и вероисповедания для части населения стран Запада[218].

Учитывая все это, советское руководство в сентябре 1943 г. организовало встречу с церковными иерархами, на которой обозначило свою повестку, поставив перед ними такие задачи, как проведение воспитательно-патриотической работы и издание собственного периодического издания «Журнал Московской Патриархии» (далее – ЖМП)[219].

Новая модель государственно-церковных отношений удостоилась в литературе условного наименования «конкордат», что отсылает к соглашениям между государствами Запада и Святым Престолом, но не до конца соответствует истине в связи с неравноправием сторон «договора»[220].

Тем не менее ради восстановления церковных структур государству, на протяжении всего довоенного периода активно преследовавшему священнослужителей и заявлявшему о проведении «безбожной пятилетки», пришлось отказаться от «теории единого фронта», в соответствии с которой представители духовенства объявлялись эксплуататорским классом,

---

С.89.; Кострюков А.А. Лекции по истории Русской Церкви (1917 – 2008): Учебное пособие / А.А. Кострюков. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. – С.189.

[218] Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917-1953 гг. / Михаил Одинцов. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – С.275.

[219] Помимо ЖМП, РПЦ будет издавать и другие журналы: в Нью-Йорке издавалась «Единая церковь», в Будапеште – «Церковная летопись», в Берлине – «Голос православия». См. ГА РФ. Ф.Р-6991. Оп.1. Д.874. Л.100-103.

[220] Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды / 4-е изд. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – С.464, 473.

автоматически «тяготеющим» в 1930-е гг. к троцкизму и подлежавшим репрессиям[221].

Симптоматично, что три из восьми вопросов, заданных И.В. Сталиным Г.Г. Карпову непосредственно перед встречей с представителями духовенства, было посвящено именно внешней политике, что может говорить о планах главы СССР[222].

Пообещав иерархам поддержку светской власти по всем ключевым направлениям, партийный лидер прямо указал на необходимость проявить «большевистские темпы»[223] в деле организации и проведения Архиерейского собора РПЦ, на котором должен был быть избран патриарх, кресло которого являлось вакантным с 1925 г.[224], когда умер патриарх Тихон (Беллавин).

Спешка И.В. Сталина в данном случае понятна: мало того, что необходимо было обеспечить максимальную эффективность «церковной карты» на переговорах с союзниками, что требовало времени для широкого распространения информации о нормализации религиозной ситуации в СССР, также советский вождь планировал осуществить встречу англиканской делегации с отечественными иерархами, что позволило бы наладить личные контакты и продемонстрировать подлинность реализуемых государством изменений в отношении Церкви.

Все указания И.В. Сталина были незамедлительно выполнены: 8 сентября 1943 г. в Москве открылся Архиерейский собор, на котором патриархом был избран Сергий (Страгородский), пускай и безальтернативно. Вскоре после этого возрожденное периодическое издание РПЦ отчиталось о том, что 19 сентября 1943 г. в столицу прибыли представители Великобритании: делегаты англиканской церкви оставили хорошее впечатление о религиозной

---

[221] Курляндский И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922-1953 гг.). – М.: Кучково поле, 2011. – С.511-512.

[222] Одинцов М.И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Часть I: «Дело» патриарха Тихона; Крестный путь патриарха Сергия. – М.: Изд-во РАГС, 1999. – С.283-284.

[223] Там же, С.286.

[224] Вплоть до середины 1930-х гг. местоблюстителем патриаршего престола после смерти патриарха Тихона являлся митрополит Крутицкий Петр (Полянский).

обстановке в СССР, поприсутствовав на торжественном молебне в честь не только советской, но и союзных армий, а затем услышав от патриарха Сергия, что обе Церкви «имеют много общего … по тому воспитательному влиянию, которое та и другие Церкви имели на исторические судьбы своих народов»[225]. Кроме того, патриархом были направлены послания главам Константинопольской, Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской Церквей[226].

Прозвучало со стороны РПЦ и обращение к христианам всего мира, в рамках которого близость ценностных установок всех верующих называлась основой всеобщей борьбы против гитлеризма, что в дальнейшем преобразуется в одну из наиболее значимых компонент внешнеполитического подхода Церкви в послевоенный период[227]. Таким образом, РПЦ сразу начала выполнение тех международных задач, что были поставлены перед нею светской властью.

Отметим, что и план восстановления патриаршества, который иногда характеризуется в отечественной науке как «самый удивительный зигзаг сталинской политики»[228], к Тегеранской конференции удался[229]: более того, этим лекалам СССР будет следовать на протяжении всех 1943-1945 гг., проводя значимое церковное мероприятие в канун конференций «большой тройки».

Если перед Тегеранской конференцией был проведен Архиерейский собор РПЦ, а перед Ялтинской конференцией – Поместный собор, то незадолго до Потсдамской конференции – Церковно-национальный собор

---

[225] Пребывание делегации Англиканской церкви в Москве // Журнал Московской Патриархии. – 1943. – №2. – С.21.

[226] Известительные грамоты Патриарха Сергия восточным патриархам // Журнал Московской Патриархии. – 1943. – №2. – С.6.

[227] Обращение собора епископов Русской Православной Церкви ко всем христианам мира // Журнал Московской Патриархии. – 1943. – №1. – С.15.

[228] Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 годы. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – С.193.

[229] Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917-1953 гг. / Михаил Одинцов. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – С.285.

Армянской Апостольской Церкви (ААЦ), на котором были озвучены территориальные претензии к Турции на тему Западной Армении[230].

Для взаимодействия Церкви с государством в сентябре 1943 г. был образован Совет по делам РПЦ при СНК СССР (позже – при Совете министров СССР), главой которого был назначен уже упоминавшийся Г.Г. Карпов. Инструктируя последнего, И.В. Сталин обозначил, что тот не является обер-прокурором, как это было в синодальный период истории РПЦ[231], однако М.И. Одинцовым было верно замечено, что речь как раз шла о фактическом возрождении именно этого института[232].

Теперь любые решения, принимаемые патриархом и Синодом, должны были согласовываться с Советом по делам РПЦ и Г.Г. Карповым лично, а последний, в свою очередь, поддерживал связь с советским правительством, получая от него дальнейшие указания. Совет по делам РПЦ также осуществлял диалог с советскими ведомствами, взаимодействие с которыми было необходимо для осуществления церковью деятельности.

В частности, для международного измерения важен факт активных контактов между Советом по делам РПЦ и МИД СССР[233], благодаря которому, к примеру, в сжатые сроки проводилась работа по оформлению визовых документов для заграничных выездов. Совет по делам РПЦ был не только «надзирателем» за работой РПЦ, но и помощником в тех ситуациях, когда собственных технических сил патриархии не хватало: например, РПЦ в штатном порядке могла осуществить перевод зарубежной корреспонденции

---

[230] Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. – М.: Политиздат, 1991. – С.354.

[231] Одинцов М.И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Часть I: «Дело» патриарха Тихона; Крестный путь патриарха Сергия. – М.: Изд-во РАГС, 1999. – С.290.

[232] Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917-1953 гг. / Михаил Одинцов. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – С.277.

[233] Каиль М.В. «Православный фактор» в советской дипломатии: международные коммуникации Московского патриархата в середине 1940-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – №1. – С.22-23.

лишь с английского, греческого, итальянского и немецкого языков; в противных же случаях Церковь была вынуждена обращаться за помощью[234].

Иногда иерархи могли контактировать с И.В. Сталиным напрямую, однако подобные случаи крайне редки: журналы записей лиц, которых лично принял советский вождь, свидетельствуют о том, что преемник Сергия патриарх Алексий (Симанский) и ответственный за «церковную дипломатию» митрополит Крутицкий и Коломенский (до марта 1947 г. – митрополит Крутицкий) Николай (Ярушевич) беседовали с главой государства лишь в сентябре 1943 и апреле 1945 гг.[235] Со временем отсутствие постоянной практики «сверять часы» между главами светской и церковной властей начнет указывать на снижение интереса И.В. Сталина к РПЦ как к инструменту проведения внешнеполитического курса[236].

Отдельно отметим, что создание Совета по делам РПЦ в качестве органа, осуществляющего курирование деятельности РПЦ и ее координацию с правительственной линией, де-факто стало модельным: в частности, уже в мае 1944 г. советское правительство создаст Совет по делам религиозных культов при СНК СССР (позже – при Совете министров СССР), который будет курировать другие конфессии. Учреждение двух схожих по своему замыслу институций может служить подтверждением тезиса о том, что сталинское руководство планировало использовать во внешнеполитических целях не только РПЦ (примером того является уже упоминавшийся ранее собор ААЦ перед Потсдамской конференцией), однако подход в отношении разных церквей должен был быть дифференцированным[237], иначе не было бы смысла создавать две самостоятельные структуры.

---

[234] Лактюхин Д.А. Внешняя церковная деятельность Московского Патриархата в годы «нового курса» советского государства в отношении Церкви (1946-1953 гг.) // Христианство на Ближнем Востоке. – 2022. – Т.6 – №4. – С.173.

[235] На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924-1953 гг.). Справочник / научный редактор А.А. Чернобаев – М.: Новый хронограф, 2008. – С. 558., 675.

[236] Эйриян В.А. «И делом правды будет мир, и плодом правосудия»: РПЦ в борьбе за мир на рубеже 1940-1950-х гг. // Россия XXI. – 2022. – №5. – С.71.

[237] Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40-50-х годов XX века: Очерки истории. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – С.81-82.

Как нам видится, курирование РПЦ было намерено выделено в отдельное направление в связи с количеством православных в СССР и ее «большей ассоциативностью» с Россией и СССР. Остальные религии и конфессии, несмотря на их безусловную значимость и возможность воздействия через них на общественное мнение в разных регионах мира, тем не менее не обладали столь жесткой привязкой к отечественному пространству в зарубежном массовом сознании.

Существование Совета по делам РПЦ неизбежно поднимает вопрос о политической субъектности Церкви[238]. Церковь являлась самостоятельным актором, тем более основополагающий для советского периода документ о государственно-церковных отношениях в виде Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви от января 1918 г. оставался в силе.

В то же время очевидно, что эта независимость во многом являлась условностью, что позволило ряду авторов заявлять о «безгласной Церкви …, внешне благоденствующей и лишенной мученического ореола»[239]. Спорить с тем, что о полной фактической субъектности Церкви в советский период речи не идет, бессмысленно, однако, на наш взгляд, важно расставить смысловые акценты таким образом, чтобы была понятна схема государственно-церковного взаимодействия.

Во-первых, юридический статус Церкви, подробно исследованный отечественными специалистами применительно к внутренней политике, во внецерковном пространстве позволял ей заключать межцерковные договоры,

---

[238] Стоит оговориться, что правосубъектность может быть рассмотрена в национальном, международном и церковном измерениях. Применительно к национальному стоит исходить из советской правовой системы, исследователи которой в середине XX в. могли приравнивать правосубъектность к правоспособности. В этом контексте важно то, что в августе 1945 г. РПЦ в лице патриархии, епархиальных управлений, приходских общин и монастырей получила ограниченные права юридического лица, что говорит об ограниченной (специальной) правоспособности, следовательно, правосубъектности. В науке международного публичного права РПЦ не рассматривается в качестве субъекта, как и церковные институты в целом (исключение представляет Святой Престол, однако не из-за своей церковной природы). Применительно же к церковному измерению можно считать, что РПЦ обладает субъектностью во внутрицерковном пространстве до тех пор, пока существует как институт per se. В то же время понятия правосубъектности и политической субъектности не равны и могут быть соотнесены представителями различных наук по-разному.

[239] Кострюков А.А. Лекции по истории Русской Церкви (1917 – 2008): Учебное пособие / А.А. Кострюков. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. – С.190.

по своей форме практически дублирующие договоры межгосударственные[240]. Примером подобного соглашения может являться Акт о сотрудничестве Русской и Албанской Православной Церквей в защите мира, опубликованный в сентябрьском номере ЖМП 1950 г.[241] Составление и подписание подобного рода источников свидетельствует в первую очередь о субъектности РПЦ в отношении других церковных институтов: таким образом, очевидно, если мы говорим о субъектности РПЦ в отношении советского государства, то субъектность эту следует считать весьма условной; если же проводится линия сравнения между РПЦ и другими церковными институциями, осуществляющими свою деятельность за пределами СССР, в таком случае субъектность эта вполне реальна.

Кроме того, на наш взгляд, необходимо сделать ремарку, что политическая субъектность как таковая является выраженной возможностью проводить собственный курс и достигать собственных целей. Если первое, как было нами замечено ранее, находилось в прямой зависимости от воли советского руководства, то ситуация с достижением намеченных целей, как нам видится, куда сложнее. В течение нескольких десятилетий с момента крушения империи и вплоть до завершающего этапа Великой Отечественной войны церковные структуры сталкивались с серьезной угрозой внутренних расколов: речь в данном случае идет даже не столько о параллелизме образующихся структур в лице Русской православной церкви заграницей (РПЦЗ), обновленческой церкви, «катакомбной церкви» и т.д., а также о их «материальных претензиях», под которыми мы понимаем паству и территории (не для всех из перечисленных церквей это справедливо в одинаковой степени), сколько об идеологическом расколе в русском православии по вопросу допустимости сотрудничества с большевизмом.

---

[240] Эйриян В.А. «И делом правды будет мир, и плодом правосудия»: РПЦ в борьбе за мир на рубеже 1940-1950-х гг. // Россия XXI. – 2022. – №5. – С.73.

[241] Акт о сотрудничестве Русской и Албанской Православных Церквей в защите мира // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №9. – С.5.

Вследствие этой во многом политизированной борьбы, приводившей, по словам А.К. Погасия, к травле одних церковных структур другими[242], одной из ключевых задач русской Церкви в 1940-е гг. была ликвидация «конкурирующих» институций и утверждение в качестве единственной легитимной: соответственно, в этом задачи государства и Церкви совпадали – намеченная светской властью программа не могла быть реализована слабой Церковью, интересам которой, в свою очередь, отвечало восстановление ее канонической жизни.

Кроме того, замысел И.В. Сталина задействовать потенциал РПЦ на международной арене находил отклик у части церковной элиты, желавшей повысить международный статус РПЦ и укрепить ее авторитет. Неудивительно, что даже церковные авторы, зачастую негативно относящиеся к политическим кампаниям большевистской власти, признают, что всю международную деятельность РПЦ «нельзя оценивать исключительно с политических позиций»[243], приравнивая в данном случае политическое к государственному и признавая за РПЦ собственную заинтересованность в проведении подобных акций.

Согласимся с М.В. Каилем, отметившим, что говорить о «реализации корпоративных интересов» РПЦ нужно применительно к каждому конкретному случаю[244]: с позиций реализма Церковь так же, как и государство, можно считать интересантом в расширении своей «сферы влияния»[245], однако

---

[242] Погасий А.К. Церковные расколы в российском православии XIV – начала XX веков. – Казань: Изд. дом МедДок, 2009. – С.266-267.

[243] История Русской Православной Церкви: от восстановления Патриаршества до наших дней. 1917-1970 / под общ. ред. М.Б. Данилушкина. СПб.: Воскресение, 1997. – С.412.

[244] Каиль М.В. «Православный фактор» в советской дипломатии: международные коммуникации Московского патриархата в середине 1940-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – №1. – С.21-22.

[245] Поместные церкви осуществляют деятельность на своей канонической территории, за пределы которой не выходят, вследствие чего говорить о «сфере влияния» в классическом смысле этого слова с церковной точки зрения нельзя. Несмотря на желание руководства СССР добиться укрепления позиций РПЦ в странах, не относящихся к ее канонической территории (к примеру, в странах Ближнего Востока, находящихся в юрисдикции Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского патриархатов, о чем подробнее сказано в соответствующей главе), речь идет больше об усилении позиций РПЦ и увеличении числа ее симпатизантов, нежели о расширении сферы влияния.

процедуру уточнения смежности или даже тождественности целей Кремля и РПЦ нужно проводить в отношении конкретных политических кампаний.

В целях осуществления международной деятельности РПЦ в апреле 1946 г. был учрежден Отдел внешних церковных сношений МП (далее – ОВЦС). Во главе ОВЦС был поставлен один из участников встречи с И.В. Сталиным в сентябре 1943 г. – митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, который будет возглавлять внешнеполитическое «ведомство» Церкви до 1960 г.

В задачи ОВЦС будут входить в первую очередь осуществление межцерковных связей, ведение корреспонденции и составление докладных материалов на принципиальные для деятельности РПЦ тематики. Сам митрополит Николай будет активно задействован в зарубежных миссиях, в рамках которых ему нередко придется выступать на самых разных международных площадках, что будет подробнее нами рассмотрено в последующих главах.

Кроме того, именно митрополит будет отвечать за ведение в ЖМП рубрики «В защиту мира», которая появилась в мае 1949 г. и предназначалась для освещения основных акций ДСМ[246]. Помогать в этом иерарху будет журналист А.В. Ведерников, публиковавший свои статьи под различными псевдонимами, среди которых чаще всего в ЖМП фигурировали «А. Васильев»[247] и «А. Крашенинников»[248].

В силу специфики деятельности ОВЦС поддерживал тесные связи с редакцией ЖМП, чья помощь была необходима для оформления материалов, направленных на формирование у верующих читателей представления о международных реалиях, а также с преподавательским составом духовных образовательных учреждений в лице вновь открытой в 1946 г. Московской

---

[246] Чумаченко Т.А. Московская патриархия в Движении сторонников мира: 1949-1953 гг. // Известия Челябинского научного центра УрО РАН. – 2007. – №1. – С.153.
[247] См., напр.: Васильев А. Требование совести // Журнал Московской Патриархии. – 1951. – №7. – С.18-20.
[248] См., напр.: Крашенинников А. Оружие Церкви в защите мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №11. – С.14-18.

духовной академии и образованной в том же году Ленинградской духовной академией[249].

Инструментарий внешней церковной деятельности включал в себя три основных средства, использование которых позволяло РПЦ достигать поставленных перед ней целей[250].

К таковым стоит отнести евхаристическое общение и поминовение во время литургии предстоятелей Церквей, включенных в диптихи, т.е. списки глав автокефальных Церквей, перечисленных в порядке их авторитета и чести. Посредством этих двух инструментов демонстрируется поддержание связей с другими Церквями, а также признание их статуса: непоминовение иерарха де-факто означает непризнание его в качестве предстоятеля либо нежелание поддерживать контакт с церковным институтом, который он возглавляет.

Третий инструмент, находящийся в руках Церкви, напрямую сопряжен с уже упоминавшимся ЖМП: посредством размещения в периодическом издании статей, в которых поднимаются связанные с международными реалиями тематики, церковные авторы могут воздействовать на общественное мнение, формировать представление о категориях, с которыми в реальной жизни паства не сталкивается, а также осуществлять «мобилизацию» читателей в рамках конкретной политической кампании (к примеру, кампании по запрету/ограничению ядерного оружия). Таким образом, изучение материалов ЖМП дает исследователю возможность разобраться в смысловых акцентах, расставляемых РПЦ, и обозначить ее внутри- и внешнеполитические подходы[251].

Особый интерес для изучения последнего представляет упоминавшаяся рубрика «В защиту мира», само появление которой указывает на то, что

---

[249] Лактюхин Д.А. Внешняя церковная деятельность Московского Патриархата в годы «нового курса» советского государства в отношении Церкви (1946-1953 гг.) // Христианство на Ближнем Востоке. – 2022. – Т.6 - №4. – С.174.

[250] Эйриян В.А. «Холодная война пошла было на убыль»: освещение Суэцкого кризиса в православной периодике // Россия XXI. – 2024. – №3. – С.31.

[251] Эйриян В.А. Журнал Московской патриархии как отражение сталинской политики в первые послевоенные годы // Россия XXI. – 2021. – №4. – С.109.

публикация статей и выступлений иерархов в периодике воспринималось РПЦ, во-первых, в качестве инструмента конструирования образов, отвечающих церковным и государственным интересам, во-вторых, как форма отчетности перед светской властью, так как, по меньшей мере, количественные показатели публикационной активности церковных авторов позволяли говорить о выполнении институцией задач, обозначенных государством (см. приложения №1-2)[252].

Помимо перечисленных нами инструментов, к публичному арсеналу Церкви можно отнести и заграничные визиты, а также выступления на международных площадках, однако по своему характеру они слабо отличались от аналогичных методов, используемых государственными структурами.

Непубличный инструментарий церкви богаче, однако его привлечение требовало еще более строгого согласования с государством: в частности, РПЦ могла пойти на предоставление нуждающейся стороне финансовых средств для улучшения с ней отношений[253], увязать уступки, которые делались визави, с требованиями политического характера[254], организовать совместную политическую кампанию[255], передать второй стороне дорогие подарки[256] и т.д.

При этом все эти инструменты нельзя отнести к специфически церковным: де-факто обращаться к ним могут любые государственные и негосударственные акторы, однако представить себе использование данного инструментария в отношении церковных структур государственными

---

[252] Эйриян В.А. «И делом правды будет мир, и плодом правосудия»: РПЦ в борьбе за мир на рубеже 1940-1950-х гг. // Россия XXI. – 2022. – №5. – С.62.

[253] См., напр.: Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1970 гг. Т.1: Письма патриарха Алексия в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1963 гг.: / [под ред. Н.А. Кривовой; отв. сост. Ю.Г. Орлова; сост. О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С.214-215.

[254] См., напр.: Там же, С.196.

[255] См., напр.: К народам всего мира // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.17.

[256] См., напр.: Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. / О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. – М.: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2009. – С.364.

институциями либо невозможно, либо же подобные шаги будут куда менее результативны, нежели связи между структурами одного порядка.

Последнее замечание в целом поднимает проблему потенциала «церковной дипломатии». Необходимо учитывать его ограниченность и применимость лишь в отношении конкретных задач: эти лимиты продиктованы, во-первых, географией распространения христианской веры и православия, в частности, и, во-вторых, способностью Церкви поддерживать диалог в первую очередь с аналогичными по природе и сущности структурами.

Тиражирование случаев применения внешней церковной деятельности и размывание адекватных границ ее использования ведет лишь к ослаблению ее потенциала, а также к чрезмерной политизации институтов, результатом чего становится отторжение церковного влияния, что отчасти справедливо и для РПЦ в советский период: это хорошо прослеживается на примере копировавшей отдельные советские клише риторики Церкви по политическим вопросам, что явно намекало на отсутствие реальной самостоятельности церковных структур и приводило к восприятию РПЦ в качестве очередного советского рупора.

В то же время у церковных институтов в международных отношениях есть одно неоспоримое преимущество, которое было востребовано и советской властью, а именно их преимущественно мирный (миролюбивый) характер. Очевидно, с позиций Церкви, в т.ч. и РПЦ, уместнее всего призывать к миру, переговорам и поиску консенсуса в соответствии с христианской моралью. Любые воинственные призывы со стороны Церкви, если они не объясняются агрессией второй стороны, будут звучать странно и контрастировать с религиозными нормами[257].

В условиях «холодной войны», особенно на ее начальном этапе, когда перед советской дипломатией стояла задача нейтрализовать ядерную

[257] Речь в данном случае не идет о пацифизме как характеристике религиозных ценностей и церковных институтов. Православное учение о войне и мире не сводится к отрицанию и запрету любой войны per se. Однако в глазах населения церковные институты, являясь в первую очередь институтами духовными, ассоциируются в первую очередь с мирной повесткой.

монополию Соединенных Штатов, Москва была заинтересована именно в институтах, способных убедить мировую общественность в недопустимости применения ОМУ, вследствие чего обращала особое внимание на Церковь.

Актуальность привлечения церковных структур в рамках реализации внешнеполитической стратегии в условиях «холодной войны», обладающего идеологическим измерением, следует во многом из тех же предпосылок. В исследуемый период, как нам кажется, появляется и еще один фактор: в Кремле понимали, что не во всех странах и регионах мира социалистические идеалы будут находить одинаковый отклик, что может негативно сказаться на успехах распространения советского идеологического влияния.

В таком случае неизбежно встает вопрос о том, какие еще ценностные установки могли быть использованы советской властью и должны были считаться более универсальными для обращения к ним в целях закрепления своих политических позиций. Религиозные нормы, отвечающие идеалам большей части простого населения, хорошо для этого подходили, а потому не кажется удивительным, что во второй половине XX в. СССР и США пытались выставлять себя в качестве поборника истинно христианской веры для получения поддержки со стороны верующих во всем мире и разоблачения противника в качестве богоборца, преследующего несовместимые с христианскими заповедями цели.

Показательным, но выходящим за хронологические рамки исследования видится следующий эпизод: идея «монополизации» христианской веры по политическим соображениям хорошо прослеживается в речи «Империя зла» Р. Рейгана, с которой он выступил в 1983 г. перед Национальной ассоциацией евангелистов. Заигрывая с консервативными настроениями слушателей, американский президент прямо противопоставлял коммунизм и христианскую веру, тем самым оправдывая американскую внешнеполитическую линию религиозными ценностями[258].

[258] The Greatest Speeches of Ronald Reagan. – West Palm Beach: A NewsMax.com Book, 2001. – PP.153.

Советская сторона, в свою очередь, признавала за Западом лишь «христианствующий» статус, подчеркивая его лживость и двуличность и провозглашая себя центром мирового православия[259]. Соответственно, в годы «холодной войны» идея привлечения к политике церковных структур и/или апеллирования к религиозным нормам была воспринята в качестве политически полезной обоими ключевыми центрами силы.

Помимо этого, церковные структуры, размещающие свои «представительства» в виде, к примеру, подворий на территории других стран, могут выступать в качестве информаторов с альтернативными каналами получения данных.

Одним из наиболее ярких подтверждений этого тезиса можно назвать пример, также немного выходящий за хронологические рамки нашего исследования: в сентябре 1956 г. архимандрит Пимен (Хмелевский), глава Русской Духовной миссии в Иерусалиме, поделился с советскими органами полученной от американского банкира Моргана информацией о том, что Лондоном принято решение начать военные действия на Ближнем Востоке, о чем осведомлены уже все дипломатические представители Великобритании и Франции, что помогло МИД СССР верно определить планы западных держав в условиях разгоравшегося Суэцкого кризиса[260,261].

При этом стоит понимать, что ответственные за проведение внешнеполитического курса ведомства всех держав отдают себе отчет в аффилированности ряда церковных структур с государственными, вследствие чего говорить о полной «свободе рук» и доступе к конфиденциальной информации, конечно, нельзя. Показателем подобной осведомленности можно считать фрагмент из знаменитой «Длинной телеграммы» Дж. Кеннана 1946 г., в которой РПЦ была прямо названа проводником советского влияния

---

[259] См., напр.: Крашенинников А. Международный мир, как нравственная задача // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №8. – С.30-36.

[260] Эйриян В.А. «Холодная война пошла было на убыль»: освещение Суэцкого кризиса в православной периодике // Россия XXI. – 2024. – №3. – С.49.

[261] Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967. В 2 т. Том 1: 1947–1956 / Отв. ред. В.В. Наумкин. – М.: МФД, 2003. – С.488.

(«agencies utilized for promulgation of policies…»[262]), как и все православные Церкви Востока в целом[263].

Можно сделать вывод, что задействование церковных структур в международной политике во многом является следствием идеологизации международных отношений и стремления монополизировать религиозные ценности, разоблачая и критикуя своего противника. Характер этих структур обусловливает их преимущественно миролюбивую риторику, что позволяет интегрировать в нее соответствующую политическую повестку. В том числе и на современном этапе исследователями отмечается, что профессиональным дипломатам может быть проблематично работать с ценностными установками в идеологическом поле, в то время как церкви подобная задача кажется обыденной[264].

Интерес Кремля к церковным структурам при этом объясним и с позиций реализма, так как включение РПЦ в число институций, проводящих внешнеполитическую линию Москвы, давало возможность распространить свою сферу влияния на регионы (Восточная Европа, Ближний Восток), где позиции православия были традиционно сильными и где коммунистические идеалы, возможно, не находили бы широкого отклика у местного населения.

Возникшая еще в 1943 г. заинтересованность И.В. Сталина в РПЦ была обусловлена как внутри-, так и внешнеполитическими причинами. Еще в годы войны церковные мероприятия были использованы в качестве дополнительного инструмента воздействия на Запад в канун проведения конференций «большой тройки». Параллельно с этим была создана институциональная база, позволяющая РПЦ осуществлять внешнеполитические акции: «ведомством», ответственным за это направление, становится ОВЦС, вынужденный, как и все церковные структуры, согласовывать свою политику с Советом по делам РПЦ, который в

---

[262] Kennan G.F. Memoirs. 1925-1950. – Boston, Toronto: An Atlantic Monthly Press Book, 1967. – PP.555.

[263] Текст «Длинной телеграммы» не содержит указания на конкретные патриархаты, рассматриваемые в качестве проводников советского влияния, хотя греческие православные церкви таковыми не являлись.

[264] Routledge Handbook of Russian Foreign Policy / Ed. by A. Tsygankov. – Abington: Routledge, 2018. – PP.218.

свою очередь осуществлял координацию действий церкви и отвечал за контакты с НКИД/МИД СССР. Построенная в 1940-е гг. схема взаимодействия, несмотря на ее государствоцентричность, отвечала интересам как светской власти, так и церковной, и позволяла преследовать поставленные И.В. Сталиным цели, используя весь внешнеполитический инструментарий РПЦ.

1.3 Попытка позиционирования Москвы в качестве мирового центра православия как ресурс советской внешней политики

Возрождение РПЦ, помимо прочего, было связано с появлением у И.В. Сталина идеи использовать православную Церковь в качестве дополнительного инструмента влияния на международной арене. В этих условиях у советского руководства родился замысел становления Москвы в качестве центра мирового православия или т.н. «православного Ватикана»[265]. Величие Москвы в церковном измерении, по мнению современных авторов[266], должно было подчеркивать и ее политический статус, что соответствовало поздне- и послевоенным претензиям сталинского Политбюро.

Изучение стратегии Кремля на этом направлении, а также логики его действий было бы неполным без понимания того, как выстраивались отношения СССР с Ватиканом в первой половине 1940-х гг. На начальном этапе Великой Отечественной войны Святой Престол одинаково критически относился как к нацизму, так и к коммунизму, однако подписанные еще в 1929 г. Латеранские соглашения, определившие политико-правовой статус Ватикана, намекали на готовность папизма идти на уступки европейским государствам ради сохранения возможности функционирования католических структур. Пий XII, Папа Римский в 1939-1958 гг., по мнению Б.А. Филиппова, мог рассчитывать на то, что в результате конфликта между нацистской Германией и Советским Союзом обе державы будут ослаблены до такой степени, что в дальнейшем не будут представлять угрозы для западных государств[267].

В то же время в 1943 г. на фоне коренного перелома на советско-германском фронте, высадки союзников в Сицилии и повышенной

---

[265] Филиппов Б.А. Ф. Рузвельт, Пий XII, И. Сталин и проблема репутации СССР в годы Второй мировой войны // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2016. – №4(71). – С.100.

[266] Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40-50-х годов XX века: Очерки истории. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – С.86.

[267] Филиппов Б.А. Ф. Рузвельт, Пий XII, И. Сталин и проблема репутации СССР в годы Второй мировой войны // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2016. – №4(71). – С.86.

дипломатической активности американцев на итальянском треке Ватикан начинает постепенно отходить от «политики поддержки фашистского режима»[268]. Ф.Д. Рузвельт стремился заручиться поддержкой Папы Римского в связи с весомостью позиции католиков в Соединенных Штатах, что отмечалось советской стороной еще в 1933 г. при установлении дипломатических отношений с Вашингтоном[269] и в начале Великой Отечественной войны, когда католическое лобби в США отторгало саму идею поддержки безбожных коммунистов[270].

Исследователи предполагают, что уже на этом этапе И.В. Сталину стало ясно не только то, что общественное мнение в странах Запада не простит Москве отсутствия религиозных свобод[271], но и в целом сила религии как института. Возможно, отход советского лидера от радикального богоборчества первых лет революции и использования «атеистической карты» стал результатом именно этого осознания[272].

Примечательно высказанное еще в позднесоветскую эпоху мнение Д.А. Волконогова, что атеизм советский вождь понимал в упрощенном виде, ассоциируя свободу совести со свободой мнения, что было для него практически недопустимо, тем более в военных условиях[273]. В связи с этим и прагматичностью И.В. Сталина версия В.А. Алексеева о «тщательно скрываемом трепете перед Церковью»[274], на наш взгляд, не выглядит убедительной. Гораздо вероятнее то, что И.В. Сталин пошел на шаги по возрождению РПЦ, описанные нами ранее, под влиянием наблюдений на тему значимости католицизма для стран Запада и мыслей о потенциале православия

---

[268] Маджистер С. Политика Ватикана и Италия. 1943-1978 – М.: Прогресс, 1982. – С.17.
[269] Филиппов Б.А. Ф. Рузвельт, Пий XII, И. Сталин и проблема репутации СССР в годы Второй мировой войны // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2016. – №4(71). – С.87.
[270] Маджистер С. Политика Ватикана и Италия. 1943-1978 – М.: Прогресс, 1982. – С.22.
[271] Поспеловский Д.В. Сталин и Церковь. «Конкордат» 1943 г. и жизнь Церкви (В свете архивных документов) // Континент. – 2000. – №1(103). – С.224.
[272] Фирсов С.Л. «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 – нач. 1940-х гг.: очерки истории / Фирсов С.Л. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитар. ун-т, 2014. – С.215.
[273] Волконогов Д.А. Сталин и религия // Наука и религия. – 1989. – №2. – С.10.
[274] Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. – М.: Политиздат, 1991. – С.350-351.

для советской политики, либо же признавая роль православия в формировании национального самосознания.

Так или иначе, в годы Великой Отечественной войны советское государство все же предпримет попытку наладить диалог с Ватиканом, однако неудача этой затеи приведет к рождению идеи создать альтернативный Святому Престолу центр силы, который можно будет использовать для распространения советского влияния в мире. Как справедливо заметил Б.А. Филиппов, вероятно, советский лидер пришел к осознанию важности в международной политике того, что в дальнейшем получит наименование «религиозный фактор»[275].

Советское руководство начнет последовательно возрождать классическую формулу «Москва – третий Рим», черпая из творения старца Филофея лишь то, что будет необходимо Кремлю. Сразу обозначим, что невозможно было не осознавать грандиозность этой затеи и в то же время ее ограниченность географическими рамками: делая ставку на эту доктрину, Москва должна была рассчитывать на укрепление собственного влияния в первую очередь в Восточной Европе и на Ближнем Востоке.

С одной стороны, это отвечало запросам и самой РПЦ[276], что С.М. Майнер воспринял в качестве «гениальности советского религиозного курса», позволившего совместить интересы государственного и негосударственного акторов[277].

С другой – подобные претензии, по верной оценке Ф. Уолтерса, неизбежно вели к осложнению отношений с Константинопольским патриархатом, обладающим статусом Вселенского[278]. Зарубежной

---

[275] Филиппов Б.А. Ф. Рузвельт, Пий XII, И. Сталин и проблема репутации СССР в годы Второй мировой войны // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2016. – №4(71). – С.100.

[276] В первую очередь, по той причине, что укрепление влияния РПЦ в отдельных регионах повышало привлекательность церкви для государства, что снижало риск дальнейших репрессий в отношении церкви и верующих.

[277] Miner S.M. Stalin's Holy War: Religion, Nationalism and Alliance Politics, 1941-1945. – Chappel Hill and London: The University of North Carolina Press, 2003. – PP.131.

[278] Walters P. The Russian Orthodox Church 1945-1959 // Religion in Communist Lands. – 1980. – Vol.8. – №3. – PP.220.

исторической наукой, кроме того, была сделана существенная ремарка: становление Москвы в качестве центра православного мира означало возвращение к противостоянию православия и католицизма (в догматическом отношении никуда, впрочем, не уходившему), что, во-первых, вновь усиливало постепенно нарастающую идеологизацию международных отношений и, во-вторых, символизировало, что Союз унаследовал от своих исторических предшественников враждебность («animus») в отношении Святого Престола[279]. Позиция эта справедлива лишь отчасти уже по той причине, что говорить о враждебности Российской империи к католикам в условиях обеспечения веротерпимости в их отношении не вполне корректно.

Реализация советских планов началась уже после смерти патриарха Сергия: его кончина в мае 1944 г. поставила перед РПЦ вопрос проведения Поместного собора для избрания нового предстоятеля. Несмотря на отсутствие «электоральной интриги», так как почивший патриарх Сергий сам видел своим преемником митрополита Алексия, в годы войны служившего в Ленинграде, собор должен был позволить советскому руководству созвать представителей целого ряда других поместных православных Церквей и продемонстрировать им изменившийся статус РПЦ.

Свидетельством того, что СССР планировал склонить на свою сторону приезжающих иерархов, может являться докладная записка Г.Г. Карпова В.М. Молотову, поданная 18 января 1945 г.: по инициативе митрополита Алексия восточным патриархам должны были быть вручены ценные подарки из числа музейных на тот момент объектов («облачения, кресты, панагии и прочее»[280]).

Прошедший на рубеже января-февраля 1945 г. Поместный собор по своим масштабам превосходил все аналогичные мероприятия в истории русской

---

[279] Miner S.M. Stalin's Holy War: Religion, Nationalism and Alliance Politics, 1941-1945. – Chappel Hill and London: The University of North Carolina Press, 2003. – PP.89.

[280] Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. / О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. – М.: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2009. – С.364.

Церкви. Освещая ход Поместного собора в ЖМП, митрополит Николай не без гордости сообщал, что «в 1945 г. впервые одновременно собрались в Москве представители семи автокефальных Церквей (не считая Русской), причем три Церкви (Александрийская, Антиохийская, Грузинская) были представлены своими главами»[281].

Не сумевшие приехать в Москву направляли Алексию, избранному на соборе патриархом, поздравления, география которых намекает на то, что внимание всего церковного мира было приковано к происходящему в СССР: патриарх Константинопольский Вениамин и патриарх Иерусалимский Тимофей приветствовали «возлюбленную сестру» в лице РПЦ и поздравляли Алексия с интронизацией[282]; представители англиканской церкви выражали надежду на скорейший визит отечественных иерархов в Великобританию и отмечали плодотворное сотрудничество между народами; поздравительные телеграммы были получены из Греции, Японии, США и т.д.[283]

В то же время РПЦ куда больше интересовали те лица, что смогли прибыть в советскую столицу[284]. Перед собравшимися от имени советской власти выступил Г.Г. Карпов[285], однако главную задачу должны были выполнить духовные лица.

Осознавая претенциозность обозначенной директивы по становлению Москвы в качестве православного центра, патриарх Алексий, заявляя о практически вселенском характере собора («это поистине Вселенский

---

[281] Николай (Ярушевич), митр. Значение Поместного Собора Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.30.

[282] Телеграмма патриаршему местоблюстителю перед началом Поместного Собора от патриарха Вселенского // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.18-19.

[283] Приветственные телеграммы, полученные патриархом Алексием из-за границы и из СССР // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.20.

[284] К их числу относились представители Александрийской, Антиохийской, Грузинской, Иерусалимской, Константинопольской, Румынской, Сербской Православных Церквей.
О Поместном соборе Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.3.

[285] Речь представителя советского правительства – председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме Союза ССР Г.Г. Карпова на Поместном соборе // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.9.

Собор…»[286]), все же оговаривался о смирении РПЦ и понимании ею границ своих полномочий.

Необходимость прозондировать почву на тему качественного изменения статуса РПЦ и нежелание ухудшать отношения с другими Церквями посредством чрезмерных требований привели к тому, что ключевые мысли, в которых советское руководство было заинтересовано больше всего, были вложены в уста митрополита Алеутского и Северо-Американского Вениамина (Федченкова).

Задаваясь риторическими вопросами по типу «… не перенес ли Глава Церкви, Господь Иисус Христос центр ее в Москву?»[287], митрополит Вениамин пытался при этом показать представителям других Церквей, что о полном примате РПЦ и переходе к католическим практикам единовластия речи не идет.

Симптоматично, что Кремль отдавал себе отчет в том, что митрополит Вениамин не может говорить от имени всех православных верующих США и не является выразителем мнения большинства: незадолго до проведения собора Г.Г. Карпов предупреждал И.В. Сталина о том, что иерарх курирует лишь 15-16 приходов, в то время как в руках противника МП митрополита Феофила (Пашковского) (Северо-Американская митрополия РПЦЗ) находится порядка 300 приходов[288].

Чтобы не допустить усиления позиций американских представителей, оппонирующих проправительственной линии и способных сблизиться с восточными патриархами, в которых была заинтересована Москва, Алексий обратился к Совету по делам РПЦ с просьбой задержать прибытие данной делегации в целях недопущения ее контактов с остальными иерархами. По мнению С.В. Болотова, это означало не полное нежелание поддерживать связи

---

[286] Исторические дни // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.36.

[287] Вениамин (Федченков), митр. Мои впечатления о России // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №3. – С.21.

[288] Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. / О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. – М.: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2009. – С.367.

с представителями митрополита Феофила, а лишь стремление вести диалог «единолично и уже в новом для себя статусе общепризнанного Мировым Православием патриарха Русской Церкви»[289].

Зондирование почвы на предмет становления Москвы в качестве центра мирового православия именно в канун Ялтинской конференции представляется не случайностью, а четко спланированным шагом в контексте поздне- и послевоенной проблематики раздела сфер влияния.

Особенности восприятия союзников СССР по антигитлеровской коалиции на Поместном соборе будут рассмотрены нами в следующей главе, но уже сейчас отметим, что параллельно с тем, как РПЦ будет выступать в поддержку Объединенных Наций, борющихся против нацизма, иерархи будут прилагать усилия по определению границ дозволенного в церковном измерении: на наш взгляд, сама идея озвучить советские претензии через не обладавшего широкой поддержкой в американском обществе деятеля показывает неуверенность центра, как к этому отнесутся другие Церкви. Демонстрация замысла Москвы через предстоятеля РПЦ могла вызвать слишком серьезные опасения со стороны зарубежного православия, в то время как речи митрополита Вениамина де-факто ни к чему не обязывали и могли быть истрактованы как его частная позиция.

Так или иначе собор своих целей достиг: по мнению М.И. Одинцова, РПЦ смогла собрать такое количество первых лиц в Москве, что обозначила свою потенциальную возможность выступать в качестве лидера православного мира[290].

Планы И.В. Сталина становятся понятнее при обращении к тем характеристикам, что были поданы Г.Г. Карповым на зарубежных иерархов при подготовке проведения собора. Не останавливаясь на их личностных качествах, председатель Совета по делам РПЦ стремился зафиксировать

---

[289] Болотов С.В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-1950-е годы. – М.: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2011. – С.151.

[290] Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917-1953 гг. / Михаил Одинцов. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – С.333.

внешнеполитическую ориентацию каждого из важнейших делегатов: так, глава Антиохийской Церкви был назван «русофилом и сторонником тесной связи Московской Церкви с восточными православными Церквями»[291], патриарх Александрийский Христофор (Даниилидис) – наиболее значимой фигурой православного Востока после Вселенского патриарха, находящейся в хороших отношениях с русским православием, но еще и под влиянием Лондона и Каира[292], а глава Константинопольской Церкви Вениамин (Псомас-Кириаку), не приехавший в Москву по состоянию здоровья, был воспринят в качестве креатуры Турции[293].

С учетом внимания, которое Москва оказывала Восточной Европе, можно предположить, что и акцент на Ближнем Востоке был сделан не только по каноническим причинам: суммарно интересы Кремля обращены на Средиземноморье[294], а стремление установить стабильные и предсказуемые отношения с православными Церквями Востока может означать желание найти опору для проведения советской политики в этом регионе.

В связи с этим кажется логичной гипотеза М.В. Шкаровского, что впоследствии падение заинтересованности советского руководства во внешнеполитической деятельности РПЦ будет обусловлено крахом именно «средиземноморских планов И. Сталина»[295].

В представлении Т.А. Чумаченко внимание к этому региональному направлению проистекает в т.ч. из стремления решить проблему проливов, поднимавшуюся в ходе переговоров в рамках «большой тройки»[296].

---

[291] Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. / О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. – М.: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2009. – С.366.

[292] Там же.

[293] Там же, С.369.

[294] Помимо прочего, об этом свидетельствовали советские требования пересмотреть Конвенцию Монтрё 1936 г. и предоставить СССР опеку над Додеканезскими о-вами, а также создание уже в 1955 г. базы военно-морского флота СССР в албанском городе Влёра.

[295] Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах) / М.В. Шкаровский. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье. Общество любителей церковной истории, 1999. – С.9.

[296] Чумаченко Т.А. В русле внешней политики сталинского руководства: Русская православная церковь и патриархаты Ближнего Востока. 1943-1953 годы / Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – №22(351). – С.142.

Напомним, что в 1945-1946 гг. СССР действительно был озабочен средиземноморской тематикой, проявлением чего можно считать как участие в работе по восстановлению международного режима в Танжере в 1945 г., в результате чего должны были быть восстановлены суверенные права султана Марокко[297], так и взаимодействие с Сирией и Ливаном, отношения с которыми были установлены в 1944 г.[298]

Наконец, именно в послевоенный период Кремль стремился к «предоставлению ему прав на протекторат»[299] над Триполитанией: на Лондонской сессии СМИД осенью 1945 г. В.М. Молотов обозначил интересы Москвы на часть ливийской территории, во многом бросая вызов позициям Великобритании в Средиземноморье.

Таким образом, Поместный собор с его претензиями на первенство РПЦ в православном мире, что де-факто являлось беспрецедентной акцией в отечественной истории[300], символизировал для советской внешней политики не только зондаж почвы на интересующем ее направлении, но и продвижение в деле поиска союзников в средиземноморском регионе, обладавшем для политики Кремля особым значением.

Признавая справедливость оценок ближневосточного направления в качестве ключевого с точки зрения интересов советской внешнеполитической линии, полагаем верным трактовать это направление в более широком ключе и отталкиваться от устремлений Москвы укрепиться в Восточном Средиземноморье[301], а не только на Ближнем Востоке.

---

[297] Внешняя политика Советского Союза: 1945 год: Документы и материалы: 4 сентября – 31 декабря 1945 года. – М., Госполитиздат, 1949. – С.13.

[298] СССР и арабские страны. 1917-1960 гг. Документы и материалы / Ред. коллегия: В.Я. Сиполс [и др.]; М-во иностр. дел СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – С.82-84.

[299] Холодная война: в 2 т. – (Военная история Российского государства / под ред. В.А. Золотарева) – М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. Т. 1: Противостояние двух сверхдержав / Путилин Б.Г., Золотарев В.А. – С.53.

[300] Чумаченко Т.А. В русле внешней политики советского государства: Московская Патриархия на международной арене в 1943-1948 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2007. – №1. – С.92.

[301] Здесь стоит оговориться, что советским руководством Греция все же была признана в качестве сферы интересов Великобритании в соответствии с т.н. «процентной сделкой» октября 1944 г., несмотря на то что Греция – православная страна.

Дальнейшее развитие сюжета о центре православного мира можно было наблюдать в ходе поездки патриарха Алексия на Святую Землю в 1945 г.: в отечественной православной традиции особо подчеркивается, что это первый подобный визит предстоятеля РПЦ[302], вследствие чего на эту миссию возлагались особые надежды, в т.ч. с точки зрения распространения о Советском Союзе информации, подающей его с наилучшей стороны[303]. Если ОВЦС в своем отчете о событиях 1945 г. ограничивается краткой справкой, что поездка «оказала огромное влияние на укрепление связей с православным Востоком»[304], то со стороны Г.Г. Карпова И.В. Сталину поступил доклад куда более подробный.

В фокус внимания главы Совета по делам РПЦ вновь попал в первую очередь расклад сил в регионе с точки зрения международных отношений. Прежде всего Г.Г. Карповым был обозначен повышенный интерес Лондона к поездке патриарха: англичане, по его словам, опасаются роста советского влияния и «в противовес ему, поддерживают оппозиционные элементы»[305]. Заинтересованность в сближении с православной делегацией, в свою очередь, продемонстрировали египетские круги, не ожидавшие того, что гости из Москвы будут пользоваться такой популярностью среди общественности, и столкнувшиеся с массовой симпатией в отношении иерархов[306].

В то же время основной проблемой, не позволяющей с уверенностью заявлять о возможности ослабить британское влияние на Ближнем Востоке посредством инструментов «церковной дипломатии», оставалась проблема

---

[302] Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды / 4-е изд. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – С.492.

[303] Болотов С.В. Русская Православная церковь и начало «холодной войны» // Вестник Московского государственного областного университета. – 2010. – №3. – С.100.

[304] Лактюхин Д.А. Внешняя церковная деятельность Московского Патриархата в годы «нового курса» советского государства в отношении Церкви (1946-1953 гг.) // Христианство на Ближнем Востоке. – 2022. – Т.6 – №4. – С.172.

[305] Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. / О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. – М.: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2009. – С.428.

[306] Там же, С.429.

материальная, что в дальнейшем обусловит выделение денежных средств для поддержки нуждающихся церковных институтов[307].

За счет того, что делегацию возглавлял сам патриарх, сомнений в ее полномочиях обсуждать наиболее острые вопросы не было; присутствие предстоятеля подчеркивало значимость визита[308]. Все местные иерархи, обсуждавшие с Алексием проблематику созыва церковной конференции, высказались в пользу выработки единого подхода в отношении Ватикана, однако стремились отложить решение этого вопроса на неопределенный срок в связи с необходимостью нормализации политической ситуации после мирового конфликта[309].

В то же время идея созвать Вселенский собор, согласно донесению Г.Г. Карпова, патриархам казалась удачной: перенос столицы православия в его записке выглядел вопросом решенным, со стороны восточных Церквей лишь прослеживалась просьба к советскому государству взять инициативу созыва собора на себя, что иерархи пытались объяснять исторической традицией проводить подобные мероприятия под эгидой государственных акторов, а не только церковных[310].

Несмотря на то, что отчет Г.Г. Карпова звучал обнадеживающе и намекал на реализуемость замыслов Кремля, тем не менее следует учитывать, что восточные патриархи, в отношении которых глава Совета по делам РПЦ неоднократно подчеркивал тяжелое материальное положение возглавляемых ими структур и зависимость в этом вопросе от англичан, могли передавать патриарху Алексию лишь ту информацию, которую он хотел услышать.

В этом плане показательно, что наиболее активными сторонниками Москвы, судя по записке Г.Г. Карпова, являлись патриархи Антиохийский и

---

[307] Там же, С.432.

[308] Чумаченко Т.А. В русле внешней политики сталинского руководства: Русская православная церковь и патриархаты Ближнего Востока. 1943-1953 годы / Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – №22(351). – С.143.

[309] Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. / О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. – М.: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2009. – С.431.

[310] Там же, С.432.

Иерусалимский: если к канонической территории Антиохийского патриархата относились Сирия и Ливан, уже упоминавшиеся нами ранее в контексте советской внешней политики, вследствие чего желание дальнейшего сближения с Москвой объяснимо; ситуация с Иерусалимским патриархатом была не столь однозначна. Подробнее данное региональное направление нами будет рассмотрено в соответствующей части работы, но уже сейчас заметим, что в Иерусалиме, к примеру, были сильны позиции РПЦЗ, что неоднократно вызывало недовольство МП[311], т.е. говорить о полном единодушии между двумя патриархатами все же не приходилось.

Дальнейший путь Москвы к созыву Вселенского собора, который по итогу примет форму Всеправославного совещания 1948 г., в целом изучен отечественными специалистами. Соглашаясь с позицией, что этот курс должен был пролегать через борьбу с Ватиканом[312], постараемся сконцентрироваться не столько на противостоянии со Святым Престолом, сколько на аспектах, не позволивших советской «церковной дипломатии» добиться реализации своего замысла, и корреляции этой церковно-политической динамики с общими трендами советской внешней политики и международных отношений.

Сталинская линия, недооценивавшая зависимость ряда православных Церквей от западных стран[313], предполагала создание ортодоксального центра силы со столицей в Москве в пику не только Ватикану, но и экуменическому движению, которым особо заинтересовалась в начале 1946 г.

Уже в январе Г.Г. Карпову сообщили о необходимости внимательнее присмотреться к экуменизму и предоставили сведения о примате в его

---

311 Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1970 гг. Т.1: Письма патриарха Алексия в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1963 гг.: / [под ред. Н.А. Кривовой; отв. сост. Ю.Г. Орлова; сост. О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С.86, 108.

312 Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40-50-х годов XX века: Очерки истории. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – С.96.

313 Цыпин В.. прот. Значение и итоги Совещания 1948 года. О форуме, собравшем глав и представителей автокефальных православных церквей в Москве // Журнал Московской Патриархии. – 2018. – №7(920). – С.53-54.

структурах английских лоббистов[314]: в ответ на это в Совете по делам РПЦ была изучена опция и РПЦ присоединиться к движению для его использования в целях продвижения мирной повестки, однако от нее быстро отказались.

Вероятно, именно на этом этапе, т.е. в первые месяцы 1946 г., советское руководство, которое также было вынуждено столкнуться с усиливающейся поляризацией постепенно складывающейся международной системы на фоне Фултонской речи У. Черчилля в марте 1946 г., начало рассматривать идею отойти от изначального плана позиционирования Москвы в качестве куратора православного мира, что в случае реализации этого замысла сулило становление советской столицы в качестве «православного Коминформа», и использовать РПЦ «как организатора движения против мирового католицизма»[315].

Переход к негативной повестке и прямому противостоянию с институциями, в которых первенство принадлежит странам Запада, концептуально созвучен интервью И.В. Сталина корреспонденту «Правды» от 13 марта[316] 1946 г., в котором советский лидер прямо заявляет о том, что «нации, не говорящие на английском языке и составляющие вместе с тем громадное большинство населения мира, не согласятся пойти в новое рабство»[317].

Подозрения Москвы о влиятельности западных держав и их нажиме на православные патриархаты были продиктованы не только мнительностью И.В. Сталина. Если Великобритания стремилась удержать первенство в

---

[314] Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1970 гг. Т.1: Письма патриарха Алексия в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1963 гг.: / [под ред. Н.А. Кривовой; отв. сост. Ю.Г. Орлова; сост. О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С.116-120.

[315] Волокитина Т.В. «Московский Ватикан»: замысел создания и попытки его реализации. 1943-1948 гг. // Славяне и Россия: славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы. Сб. ст. / Отв. редактор С. И. Данченко. – М.: Институт славяноведения РАН, 2018. – № 1. – С.353.

[316] Интервью было опубликовано в «Правде» 14 марта 1946 г., однако в приведенном ниже сборнике документов значится под датой 13 марта.

[317] Внешняя политика Советского Союза: 1946 год: Документы и материалы: Январь – декабрь 1946 года. – М., Госполитиздат, 1952. – С.48.

экуменических структурах, то Соединенные Штаты на протяжении 1940-х гг. постепенно наращивали свое влияние в Турции, что сказывалось на их отношениях с Константинопольским патриархатом[318].

Вместе с тем уже в 1947 г. стало ясно, что попытки Кремля собрать всех или хотя бы большинство предстоятелей православных Церквей в Москве умозрительны. Основные проблемы состояли даже не столько в сильной политизации повестки, разработанной еще в 1947 г.[319], сколько, во-первых, в неканоничности амбиций советского руководства на проведение Вселенского собора (тем более РПЦ занимала лишь пятое место в диптихе[320]), что станет одной из причин отказа целого ряда иерархов от участия в мероприятии, во-вторых, в понимании всеми Церквями странности проведения подобного собора в Советском Союзе, чей образ атеистической державы был еще жив в памяти, и, в-третьих, в активном противодействии со стороны западного лагеря. Уже этими факторами было обусловлено то, что, по выражению А.А. Кострюкова, в 1947 г. стало ясно, что мероприятие, проводимое Москвой, не будет «всеправославным»[321].

Прежде чем обозначить, в чем конкретно заключались сложности по сбору предстоятелей православных церквей в Москве, заметим, что знаковость 1947 г., когда советская стратегия привлечения церковных институтов стала давать явный сбой, может быть связана с действиями США на международной арене.

В марте 1947 г. Г. Трумэн выступил в Конгрессе с речью, в которой попросил выделить 400 млн долларов США на борьбу с советским влиянием в Греции и Турции. Американские аналитики допускали, что без жестких мер

---

[318] Кострюков А.А. Подготовка Московского совещания глав и представителей поместных Православных церквей в 1948 г. // Российская история. – 2019. – №1. – С.198.

[319] Волокитина Т.В. «Московский Ватикан»: замысел создания и попытки его реализации. 1943-1948 гг. // Славяне и Россия: славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы. Сб. ст. / Отв. редактор С. И. Данченко. – М.: Институт славяноведения РАН, 2018. – № 1. – С.349.

[320] Цыпин В.. прот. Значение и итоги Совещания 1948 года. О форуме, собравшем глав и представителей автокефальных православных церквей в Москве // Журнал Московской Патриархии. – 2018. – №7(920). – С.53.

[321] Кострюков А.А. Подготовка Московского совещания глав и представителей поместных Православных церквей в 1948 г. // Российская история. – 2019. – №1. – С.205.

со стороны Вашингтона в отношении ситуации в этих странах неизбежно настанет коллапс, результатом которого, как показывает Д. Бостдорф, могли стать распространение советского влияния на Ближнем Востоке и даже возможное сближение либо примирение Москвы с Лондоном[322].

Примечательно, что даже современная американская литература, ориентированная на массового читателя, включая молодежь, рассказывая о доктрине Трумэна, исходит из мысли, что «по уровню развития военных технологий Советский Союз мог вскоре сравняться с США»[323], несмотря на убежденность Штатов в рассматриваемый период, что у Вашингтона есть, по меньшей мере, еще несколько лет до создания СССР ядерного оружия.

Попытка аргументировать выдвижение доктрины Трумэна подобными факторами выглядит натянуто: в условиях гражданского конфликта в Греции предоставление денежных средств противникам советского влияния, а также формулирование доктрины сдерживания могут быть значимы как раз с точки зрения ослабления советских позиций в Средиземноморье и на Ближнем Востоке, а не борьбы с СССР per se без привязки к конкретному региональному направлению.

Вскоре после этого американской стороной был выдвинут т.н. план Маршалла по предоставлению финансовой помощи европейским странам, пострадавшим в результате мирового конфликта. Эта программа, по сути, стала продолжением доктрины Трумэна: в зарубежной традиции высказывалась позиция, что эти шаги президента следует трактовать как отказ от доктрины Монро – если последняя ограничила гегемонию Штатов лишь американским континентом, то доктрина Трумэна показала, что больше никаких региональных рамок не существует[324].

На фоне действий Соединенных Штатов поляризация международной системы неуклонно нарастала: по мнению В.О. Печатнова, именно на этом

---

[322] Bostdorff D.M. Proclaiming the Truman Doctrine: The Cold War Call to Arms. – Texas A&M University Press: College Station, 2008. – PP.67.
[323] Morgan K. The Cold War. – North Mankato: ABDO, 2011. – PP.29.
[324] Charles L.Mee, Jr. The Marshall Plan. – New York: Simon&Schuster Inc., 1985. – PP.50.

этапе можно говорить о «целостном узоре нового образа США»[325]. Согласимся с позицией советской школы истории международных отношений, что в 1947 г. завершается складывание идеологических основ внешнеполитических линий, проводимых обоими блоками[326].

Вследствие этих поляризации и идеологизации системы, которые были подстегнуты еще и созданием Коминформа, мир окончательно разделился на два лагеря[327]. На этом фоне давление на церковные институты, обладавшие заведомо меньшими ресурсами для осуществления международной деятельности, усилилось, что и обусловило осложнение реализации плана по становлению Москвы в качестве центра православного мира.

Константинопольский патриархат, подверженный изменениям политической обстановки в Турции, в целом со скепсисом относился к затее Кремля, однако его позиция еще больше ужесточилась после отхода от дел патриарха Максима (Вапордзиса), готового к диалогу с РПЦ[328].

Церковь Кипра отказалась от советских приглашений со ссылкой на отсутствие у Москвы полномочий по созыву Вселенского собора, что не кажется удивительным с учетом того, что Кипр находился под контролем Великобритании[329].

Элладская Православная Церковь находилась в прямой зависимости от политической конъюнктуры в Греции, где продолжалась гражданская война, и не стремилась к сотрудничеству с РПЦ, хотя по итогу и направила своих представителей на Всеправославное совещание.

---

[325] Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2006. – С.446.

[326] История международных отношений и внешней политики СССР, 1917-1987. В 3-х томах. Т.2: 1945-1970 гг. / Под ред. Г.В. Фокеева. – М.: Международные отношения, 1987. – С.116.

[327] Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2006. – С.496.

[328] Волокитина Т.В. «Московский Ватикан»: замысел создания и попытки его реализации. 1943-1948 гг. // Славяне и Россия: славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы. Сб. ст. / Отв. редактор С. И. Данченко. – М.: Институт славяноведения РАН, 2018. – № 1. – С.355.

[329] Кострюков А.А. Подготовка Московского совещания глав и представителей поместных Православных церквей в 1948 г. // Российская история. – 2019. – №1. – С.204-205.

В этих условиях основные надежды Москвы возлагались на восточноевропейских и ближневосточных иерархов: если с первыми ситуация была значительно проще на фоне отказа государств Восточной Европы от коалиционных правительств и их становления в качестве стран народной демократии, то на Ближнем Востоке, который еще недавно, как было показано ранее, приветствовал Москву, обстановка была непростой.

Наибольшим симпатизантом СССР в ближневосточном регионе должен был считаться патриарх Антиохии, однако на него оказывалось серьезное давление для того, чтобы он отказался от идеи поездки в Москву. После его визита в Египет и переговоров с Александрийским патриархатом у МИД СССР было подозрение, что и сам патриарх Антиохии Александр III (Тахан) тоже не поедет на организуемое мероприятие, что грозило его срывом, которым может воспользоваться Запад[330].

Параллельно с этим Ватиканом была развернута пропагандистская кампания по дискредитации замыслов Москвы для срыва готовящей встречи иерархов[331]. Проведение им этой акции облегчалось диссонансом между амбициями РПЦ и атеистической природой советского государства: согласимся с А.А. Кострюковым, заметившим, что расширение влияние Церкви плохо совмещалось с ее преследованием; советская стратегия, являвшаяся по сути своей проекцией на церковное измерение парадигмы реализма, не учитывала имиджевых сложностей, связанных с государственной политикой в отношении Церкви еще довоенных времен[332].

Понимая невозможность реализовать свои намерения в полном объеме, Москва пошла на изменение характера предстоящего собрания: вместо отброшенных претензий на «вселенскость» было обозначено, что встреча

---

[330] Монгуш М.В. Всеправославное совещание 1948 года: новые документы к истории его подготовки // Восточный архив. – 2021. – №2(44). – С.97.

[331] Волокитина Т.В. «Московский Ватикан»: замысел создания и попытки его реализации. 1943-1948 гг. // Славяне и Россия: славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы. Сб. ст. / Отв. редактор С. И. Данченко. – М.: Институт славяноведения РАН, 2018. – № 1. – С.355.

[332] Кострюков А.А. Подготовка Московского совещания глав и представителей поместных Православных церквей в 1948 г. // Российская история. – 2019. – №1. – С.206.

посвящена празднованию 500-летия с момента получения РПЦ автокефального статуса, что решало каноническую проблему, однако оставляло в подвешенном состоянии проблему политическую.

От Антиохии на совещание в итоге приедут лишь митрополит Гор Ливанских Илия (Карам), не испугавшийся запугиваний со стороны англичан и американцев[333], а также митрополит Эмесский Александр (Джеха).

Иерусалимский патриарх, сославшись на арабо-израильский конфликт, не прибыл на встречу; на высшем же уровне оказались представлены лишь Албанская, Болгарская, Грузинская, Румынская, Сербская и де-факто Польская Церкви (см. приложение №3)[334].

Отсутствие Александрийского патриарха Христофора, передавшего представительские полномочия Антиохийской Церкви, объяснялось тем, что, согласно информации Ближневосточного отдела МИД СССР, последняя убедила Александрийский патриархат не посещать конференцию в Амстердаме, де-юре ставшую учредительным съездом Всемирного совета церквей, в обмен на отказ от поездки в Москву[335].

Таким образом, восточные патриархаты постарались сохранить свой нейтралитет, открыто не поддержав ни прозападное экуменическое движение, ни просоветские мероприятия, организованные РПЦ.

Ключевым документом, принятым на Всеправославном совещании 1948 г. и отразившим воззрения советской стороны и православных иерархов на текущие тенденции, стала резолюция «Экуменическое движение и Православная Церковь»: раскритиковав как католические, так и протестантские конфессии, участники совещания постарались обозначить свою деполитизированность, назвав именно ее текущей «практической

---

[333] Монгуш М.В. Всеправославное совещание 1948 года: новые документы к истории его подготовки // Восточный архив. – 2021. – №2(44). – С.98.

[334] Церковные делегации на юбилейных торжествах Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – Специальный номер. – С.5-6.

[335] Монгуш М.В. Всеправославное совещание 1948 года: новые документы к истории его подготовки // Восточный архив. – 2021. – №2(44). – С.99.

задачей» экуменизма[336]. Последний же был обвинен в несоответствии идеалам христианства, вследствие чего делегаты совещания подписались под отказом во вступлении в прозападную структуру[337,338].

Отечественная православная традиция, не считая Всеправославное совещание полностью не достигшим своих целей, отмечает, что оно «проявило неукоснительную верность преданию, здоровый традиционализм и трезвость в оценке западной церковной жизни» и «стало значительным шагом в восстановлении межправославного сотрудничества, нарушенного двумя мировыми войнами, революциями и другими политическими событиями»[339].

В то же время в исторической науке принято говорить о «явной неудаче» политической повестки собрания при решении лишь «задачи-минимум»[340], что не отменяет пользы собрания с церковной и догматической позиций, и о внимании к мероприятию «не столь масштабном, как ожидали его организаторы»[341].

С точки зрения политических выводов ценными являются замечания Д.В. Поспеловского, что поражение затеи сделать из Москвы столицу православного мира напрямую связано с поляризацией международной системы и крахом надежд на «экспорт социализма» в европейские страны за пределы уже обозначившейся сферы влияния Кремля[342].

По мнению же Ф. Уолтерса, 1948 г. стал знаковым, так как именно на этом этапе были обозначены лимиты распространения советского влияния,

---

[336] Скобей Г.Н. Межправославное сотрудничество в подготовке Святого и Великого Собора Восточной Православной Церкви // Церковь и время. – 2002. - №2(19). – С.69.
[337] Там же, С.70-71.
[338] Вступление РПЦ во Всемирный совет церквей (ВСЦ) в итоге произойдет лишь в 1961 г. в других международно-политических условиях.
[339] Цыпин В.. прот. Значение и итоги Совещания 1948 года. О форуме, собравшем глав и представителей автокефальных православных церквей в Москве // Журнал Московской Патриархии. – 2018. – №7(920). – С.57.
[340] Волокитина Т.В. «Московский Ватикан»: замысел создания и попытки его реализации. 1943-1948 гг. // Славяне и Россия: славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы. Сб. ст. / Отв. редактор С. И. Данченко. – М.: Институт славяноведения РАН, 2018. – № 1. – С.357.
[341] Кострюков А.А. Подготовка Московского совещания глав и представителей поместных Православных церквей в 1948 г. // Российская история. – 2019. – №1. – С.206.
[342] Поспеловский Д.В. Сталин и Церковь. «Конкордат» 1943 г. и жизнь Церкви (В свете архивных документов) // Континент. – 2000. – №1(103). – С.236.

вследствие чего Церковь как политический инструмент должна была стать куда менее интересна советскому руководству[343].

На наш взгляд, более трезвой является оценка, что И.В. Сталин должен был прийти к пониманию ограниченности «церковного ресурса в глобальной политике»[344], в результате чего часть внешнеполитической стратегии, апеллирующая в т.ч. и к РПЦ в качестве орудия достижения политических целей, должна была быть пересмотрена.

Основная проблема, как нам кажется, крылась все же не в каноническом измерении: изменение характера мероприятия, пускай и запоздалое, позволило провести его для реализации хотя бы части советских замыслов, что говорит о том, что сама по себе встреча иерархов, безусловно, была возможна и даже необходима.

Претенциозность и утопичность пересмотра всей иерархии православных Церквей изначально намекали на то, что план Кремля может быть выполнен лишь частично, что хорошо понимали иерархи и хуже – светская власть. В то же время наиболее существенной проблемной точкой являлась эволюция самой международной системы: в условиях упоминавшегося «краха средиземноморских замыслов И. Сталина»[345] и «столкновения американской и советской идеологий миропорядка»[346] РПЦ достигла единственно возможного результата – зафиксировала факт создания «единого блока» православных Церквей государств Восточной Европы и смогла сохранить с патриархатами Ближнего Востока адекватные отношения, пускай и не переходящие в «союзнические». Сама же затея изменения статуса Москвы

---

[343] Walters P. The Russian Orthodox Church 1945-1959 // Religion in Communist Lands. – 1980. – Vol.8. – №3. – PP.221.

[344] Монгуш М.В. Всеправославное совещание 1948 года: новые документы к истории его подготовки // Восточный архив. – 2021. – №2(44). – С.94.

[345] Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах) / М.В. Шкаровский. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье. Общество любителей церковной истории, 1999. – С.9.

[346] Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2006. – С.452.

сохранилась лишь в качестве специфического «памятника послевоенной эпохе, символа времени мирового триумфа Советского Союза и его лидера»[347].

Обвинять в политических неудачах саму РПЦ, как нам кажется, было бы неверно: обладая весьма конкретным инструментарием и подстраиваясь под изменения политической обстановки, Церковь, несмотря на полное отсутствие у нее кадровых дипломатов и слабое знание международной повестки (достаточно упомянуть, что в одном из своих писем в Совет по делам РПЦ сам патриарх Алексий признавался, что не знает, где вообще находится Тирана[348]), смогла использовать имеющиеся ресурсы максимально эффективно, обеспечив усиление собственного влияния[349].

В то же время крах изначального замысла должен был означать поиск нового подхода, в рамках которого Церкви должна была достаться роль не квазигосударственного игрока, в открытую лоббирующего советскую повестку, а выступающего с миротворческих позиций актора, что гораздо лучше совмещалось с ее образом.

Традиция рассмотрения истории Всеправославного совещания 1948 г. лишь в контексте тенденций церковной сферы, таким образом, представляется ограниченной: современные авторы, обращающиеся к реалиям международной жизни второй половины 1940-х гг., как нам кажется, убедительнее объясняют противоречия, связанные с попыткой реализации советского замысла.

Через призму политического реализма церковные события 1947-1948 гг. во многом могут быть обусловлены выдвижением доктрины Трумэна,

---

[347] Чумаченко Т.А. В русле внешней политики советского государства: Московская Патриархия на международной арене в 1943-1948 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2007. – №1. – С.97.

[348] Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1970 гг. Т.1: Письма патриарха Алексия в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1963 гг.: / [под ред. Н.А. Кривовой; отв. сост. Ю.Г. Орлова; сост. О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С.96-97.

[349] Каиль М.В. «Православный фактор» в советской дипломатии: международные коммуникации Московского патриархата в середине 1940-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – №1. – С.33.

принятием плана Маршалла и т.д., в то время как парадигма идеализма могла бы указать в т.ч. и на ужесточение идеологических баталий в эти же годы. К примеру, можно вспомнить, что именно в 1948 г. советской стороной была подготовлена историческая справка «Фальсификаторы истории», посвященная предпосылкам Второй мировой войны и двуличности западного подхода в отношении СССР. «… сплетня и клевета гибнут, а факты остаются»[350], – заключало Совинформбюро, демонстрируя, что ни о каком идеологическом примирении речи быть не может.

Полагаем, что в подобных условиях о полной реализации замыслов Кремля в церковном измерении речи идти не могло вне зависимости от существенности ограничений канонического характера.

[350] Внешняя политика Советского Союза: 1948 год.: Документы и материалы. Часть 1: Январь – июнь 1948 года. – М., Госполитиздат, 1950. – С.123.

Глава II. Концептуальные подходы РПЦ в 1945-1953 гг. в контексте советской внешней политики

2.1 Деятельность РПЦ по концептуализации образа Запада

В условиях быстрого ухудшения отношений СССР с бывшими западными союзниками по антигитлеровской коалиции Церковь, как было рассмотрено ранее, привлекалась в качестве инструмента влияния на международной арене, что в целом обусловливало церковный дискурс в отношении стран Запада. В то же время на протяжении 1945-1953 гг. подход РПЦ в отношении Вашингтона и его партнеров видоизменялся, а потому не может считаться статичным. В рамках данной части работы проводится анализ, подчинялся ли церковный дискурс в отношении стран Запада общей динамике отношений государственных акторов на начальном этапе «холодной войны», и выявляется сущностная корреляция между деятельностью РПЦ и Кремля.

Проследить позицию отечественных иерархов по вопросам отношений с союзниками по антигитлеровской коалиции возможно благодаря размещению в ЖМП большого количества официальных и публицистических материалов, посвященных данной тематике. Если в отношении первой категории источников не возникает сомнений в том, что они отражают позицию РПЦ и согласованы с государственной властью, то вторая категория, несмотря на видовую принадлежность источников и свойственную ей специфику, также может быть привлечена для исследования воззрений церковных структур в связи с цензурированием материалов, в результате которого любые попытки существенно уклониться от обозначенной линии пресекались. Таким образом, говорить об условном «церковном диссидентстве» и публикации материалов, не отражающих позицию официальных властей, не приходится.

Уже в первые месяцы 1945 г. становится ясно, что конструируемый РПЦ образ Запада является следствием дифференцированного подхода к описанию стран-союзниц и Ватикана. В канун Ялтинской конференции церковная печать

не размещала никаких материалов, которые могли бы бросить тень на образ Лондона и Вашингтона: тот же Г.Г. Карпов, приветствуя иерархов, собравшихся в Москве на Поместный собор, подчеркнул, что противостояние с нацизмом ведут «свободолюбивые народы всего мира»[351]. Патриарх Алексий, в свою очередь, характеризуя то испытание, которое пришлось пройти советскому народу, не стал указывать на помощь со стороны союзников, однако и не стремился подать действия Запада в негативном свете[352]. Вклад Запада в начале 1945 г. не отрицался, но и не педалировался: к примеру, признавалось, что совместно с советским народом действуют и те, кого ведут «великие вожди прогрессивного человечества»[353], но в чем именно заключалась их поддержка, старались не упоминать.

Позитивная коннотация образа союзников во многом была устремлена в будущее: отмечалось, что союзники вместе войдут в Берлин (мысль эту, впрочем, озвучил патриарх Александрийский Христофор, однако ее публикация говорит о том, что никакого диссонанса на тот момент эта фраза не вызывала[354]). Слова предстоятеля РПЦ тоже были обращены в будущее: комментируя встречу «большой тройки» в Крыму, патриарх сообщал, что «положено твердое основание будущему миру во всем мире», что стало возможным благодаря кооперации между союзными столицами, выводом из чего являлось лаконичное: «Слава и честь нашим союзникам»[355].

Нежелание церковных деятелей обращаться к реалиям 1943-1944 гг. может объясняться тем, что, во-первых, признание помощи со стороны союзников после открытия «второго фронта» летом 1944 г. уже прозвучало[356],

---

[351] Речь представителя советского правительства – председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме Союза ССР Г.Г. Карпова на Поместном соборе // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.9.

[352] Алексий (Симанский), патр. Патриаршее послание // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.6.

[353] Николай (Ярушевич), митр. Значение Поместного Собора Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.30.

[354] Исторические дни // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.79.

[355] Алексий (Симанский), патр. Святейший Патриарх Московский и всея Руси о решениях Крымской конференции // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.100.

[356] См., напр.: Обращение Местоблюстителя Патриаршего Престола Русской Православной Церкви Митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия к духовенству и верующим русского народа // Журнал Московской Патриархии. – 1944. – №9. – С.3.

во-вторых, акцентирование внимания на этом сюжете могло вызвать впечатление равного вклада в достижение победы над нацизмом как советской, так и союзных армий, что не коррелировало с позицией Москвы и действительностью. Так или иначе, в первые месяцы 1945 г. образ союзников подавался в позитивном ключе.

В то же время наметилась четкая дифференциация подходов в отношении Запада per se и Ватикана, в частности[357]. Уже на Поместном соборе обозначилась тенденция к антагонизации Святого Престола в связи с его призывами «проявить милосердие» в отношении Германии после ее капитуляции. Принятый на соборе документ «К народам всего мира» прямо указывает на то, что католические структуры желали бы «оставить после войны на земле фашистское, человеконенавистническое, антихристианское учение и его носителей»[358], раз папизм высказывается в пользу умеренного подхода в отношении Третьего Рейха.

Вскоре отечественные иерархи начали противопоставлять Ватикан и страны-союзницы, отказывая заявлениям Святого Престола в целесообразности даже с точки зрения Лондона и Вашингтона[359].

Корни этой разницы подходов в отношении стран Запада и Ватикана, который в дальнейшем будет восприниматься в качестве неотъемлемой части и «порождения» первых, стоит, вероятно, искать в еще существовавшей потребности в сотрудничестве с союзными столицами в начале 1945 г., с одной стороны, и понимания возможности Ватикана воздействовать на воззрения западных политиков, вследствие чего необходимо было обеспечить снижение влияния католических структур на общественное мнение – с другой.

Признание значимости концепта союзничества означало возможность негативизации образа лишь Ватикана, который постепенно становится

---

[357] Эйриян В.А. Журнал Московской патриархии как отражение сталинской политики в первые послевоенные годы // Россия XXI. – 2021. – №4. – С.112.
[358] К народам всего мира // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.17.
[359] Николай (Ярушевич), митр. Значение Поместного Собора Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.30.

«антиподом» РПЦ и магнитом для критики, хотя и не после завершения Великой Отечественной войны, как полагали отдельные исследователи, а еще на ее финальном этапе[360].

Критика Ватикана продолжилась и после Поместного собора. «Кто не замечает агрессивного направления Римско-Католической Церкви вообще?», – задавался вопросом митрополит Вениамин, напоминая о позиции папизма по актуальным международным проблемам и обличая направленность его подхода против советской власти[361].

Союзники же на этот момент критике не подвергались: допускались выпады против отдельных лиц, позволивших себе недопустимое в отношении советского народа (к примеру, критика обрушилась на западного журналиста, насмехавшегося над поношенной одеждой граждан СССР, несмотря на тяготы, что им пришлось вынести[362]), однако сам по себе концепт союзничества пока был непоколебим – линия на противопоставление Святого Престола и западных столиц сохранялась[363].

На этом этапе Церковь начинает обращаться к политике памяти в качестве действенного инструмента конструирования образа своего антагониста: обвинения политического характера в адрес Папы, несмотря на их обоснованность, служили лишь демонстрацией политизированности самих православных институтов, вследствие чего церковными структурами задействовались также исторические и канонические аргументы.

В частности, весной 1945 г. в церковной печати был сделан акцент на том, что именно Святой Престол был повинен в «великой схизме» 1054 г., что он всегда предпринимал попытки по насаждению своей веры в России, а также что влияние Ватикана приводило лишь к ослаблению славянских народов, из-

---

[360] Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 годы. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – С.201.

[361] Вениамин (Федченков), митр. О Римско-Католической церкви // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №4. – С.7.

[362] Александров Г. Великий подвиг (к празднику Благовещения Святой Богородицы) // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №3. – С.40.

[363] Вениамин (Федченков), митр. О Римско-Католической церкви // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №4. – С.9.

за чего у церковных авторов и вовсе возникали обоснованные подозрения в сговоре между гитлеризмом и папизмом[364]. К историческим претензиям вскоре прибавились обвинения в попытке мотивировать снисхождение к нацистской Германии христианской моралью, как и в свое время инквизицию, а также в политизации религиозных ценностей[365].

Таким образом, видно, что подход в отношении Ватикана был выстроен еще до завершения мирового конфликта: противостояние двух церковных структур, в рамках которого в ход шли соображения политического, исторического и канонического характера, протекало на фоне публично сохранявшегося единства между союзными столицами, а потому являлось едва ли не первым «фронтом» «холодной войны», на котором столкнулись две институции одного уровня и порядка.

Проблематика передела сфер влияния, как замечалось ранее, уже стояла на повестке дня, однако включать в публичный дискурс нападки на концепт союзничества еще не допускалось в связи с надеждами сохранить адекватный уровень отношений с постепенно отдаляющимися партнерами и осознанием взаимовыгодного характера сотрудничества[366].

По этой причине главным антагонистом РПЦ в первой половине 1945 г. являлся Ватикан, в то время как сама Москва начала себя позиционировать, как будет сформулировано уже в 1947 г., в качестве «маяка, маяка не только для одних нас православных, но и для тех, кто ищет подлинной, не завуалированной гражданской, национальной и религиозной свободы»[367].

Отношение же к союзникам не было подвержено столь быстрой эрозии, что отражалось еще и на обыденном уровне восприятия. После Поместного

---

[364] Николай (Чуфаровский), еп. Воинствующий католицизм // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №4. – С.19-20.

[365] Харьюзов Н.А., прот. Можно ли простить фашистов? (Мысли православного священника) // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №5. – С.44.

[366] Эйриян В.А. Церковный ренессанс в годы Великой Отечественной войны // Преподавание истории в школе. – 2024. – №8. – С.41.

[367] Харьюзов Н.А., прот. Москва // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – №1. – С.24.

собора советскими органами была собрана информация на тему того, какова реакция простого населения на прошедшее мероприятие.

С точки зрения международных отношений интерес представляют замечания советских граждан, что «отношение к духовенству диктуется требованиями союзников – Америкой и Англией»[368], «русские церковники начали свою деятельность с разрешения правительства, на которое, в свою очередь, произвели давление Америка и Англия»[369] или же «учитывается не только значение факта выбора главы духовенства внутри страны, но и больше — для международной политики»[370].

В представлении людей избрание патриарха могло являться одним из требований Запада для продолжения сотрудничества с Кремлем, при этом отторжения РПЦ эти мысли у населения не вызывали, из чего можно сделать вывод, что и союзники сами по себе на момент первой половины 1945 г. в массовом представлении еще не превратились в новых врагов, что можно считать отзвуком, как выразился В.О. Печатнов, «ялтинского медового месяца»[371].

Впрочем, и на политическом уровне в рассматриваемый период отношение к Западу оставалось двойственным: даже несмотря на осознание охлаждения отношений, советское руководство стремилось учитывать детали, позволяющие принять во внимание подход Запада; к примеру, при подготовке к проведению Парада Победы было отмечено, что присутствие иерархов на трибуне «должно произвести выгодное впечатление, и особенно для заграницы»[372]. Даже в условиях скорой безоговорочной капитуляции

---

[368] Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. / О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. – М.: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2009. – С.373.

[369] Там же, С.384.

[370] Там же, С.385.

[371] Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2006. – С.299.

[372] Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. / О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. – М.: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2009. – С.414.

Германии риторика РПЦ не изменилась[373]: в своем пасхальном послании патриарх Алексий чествовал силы «наших доблестных войск и войск наших союзников»[374].

Инерция позитивного отношения к союзным столицам сохранялась и во второй половине 1945 г., когда бывшие партнеры по антигитлеровской коалиции уже начали дистанцироваться друг от друга. Вступление СССР в войну с Японией сопровождалось комментарием патриарха Алексия о том, что эта «действенная помощь нашим союзникам» влечет за собой наступление всеобщего мира[375]; тогда же митрополит Николай поделился с читателями своими впечатлениями от июньской поездки в Великобританию и сообщил об оставшемся у него чувстве того, что народы двух стран сильно сблизились вследствие борьбы против общего врага[376].

Вплоть до начала 1946 г. церковные авторы не будут негативно отзываться о действиях Лондона и Вашингтона, хотя и уже с сентября 1945 г. из ЖМП исчезают позитивные отклики о союзниках[377]. «Церковная дипломатия», находящая свое отражение в публичной риторике РПЦ, заняла выжидательную позицию, не будучи готовой полностью ломать тот образ, что был выстроен авторами на завершающем этапе Великой Отечественной войны.

Подобный подход полностью соответствовал официальному курсу советской власти. Вплоть до сентября 1945 г. и в публичном дискурсе Кремля не прослеживалось прямой критики бывших союзников. К примеру, в опубликованном в начале сентября 1945 г. в «Известиях» интервью генерал-полковника Ф.И. Голикова, отвечавшего за репатриацию советских граждан,

---

[373] В 1945 г. Пасха праздновалась до 9 мая, однако номер ЖМП, в котором был размещено послание патриарха, был опубликован уже после капитуляции Германии.

[374] Алексий (Симанский), патр. Пасхальное послание // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №5. – С.4.

[375] Послание Святейшего Патриарха Алексия по поводу войны с Японией // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №8. – С.4.

[376] Николай (Ярушевич), митр. Поездка в Англию // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №8. – С.48.

[377] См., напр.: Николай (Ярушевич), митр. Наше пребывание во Франции // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №10. – С.14-24.

значилось, что необходимо выразить признательность Западу за его содействие в возвращении на родину более 2 млн советских людей[378].

Предположим, что изменения публичной линии были обусловлены в первую очередь ходом и результатами первой сессии Совета Министров иностранных дел (СМИД) в Лондоне, прошедшей в сентябре-октябре 1945 г.: отечественной наукой было сформулировано, что главным результатом этого мероприятия, по мнению Кремля, являлось то, что «первая послевоенная атака Запада была отбита»[379], что хорошо видно на примере заключительного материала ТАСС, посвященного окончанию первой сессии СМИД.

Телеграфное агентство сообщало, что между странами-участницами возникли серьезные разногласия, грозившие оставить встречу безрезультатной, однако советская сторона выдвинула ряд конкретных предложений, принятие которых, согласно источнику, позволило бы обеспечить «дружественную атмосферу для последующего рассмотрения в течение завтрашнего дня одного-двух спорных вопросов»[380].

Отказ от этой инициативы привел к тому, что ни к каким субстантивным решениям министры де-факто не пришли, что дало возможность Кремлю справедливо возложить ответственность за провал встречи на бывших союзников. По сути, именно этот момент следовало бы считать поворотным с точки зрения подхода к конструированию образа Запада в публичном дискурсе, так как после провала Лондонской сессии СМИД этот образ начинает демонизироваться.

Показательно и то, что в 1946 г. острие церковной риторики было направлено почти исключительно против Ватикана, что во многом наложилось на проведение Львовского собора[381] и денонсацию Брестской

---

[378] Внешняя политика Советского Союза: 1945 год: Документы и материалы: 4 сентября – 31 декабря 1945 года. – М., Госполитиздат, 1949. – С.15.

[379] Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2006. – С.373.

[380] Внешняя политика Советского Союза: 1945 год: Документы и материалы: 4 сентября – 31 декабря 1945 года. – М., Госполитиздат, 1949. – С.32.

[381] Львовский собор 1946 г., направленный на денонсацию Брестской унии 1596 г., подробно изучен отечественными исследователями и имел последствия как для внутренней, так и для внешней политики СССР.

унии 1596 г. РПЦ клеймила папизм, рассматривавший часть Белоруссии в качестве «территориального трамплина» для своей агрессии[382], стремящийся «окатоличить» население Западной Украины[383] и даже закрепощающий местное крестьянство[384].

Самоустранение РПЦ от комментариев на тему Фултонской речи У. Черчилля и все более вызывающего подхода Запада компенсировалось работой с повесткой вокруг Львовского собора[385]. Собор, подготовкой которого были озабочены как РПЦ, так и Совет по делам РПЦ[386], провозгласил окончание периода «римского ярма»[387] и даже обратился к Константинопольскому патриарху Максиму с просьбой зафиксировать момент завершения «национального и религиозного ига»[388], что должно было символизировать особую значимость момента.

Тем самым был нанесен сильнейший удар по не подчиняющимся РПЦ церковным структурам (Униатской Греко-Католической Церкви или УГКЦ[389]) на территории СССР, особо важный в контексте того, что И.В. Сталин осознавал бесполезность борьбы с институтом веры и, вследствие этого,

---

В данном параграфе акцент сделан на том, каким образом проведение Львовского собора сказалось на политической риторике РПЦ с точки зрения международных отношений и внешней политики СССР. На территориях восточноевропейских республик во второй половине 1940-х гг. также наблюдался процесс воссоединения униатов с РПЦ: в 1948 г. была упразднена уния в Румынии, в 1949 г. – в Закарпатье, в 1950 г. – в Чехословакии (Ужгородская уния 1646 г.).

[382] Волнянский Н. Незабвенный поборник православия в Белоруссии // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №2. – С.21.

[383] Ружицкий К., прот. Киево-Львовские торжества православия // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №4. – С.6.

[384] Ружицкий К., прот. Русская Православная Церковь в ее борьбе за Святое Православие // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №4. – С.17.

[385] Эйриян В.А. Журнал Московской патриархии как отражение сталинской политики в первые послевоенные годы // Россия XXI. – 2021. – №4. – С.113.

[386] Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1970 гг. Т.1: Письма патриарха Алексия в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1963 гг.: / [под ред. Н.А. Кривовой; отв. сост. Ю.Г. Орлова; сост. О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С.125.

[387] Приветственная телеграмма от имени Собора униатской церкви Святейшему Патриарху Алексию // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №4. – С.24.

[388] Известительная телеграмма Собора униатской церкви Вселенскому Патриарху Максимосу // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №4. – С.26.

[389] С точки зрения внутренней политики и обеспечения безопасности западной части СССР особую актуальность борьбе с УГКЦ придавало то, что она выступала идейной базой бандеровского движения.

понимал необходимость ослабления института Церкви в случае невозможности его контролировать[390].

Согласимся с С.В. Болотовым, указавшим на то, что желание покончить с униатскими приходами, подчинявшимися Папе Римскому, есть реакция на антисоветскую риторику Пия XII, также включившегося в публичное противостояние в рамках «холодной войны»[391].

Здесь же стоит отметить, что ужесточение риторики весной 1946 г. наблюдалось и со стороны самого Святого Престола: вполне вероятно, что эти прокламации были вызваны не только влиянием Фултонской речи, но и, как отмечал С. Маджистер, спецификой политической борьбы на Апеннинском полуострове, где в повестку пропапистских политических партий были включены антисоветские лозунги[392].

Обратившись к главе ВКП(б) с вестью об окончании диктата католицизма[393] и заявив верующим, что «Православная Церковь – первичная Церковь христианского Востока и Запада»[394], РПЦ подытожила, что все церковные раздоры всегда провоцировались Ватиканом[395], после чего на время отошла от публичной критики Святого Престола.

Вместо этого в ход были пущены инструменты исторического характера, позволяющие сконструировать позитивную повестку с опорой на славянское братство[396]. Стремление Церкви воздержаться от прямой критики в адрес Запада после окончания Львовского собора не дублирует государственный

---

[390] Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40-50-х годов XX века: Очерки истории. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – С.90-91.

[391] Болотов С.В. Русская Православная церковь и начало «холодной войны» // Вестник Московского государственного областного университета. – 2010. – №3. – С.101.

[392] Маджистер С. Политика Ватикана и Италия. 1943-1978 – М.: Прогресс, 1982. – С.64.

[393] От Собора униатской церкви Генералиссимусу И.В. Сталину // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №4. – С.27.

[394] Обращение Собора униатской церкви к духовенству и верующим // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №4. – С.31.

[395] Интервью, данное корреспонденту ТАСС членами Президиума Собора Греко-католической (униатской) церкви протопресвитером Костельник и епископами Антонием и Михаилом // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №4. – С.35.

[396] См., напр.: Парийский Л.Н. О пребывании московской делегации в Белграде // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №5. – С.37-44.

подход в отношении бывших союзников: голос РПЦ в отношении Запада затих именно в то время, когда И.В. Сталин стал обличать «донкихотские замашки г. Черчилля»[397].

Объяснение этому несовпадению двух дискурсов, на наш взгляд, стоит искать в двух факторах. Первым и ключевым с точки зрения Церкви являлось то, что ее приоритетными задачами на тот момент все же были проведение работы по становлению Москвы в качестве центра православного мира и претворение в жизнь формулы «Москва – третий Рим». Участие в пропагандистской кампании против Запада не отвечало интересам этого дела, грозясь лишь отпугнуть тех представителей западной общественности, что следили за происходящим в церковном измерении. Вторым фактором, вероятно, более существенным с точки зрения государства, можно считать то, что Кремль после Фултонской речи У. Черчилля стремился продемонстрировать нетождественность подходов Лондона и Вашингтона и сыграть на противоречиях между ними[398].

Нежелание Кремля заниматься эскалацией напряженности в публичном пространстве хорошо видно по ответам И.В. Сталина на вопросы западных корреспондентов: в сентябре 1946 г., общаясь с представителем «Sunday Times» («Сандей Таймс») А. Вертом, советский вождь прямо обозначил, что он верит в «возможность дружественного и длительного сотрудничества Советского Союза и западных демократий»[399], а в октябре того же года в диалоге с Хью Бейли от «United Press» («Юнайтед Пресс») опроверг американские заявления об «усиливающемся напряжении между СССР и Соединенными Штатами»[400].

---

[397] Внешняя политика Советского Союза: 1946 год: Документы и материалы: Январь – декабрь 1946 года. – М., Госполитиздат, 1952. – С.53.
[398] Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2006. – С.421-422.
[399] Внешняя политика Советского Союза: 1946 год: Документы и материалы: Январь – декабрь 1946 года. – М., Госполитиздат, 1952. – С.70.
[400] Там же, С.71.

Вне зависимости от искренности советского лидера, чьи слова во многом являлись частью публичной стратегии Москвы, однако могли восприниматься и в качестве идеализации будущего отношений между странами, РПЦ не было никакого смысла, как и возможности, дезавуировать позицию, обозначенную партийным главой, вследствие чего «молчание» церковных деятелей выглядит производным от той линии, что заняла светская власть, несмотря на кажущуюся разницу публичных курсов.

Пока Кремль формулировал свой подход в отношении Запада, Церковь, как было замечено ранее, перешла к конструированию образа антагонистов посредством использования инструментов исторической политики и политики памяти. Не обличая напрямую британский и американский истеблишмент, церковные авторы формировали антитезу капиталистическому блоку, подчеркивая, что советские граждане не позволят себя «деславянизировать»[401].

Для демонстрации разницы между подходами СССР и Запада на страницах ЖМП часто будут появляться материалы, педалирующие тематику миролюбивого характера политики Москвы на протяжении всей истории и дифференцирующие добровольное сотрудничество с Россией и навязанное народам всего мира взаимодействие с Западом. Показательным примером подобных рассуждений можно считать статью епископа Казанского и Чистопольского Гермогена (Кожина), аргументировавшего, что обращение татар в христианство шло ненасильственным путем[402].

Ужесточение церковной риторики произойдет уже в 1947 г. на фоне выдвижения доктрины Трумэна и плана Маршалла. Публичные выступления советского руководства за этот период не содержат указаний на принципиальный отказ от линии на признание сотрудничества с

---

[401] Волнянский Н. Великие просветители славянства свв. Кирилл и Мефодий // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №7. – С.35.

[402] Гермоген (Кожин), еп. Очерки из истории Казанской епархии (история распространения христианства среди татар Казанского края) // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №7. – С.49.

капитализмом, что вновь порождает расхождение между государственным и церковным дискурсами.

В то время как И.В. Сталин заявил, что «он должен засвидетельствовать тот факт, что у русских имеется желание сотрудничать»[403], РПЦ снова начала публикацию материалов, направленных на дискредитацию политики Святого Престола. Существенного изменения тезисы церковных авторов не претерпели, обвинения все так же касались политизации деятельности католических структур и их направленности против СССР, однако постепенно в статьях начинает фигурировать мысль о «демократической фразеологии»[404], что указывало на мнимость опоры папизма на мнение населения.

Приравняв Ватикан к поджигателям новой войны, РПЦ пришла к заключению, что результатом действий Папы может стать лишь распространение и укрепление «неверия», т.е. дискредитация христианской веры[405]. Параллельно с этим впервые за долгое время православные авторы все же прямо указали на «субсидирование Ватикана американскими капиталистами» [406], одновременно отказав Святому Престолу в реальной субъектности и обвинив империализм в инспирировании всех антисоветских акций.

Во второй половине 1947 г. государственный и церковный дискурсы все же сошлись: на мероприятиях, посвященных образованию Коминформа в сентябре 1947 г. и празднованию 30-летия октябрьской революции, советские лидеры выступили с доктриной «двух лагерей», сущность которой сводилась к существованию империалистического и демократического блоков и антагонизму между ними.

Являясь лидером «демократического» лагеря, СССР выступал с позиций сторонника международного сотрудничества. В частности, показательны

---

[403] Внешняя политика Советского Союза: 1947 год.: Документы и материалы. Часть 1: Январь – июнь 1947 года. – М., Госполитиздат, 1952. – С.17.
[404] Шаповалова А. Ко Дню Победы // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – №5. – С.30.
[405] Зернов М., свящ. Уродливое явление // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – №8. – С.34.
[406] Шаповалова А. Ко Дню Победы // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – №5. – С.31.

тезисы доклада В.М. Молотова на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1947 г.: было обозначено принципиальное расхождение между подходами СССР и Запада в отношении перспектив сотрудничества, а также указано, что доктрину Трумэна и план Маршалла стоит рассматривать в контексте кризисной ситуации в Соединенных Штатах, требующей от американского истеблишмента полномасштабной экономической экспансии[407].

Церковные авторы стали работать с заданными клише, облекая их в публицистическую форму: так, в изображении РПЦ два антагониста стали лагерями «Труда и Капитала»[408]. Дублирование советских штампов при этом не мешало Церкви заявлять о неприятии любой политизации религиозной деятельности: одновременно с поддержкой концепции «двух лагерей» и прямыми ссылками на упомянутый нами доклад В.М. Молотова церковные авторы осудили «новоизмышленную теорию об юрисдикции Константинопольской Церкви над всей православной диаспорой»[409], которая, согласно РПЦ, являлась ересью и подражала папистским претензиям на непогрешимость.

Отказ советского и церковного дискурсов от полутонов и констатация противостояния двух лагерей, несмотря на декларируемую открытость к сотрудничеству, де-факто служат свидетельством окончательного отхода от концепций, бытовавших в первые годы «холодной войны»: согласимся с отечественными авторами, заявившими, что «советская политика, пропаганда и дипломатия обрели наконец свое органическое единство»[410] и что к концу

---

[407] Внешняя политика Советского Союза: 1947 год.: Документы и материалы. Часть 2: Июль – декабрь 1947 года. – М., Госполитиздат, 1952. – С.56-57.

[408] Шаповалова А. К 30-летию Советской власти // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – №10. – С.33.

[409] Троицкий С., проф. О границах распространения права власти Константинопольской патриархии на «Диаспору» // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – №10. – С.45.

[410] Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2006. – С.451.

1947 г. завершилось складывание образов, определявших идеологическое (символическое) измерение «холодной войны»[411].

В 1948 г. отечественная риторика в отношении Запада будет следовать заложенным ранее принципам. Совмещение нарратива о «двух лагерях» и концепции мирного сосуществования требовало от советских властей балансирования между двумя парадигмами.

Необходимость дозированного применения инструментов продвижения каждой из идеологем диктовалась в т.ч. и президентскими выборами в Соединенных Штатах с учетом того, что на этапе предвыборной кампании Г. Трумэн не считался фаворитом и у советского руководства могла существовать надежда на пересмотр курса президента от Демократической партии в случае его поражения.

Знание Кремлем политических реалий США заметно по ответу И.В. Сталина на открытое письмо Г.Э. Уоллеса, являвшегося выдвиженцем от Прогрессивной партии: стремясь показаться лишь наблюдателем за президентской гонкой, И.В. Сталин отмежевался от поддержки какой-либо политической силы в Америке, однако заметил, что программа Г.Э. Уоллеса, предполагавшая поиск консенсуса с Москвой по вопросам международной повестки, отвечает интересам всего мира и могла бы быть взята за основу двустороннего диалога действующим правительством США[412].

Параллельно с этим разгорался и первый Берлинский кризис, в надежде на «пристойную развязку» которого, как выразился В.О. Печатнов, Кремль зондировал почву для улучшения отношений с Белым домом[413]. Несмотря на жесткий тон нот, направляемых западным столицам осенью 1948 г. в связи с эскалацией напряженности вокруг Берлина, Москва посчитала нужным своеобразным образом поздравить Г. Трумэна с победой и обозначить, что

---

[411] История международных отношений и внешней политики СССР, 1917-1987. В 3-х томах. Т.2: 1945-1970 гг. / Под ред. Г.В. Фокеева. – М.: Международные отношения, 1987. – С.116.

[412] Внешняя политика Советского Союза: 1948 год.: Документы и материалы. Часть 1: Январь – июнь 1948 года. – М., Госполитиздат, 1950. – С.27-29.

[413] Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2006. – С.553.

поражение его оппонента от Республиканской партии Т.Э. Дьюи показывает, что американцы, не проголосовав за «откровенно реакционную и наиболее агрессивную программу», готовы к постепенному улучшению отношений между странами[414].

В фарватере этого курса действовала и Церковь: авторы ЖМП практически перестали обращаться к образу Запада, не критикуя США на протяжении 1948 г.

С одной стороны, стоит учитывать, что Ватикан по-прежнему оставался публичной антитезой РПЦ (к примеру, уже после Всеправославного совещания церковные публицисты внезапно напомнили о попытках Святого Престола превратить Грузию в «арену многочисленных и коварных интриг» против православия[415]), облик которой уже не поддавался нормализации. В частности, совершенное украинским националистом-бандеровцем убийство Г.Ф. Костельника, одного из главных деятелей Львовского собора, было подано в церковной печати как преступление, на которое пошел «агент Ватикана»[416], несмотря на отсутствие доказательств в пользу версии о причастности папизма к этой акции.

С другой – упоминания о Вашингтоне все же сохранялись, однако они стали куда более редкими. Едва ли не единственным примером прямых нападок на США в публичной риторике РПЦ в 1948 г. можно назвать октябрьский материал «Ватикан и его политика», вступительная часть которого была полностью посвящена анализу американского видения международной системы: «лагерь мировой реакции во главе с США ожесточенно противодействует установлению прочного мира на демократической основе», – заявлял автор статьи, во всем обвиняя

---

[414] Внешняя политика Советского Союза: 1948 год.: Документы и материалы. Часть 2: Июль – декабрь 1948 года. – М., Госполитиздат, 1951. – С.108.

[415] Гермоген (Кожин), архиеп. Методы католической пропаганды в Грузии // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – №9. – С.50.

[416] Кончина протопресвитера о. Гавриила Костельника // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – №10. – С.15.

«миллиардеров с Уолл-стрит, мечтающих о всесветном господстве доллара»[417].

В остальном же РПЦ стремилась дополнительно не критиковать США, что может объясняться одним из следующих факторов: либо церковные деятели восприняли сигнал, поданный светской властью, и перестали педалировать тематику отношений с Западом, либо образ Запада был воспринят в качестве цельного и не нуждающегося в дополнении, либо же на фоне Всеправославного совещания события международной политики, напрямую не относящиеся к церковному и религиозному измерениям, временно перестали привлекать внимание иерархов, что, впрочем, не объясняет «затишья» с их стороны во второй половине 1948 г. С учетом жесткого цензурирования материалов ЖМП наиболее реалистичной представляется первая версия.

Дальнейшее развитие образа Запада в 1949-1953 гг. будет проанализировано нами в следующей части работы с учетом деятельности РПЦ в контексте ДСМ, тем более ключевые элементы этого образа были заложены еще на начальном этапе «холодной войны».

На протяжении всего рассмотренного нами периода публичный церковный дискурс в отношении Запада и Ватикана разнился, вследствие чего обозначим ключевые выводы по каждому из направлений. Пройдя от концепта союзничества, который принимался во внимание вплоть до осени 1945 г., до образа империализма, выступающего против сотрудничества с социалистическим блоком, Запад для РПЦ стал на каком-то этапе синонимом Вашингтона, несмотря на попытки провести разделительную линию между ним и Лондоном в 1945-1946 гг. Церковный подход к изображению США претерпевал те же изменения, что и государственный, копируя отдельные политические клише, однако обрамляя их на свой лад.

---

[417] Плесецкий Н. Ватикан и его политика // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – №10. – С.39.

В то же время, не имея возможности оперировать чисто политическими соображениями, РПЦ первые годы «холодной войны» стремилась находить собственные примеры и аргументы для усиления критики США, однако на рубеже 1947-1948 гг., когда завершилось становление концептуальных основ советской внешнеполитической идеологии времен «холодной войны», церковные авторы стали практически дублировать государственные лекала.

Более показательным представляется дискурс РПЦ в отношении Ватикана: во-первых, его антагонизация началась еще до завершения Великой Отечественной войны, когда концепт союзничества рассматривался в позитивном ключе, что говорит о столкновении церковных институтов на этапе становления «холодной войны» еще до аналогичного противоборства между государствами и их блоками.

Во-вторых, католические структуры были использованы в качестве антагониста, ассоциирующегося со всеми негативными трендами в церковном мире – в первую очередь, политизацией деятельности церковных институций. Для создания этого образа использовались инструменты и/или аргументы в т.ч. исторического и канонического характера, за счет чего авторы публицистических материалов стремились продемонстрировать невозможность поддерживать папизм, что должно было склонить читателей и общественное мнение в целом на сторону СССР.

Если образ Ватикана можно назвать статичным и развивающимся лишь условно (скорее, находились новые аргументы в пользу его критики), то образ Запада являлся динамичным и менялся в зависимости от политической конъюнктуры: эта корреляция между ситуацией на международной арене и подходом Кремля, с одной стороны, и церковной риторикой на страницах ЖМП, с другой стороны, говорит, на наш взгляд, о непосредственном задействовании православных структур в осуществлении внешнеполитической линии Москвы посредством конструирования необходимого образа и его продвижения в среде православных по всему миру.

2.2 Международное измерение деятельности РПЦ в Движении сторонников мира

В конце 1940-х гг. на фоне напряженности в отношениях между социалистическим и капиталистическим лагерями и опасениями начала нового мирового конфликта, в ходе которого могло быть применено ядерное оружие, начинается институционализация общественных движений, выступающих в пользу сохранения мира. Этот тренд являлся следствием частичной демократизации международной среды, наблюдавшейся с 1945 г. и связанной с процессами деколонизации и становления новых независимых государств, а также отражал страхи гражданского населения перед возможностью вновь оказаться в условиях мировой войны.

Появление весной 1949 г. первой крупной институции сторонников мира, наследовавшей межвоенному опыту[418], во многом было подстегнуто образованием НАТО: появление Североатлантического альянса служило свидетельством складывания военно-политических блоков, разделяющих Европу и отвлекающих от общечеловеческих ценностей. Прошедшие в апреле того же года в Праге и Париже мероприятия сторонников мира позволили объединить представителей более 70 государств и создать Движение сторонников мира (ДСМ), руководство которым на начальном этапе осуществлялось Постоянным комитетом Всемирного конгресса сторонников мира во главе с французским общественным деятелем и известным представителем физической науки Ф. Жолио-Кюри. Как сообщит о себе ДСМ в дальнейшем, оно не просто привлекло внимание людей к проблеме мира, но и «мобилизовало сотни миллионов людей для повседневной борьбы за мир»[419].

Появление многочисленного общественного движения, имеющего сторонников во многих странах, включая капиталистические, не могло остаться незамеченным в СССР. Миротворческий потенциал организации мог

---

[418] Егорова Н.И. «Народная дипломатия» ядерного века: Движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955-1965 годы. – М.: Аквилон, 2016. – С.43.

[419] The Story of the World Council of Peace – Druck.: Globus, Wien XX, 1962. – PP.3.

быть использован Москвой для укрепления своего послевоенного образа, а также для получения доступа к разного рода площадкам, на которых просоветские деятели могли транслировать позицию Кремля по политическим и социально-экономическим вопросам[420].

Осознавая необходимость возглавить «мирную повестку» в условиях, когда ценностное противостояние социалистического и капиталистического блоков предполагало взаимные обвинения в разжигании нового военного конфликта, советское руководство проявило интерес к ДСМ и обеспечило масштабное присутствие отечественных деятелей в его структурах.

Согласимся с А.А. Калининым, что одним из ключевых факторов этой заинтересованности Кремля являлось именно желание отстоять свою «идею мира»[421], которая противопоставлялась западным аналогам.

В то же время с позиций реализма критично то, что, уступая Соединенным Штатам в сфере ядерных вооружений, Москва желала обеспечить свою безопасность любыми доступными средствами: обращение к воле гражданского населения и защита логичной с общечеловеческой точки зрения позиции невозможности применения ядерного оружия позволяли создать образ мировой общественности, выступающей против начала ядерной войны, что было выгодно СССР.

Неудивительно, что подобные рассуждения еще в послевоенный период навели некоторых западных деятелей на мысль о том, что вся институционализация ДСМ инспирирована советской стороной, хотя в реальности Москва действовала инерционно и лишь «оседлала» тренд, пришедший из Западной Европы[422]. В то же время сам факт связи ДСМ с

---

[420] Раева Т.В. Развитие советских миротворческих практик в условиях холодной войны // Управление в современных системах. – 2018. – №4(20). – С.19.

[421] Калинин А.А. Борьба за мир как советский вариант публичной дипломатии // Вестник гуманитарного образования. – 2018. – №3(11). – С.123.

[422] Егорова Н.И. «Народная дипломатия» ядерного века: Движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955-1965 годы. – М.: Аквилон, 2016. – С.45.

советскими органами на рубеже 1940-1950-х гг. стал очевидным, хотя и Движение стремилось «преодолеть стигму государственной организации»[423].

Обращение СССР к подобным инструментам влияния на международной арене представляет интерес с точки зрения арсенала советской дипломатии: одними авторами это рассматривалось в контексте публичной дипломатии Кремля[424], другими – культурной[425], третьими же – в качестве формы «мягкой силы»[426].

На наш взгляд, не столь принципиально, каким образом позиционировать этот феномен с понятийно-категориальных позиций: важнее то, что советское руководство, нуждавшееся в отстаивании своих интересов на международной арене и конвертации «символического капитала»[427] в ресурс противодействия западной коалиции, нашло способ донести свою повестку до широких масс населения.

Декларированное в Манифесте ДСМ 1949 г. стремление обеспечить поддержку ООН, добиться ограничения численности вооруженных сил и запрета применения ядерного оружия, а также отказа от политики конфронтации военно-политических блоков[428] отвечало интересам советской внешней политики.

Несмотря на то, что в том же году в СССР были проведены первые испытания ядерного оружия на Семипалатинском полигоне, советское руководство последовательно отстаивало позицию необходимости ограничения ядерных вооружений, обвиняя Запад в «накоплении запасов

---

[423] Раева Т.В. Развитие советских миротворческих практик в условиях холодной войны // Управление в современных системах. – 2018. – №4(20). – С.20.

[424] Калинин А.А. Борьба за мир как советский вариант публичной дипломатии // Вестник гуманитарного образования. – 2018. – №3(11). – С.123.

[425] Раева Т.В. Советское движение за мир в послевоенной культурной дипломатии: институты, дискурсы, практики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2017. – Т.17. – №2. – С.19-20.

[426] Егорова Н.И. Влияние движения сторонников мира на политику ядерного разоружения. 1950-1960 гг. // Новая и новейшая история. – 2015. – №6. – С.70.

[427] Раева Т.В. «Против огня войны»: практики советского миротворчества в условиях холодной войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2020. – Т.20. – №4. – С.58.

[428] The Story of the World Council of Peace – Druck.: Globus, Wien XX, 1962. – PP.4.

атомных бомб, являющихся чисто наступательным вооружением»[429]. Осознание опасности ядерной войны подталкивало представителей культурной и научной интеллигенции по всему миру к участию в ДСМ, несмотря на их критическое отношение к советской власти и коммунизму[430], что можно считать достижением отечественной дипломатии в условиях идеологической поляризации.

Участие церковных структур в деятельности ДСМ было обусловлено как внутри-, так и внешнеполитическими факторами. С точки зрения внутренней политики значение имел тот факт, что частичная неудача Всеправославного совещания 1948 г. знаменовала пересмотр И.В. Сталиным места РПЦ в системе институтов, задействованных в реализации внешнеполитической стратегии: с учетом того, что православные институции восстанавливались именно по внешнеполитическим соображениям, церковные иерархи осознавали, что недостаточная эффективность РПЦ в качестве актора, осуществляющего внешнюю церковную деятельность, де-факто ведет к ревизии государственно-церковного консенсуса, достигнутого в ходе Великой Отечественной войны. Следствием этого стала заинтересованность Церкви продемонстрировать свои лояльность, полезность и эффективность, тем самым убеждая советское руководство не идти на повторные репрессии в отношении церковных структур, несмотря на ограниченные результаты Всеправославного совещания[431].

На фоне временного ослабления позиций Церкви вновь начала открыто проявляться неприязнь к ней со стороны ортодоксальных коммунистов, убежденных в ошибочности союза с негосударственным игроком, воплощавшим мировоззренческую альтернативу советской идеологии:

---

[429] Внешняя политика Советского Союза: 1949 год: Документы и материалы: Январь – декабрь 1949 года. – М., Госполитиздат, 1953. – С.90.

[430] Егорова Н.И. Между единством и расколом: влияние начала войны во Вьетнаме на Движение сторонников мира // Россия XXI. – 2016. – №6. – С.39.

[431] Чумаченко Т.А. Русская православная церковь в международном Движении сторонников мира: интересы церкви и власти (1949-1953) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – №5(106). – С.93.

рестрикции в отношении молебнов и крестных ходов в 1949 г. свидетельствовали о том, что, лишь будучи полезной государству, РПЦ может гарантировать свое существование и функционирование в условиях советской системы, что заставляло ее искать новые треки дипломатической активности, позволяющие подтвердить свой статус на международной арене[432].

Данная концепция нашла свое отражение и в трудах западных исследователей, внесших в нее поправку, что страх РПЦ остаться ненужной советскому государству и столкнуться с новыми репрессиями следует не столько из результатов Всеправославного совещания, сколько из достижения Союзом в 1948 г. предела возможностей в Европе[433].

Несмотря на замечания отдельных авторов, что И.В. Сталин в последние годы своего руководства страной не разделял мнения о необходимости усиления антирелигиозной пропаганды, чем должно объясняться отсутствие этого нарратива на XIX съезде КПСС в октябре 1952 г.[434], в целом можно говорить о сложившемся в науке консенсусе на тему влияния внутриполитических факторов на участие РПЦ в деятельности ДСМ. Разнятся лишь смысловые акценты, расставляемые авторами и колеблющиеся от радикальных по форме заявлений, что с Церковью «нечего и цацкаться»[435], до аккуратных признаний, что «интерес к ней со стороны советских вождей неуклонно падал»[436].

С внешнеполитической точки зрения интерес РПЦ к «мирной повестке» был обусловлен спецификой церковной риторики и негосударственных структур per se: действия РПЦ в парадигме реализма, несмотря на выгодность для советского руководства, тем не менее вызывали вопросы со стороны

---

[432] Чумаченко Т.А. Московская патриархия в Движении сторонников мира: 1949-1953 гг. // Известия Челябинского научного центра УрО РАН. – 2007. – №1. – С.152.
[433] Walters P. The Russian Orthodox Church 1945-1959 // Religion in Communist Lands. – 1980. – Vol.8. – №3. – PP.221.
[434] Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. – М.: Политиздат, 1991. – С.360-361.
[435] Поспеловский Д.В. Сталин и Церковь. «Конкордат» 1943 г. и жизнь Церкви (В свете архивных документов) // Континент. – 2000. – №1(103). – С.236.
[436] Болотов С.В. Русская Православная церковь и начало «холодной войны» // Вестник Московского государственного областного университета. – 2010. – №3. – С.103.

мировой общественности, в то время как парадигма идеализма, предполагавшая работу иерархов с вопросами мирного строительства и ценностными нормами, соответствовала характеру церковных структур[437].

Несмотря на ранее рассмотренную нами работу по формированию «негативного имиджа Ватикана», которая была воспринята современными учеными в качестве одной из задач руководства СССР[438], антагонизация Запада посредством продвижения «мирной повестки» в противовес агрессивности капиталистического блока вызывала меньше нареканий и разговоров о политизации Церкви, нежели попытки церковных авторов оперировать государственно-партийными клише.

Кроме того, использование церковных институтов в деятельности ДСМ следовало и из коммунистических лозунгов о необходимости противостоять «продажным борзописцам реакционной печати и радио»: столкновение концептов будущего мироустройства требовало от советских лидеров привлечения негосударственных институций для противоборства с их западными аналогами, о чем прямо заявлял М.А. Суслов в своем докладе «Защита мира и борьба с поджигателями войны» в 1949 г. [439]

Кремлем была поставлена задача информирования населения о пагубности западного подхода, в связи с чем к участию в этой политической акции должны были быть привлечены все «рупоры» советской власти: пользуясь классификацией А.С. Кимерлинг, можем предположить, что обращение РПЦ к верующим де-факто являлось частью таких этапов данной политической кампании, как «идеологический посыл через центральную, а затем и местную прессу; организационный этап и мобилизация масс»[440].

---

[437] Мячин С.В. Участие Русской Православной Церкви в международном движении сторонников мира в конце 40-х годов XX века // Вестник Оренбургской духовной семинарии. – 2022. – №3(24). – С.98.

[438] Зинчук С.М. Основные направления государственно-церковных отношений в СССР (1946-1953 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – Т.22. – №6. – С.34.

[439] Сталин и космополитизм. 1945—1953. Документы Агитпропа ЦК / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. — М.: МФД: Материк, 2005. — С.532.

[440] Кимерлинг А.С. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи / А.С. Кимерлинг; Нац. исслед. ун-т. «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – С.138.

Несмотря на то, что эта градация была разработана для внутриполитических кампаний позднего сталинизма, на наш взгляд, она может быть использована и применительно к отдельным акциям советской власти во внешнеполитическом измерении, так как предлагает четкую последовательность того, каким образом советские и просоветские структуры, подобные ДСМ, должны были осуществлять свою деятельность по обеспечению максимального распространения информации в выгодном Москве свете.

Оговоримся, что в контексте ДСМ РПЦ, безусловно, не являлась уникальным инструментом, позволяющим реализовывать сталинскую стратегию на международной арене. Работа в этом измерении требовала обращения и к классическому для Кремля арсеналу: к примеру, в 1950 г. на Главполиграфиздат при Совете министров СССР была возложена обязанность по выпуску журнала «Сторонники мира» тиражом 20.000 экземпляров в месяц, из которых половина предназначалась для стран народной демократии[441], что свидетельствует о привлечении СМИ для ознакомления массового читателя с результатами деятельности ДСМ. В то же время церковные структуры в рамках ДСМ имели значительное преимущество: в глазах верующего населения они выглядели менее аффилированными с советской властью, нежели светские институции.

Включение РПЦ в борьбу за мир поставило и перед Церковью задачу максимально подробного освещения в прессе процессов, связанных с противостоянием агрессивной политике капиталистического блока. В связи с этим в мае 1949 г. в ЖМП появляется рубрика «В защиту мира», курированием которой будут заниматься митрополит Николай[442] и А.В. Ведерников[443].

---

[441] Сталин и космополитизм. 1945—1953. Документы Агитпропа ЦК / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. — М.: МФД: Материк, 2005. — С.553.

[442] Чумаченко Т.А. Московская патриархия в Движении сторонников мира: 1949-1953 гг. // Известия Челябинского научного центра УрО РАН. – 2007. – №1. – С.153.

[443] Эйриян В.А. «Холодная война пошла было на убыль»: освещение Суэцкого кризиса в православной периодике // Россия XXI. – 2024. – №3. – С.34.

В тематической колонке размещались документы, принятые на мероприятиях ДСМ, выступления церковных деятелей (в первую очередь, митрополита Николая) на площадках ДСМ и публицистические материалы на тему защиты мира. Один раз за период с 1949 по 1953 гг. также был опубликован текст нормативного правового акта «О защите мира», принятого Верховным Советом СССР и приравнивавшего пропаганду войны к тяжкому уголовному преступлению[444].

Применение квантитативных методов исследования позволяет изучить публикационную активность авторов рубрики «В защиту мира», тем самым сделав вывод о том, являлось ли данное направление приоритетным для ЖМП и РПЦ в целом в рассматриваемый период. Суммарно с мая 1949 по март 1953 гг. было опубликовано 184 тематических материала, причем в среднем число статей в рубрике «В защиту мира» составляло 20,043% от общего количества статей в журнале (см. приложение №1)[445]. С учетом того, что публикуемые материалы могли занимать лишь одну страницу журнала и представлять перепечатку «Известий» либо другого советского информационного агентства, необходимо также учитывать и удельный вес рубрики в журнале в пересчете на страницы: при подобных расчетах небольшие информационные заметки не будут искусственно увеличивать показатель публикационной активности церковных авторов.

Средний показатель по страницам (количество страниц, занимаемых материалами в рубрике «В защиту мира» / общее количество страниц в журнале) составляет 20,59%[446] (см. приложение №2), что показывает, что, несмотря на большое количество кратких новостных публикаций, статьи и проповеди церковных журналистов, предлагавших свое развернутое видение стратегии сохранения мира, обеспечивали рубрике солидный удельный вес в журнале. Показатель порядка 1/5 представляется нам достаточно крупным на

---

[444] Закон о защите мира // Журнал Московской Патриархии. – 1951. – №3. – С.6.
[445] Эйриян В.А. «И делом правды будет мир, и плодом правосудия»: РПЦ в борьбе за мир на рубеже 1940-1950-х гг. // Россия XXI. – 2022. – №5. – С.65.
[446] Там же, С.66.

фоне того, что четыре раза в 1949-1953 гг. рубрика пустовала, что сказалось на конечном среднем результате.

Уже весной 1949 г. РПЦ начала уделять особое внимание коллективной борьбе за мир: патриархом эта деятельность была обозначена в качестве долга каждого верующего, следующего словам из Писания «мир оставляю Вам, мир мою даю Вам» (Ин. 14: 27)[447]. Противостояние агрессорам сразу было «закреплено» за «демократической частью человечества и всеми истинными христианами»[448], которыми было принято коллективное «Обращение ко христианам в защиту мира».

Текст документа прямо указывает на тесное сотрудничество ДСМ и церковных структур в его составе с советской властью: представители всех христианских конфессий, отстаивая возможность сосуществования различных идеологий и экономических строев, высказали обеспокоенность подготовкой «крестового похода» против СССР, призывая всех верующих дистанцироваться от начинаний Запада, который потерял право быть идентичным вселенскому христианству[449].

Кроме того, в печатном издании РПЦ были размещены постановления Всемирного конгресса сторонников мира, в соответствии с которыми координировалась пропагандистская работа, учреждались премии в области культуры в деле защиты мира, а также обозначалось, что ДСМ выступает за беспрекословное соблюдение Устава ООН и против «всех палачей мира» в Западной Германии и Японии[450].

Особое внимание церковная печать уделяла вкладу православных иерархов в дело продвижения мирной повестки, лоббируемой советским руководством: представлявший на Первом Всемирном конгрессе сторонников мира РПЦ митрополит Николай сообщал, что выступления советской

---

[447] Обращение Святейшего Патриарха Алексия // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №5. – С.12.

[448] Обращение Патриаршего Экзарха в Чехословакии Митрополита Елевферия // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №5. – С.25.

[449] Обращение ко всем христианам в защиту мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №5. – С.26.

[450] Постановления Всемирного Конгресса сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №5. – С.28.

делегации, в которую также входили, к примеру, А.П. Маресьев, А.А. Фадеев и И.Г. Эренбург, а также само упоминание героизма советской армии в годы Великой Отечественной войны или имени И.В. Сталина сопровождались бурными аплодисментами[451].

Вне зависимости от того, насколько преувеличивал митрополит, его посыл, что СССР обладал серьезным моральным капиталом, который мог быть преобразован в политический, должен был быть прозрачным для Кремля, убеждавшегося в полезности поддержки ДСМ. В своей же речи на мероприятии митрополит Николай напомнил о том, что и нацистские зверства совершались с позиции превосходства западной цивилизации, в силу чего поверить подобным лозунгам еще раз – обречь мир на новый военный конфликт.

Позиция РПЦ, заключавшаяся в жесткой дифференциации стремящихся к миру христиан и настроенных на очередное военное противостояние «христианствующих», продолжала деятельность по антагонизации образа Запада, рассмотренную нами ранее, однако теперь не различала Вашингтон и Ватикан, воспринимая обоих игроков в качестве единого противника[452].

Церковный нарратив о поджигателях войны основывался в первую очередь на противопоставлении христианских ценностей демократического лагеря и корыстолюбии капитализма: «их сердце … занято только материальными выгодами»[453], – предупреждали церковные деятели, считая, что подобное поведение греховно и уподобляет человека животному. Развитие мысли о сущности капитализма привело РПЦ к выводу, что в странах западной коалиции «звериная борьба за существование составляет верховный закон жизни»[454].

---

[451] Николай (Ярушевич), митр. На Всемирном Конгрессе сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №5. – С.20.

[452] Николай (Ярушевич), митр. Речь на Всемирном Конгрессе сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №5. – С.14.

[453] Честмир (Крачмар), прот. Речь на Всемирном Конгрессе сторонников мира в Праге // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №6. – С.6.

[454] Крашенинников А. Православие на страже мира. Миссия христианства в современном мире // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №6. – С.8.

А.В. Ведерников, скрывавшийся за псевдонимом «А. Крашенинников», в статье «Православие на страже мира. Миссия христианства в современном мире», которую можно считать программной с точки зрения раскрытия подхода РПЦ к проблеме борьбы с агрессорами, указал, что эта разница в образе жизни и укладе двух лагерей обусловлена приматом коллективных ценностей в странах народной демократии и индивидуальных – на Западе.

Из этого автор ЖМП выводил отсутствие единства среди населения в Америке, отмечая, что в ней «господствующий дух жизни является фактическим отрицанием христианства», а сама она – «конгломерат наций и религиозных сект»[455].

Жесткая риторика А.В. Ведерникова во многом была направлена на демонстрацию плюсов социалистического строя через работу с негативной повесткой: педалируя отрицательные характеристики западного общественного устройства, РПЦ должна была привести верующих к мысли о преимуществах, которыми пользуются советские граждане.

Помимо этого, А.В. Ведерников смог выстроить преемственность церковного внешнеполитического подхода, обозначив, что борьба за мир всегда входила в приоритеты Москвы, доказательством чего следует считать и проведение Всеправославного совещания в 1948 г.

Симптоматично, что церковные деятели стремились показать, что в частичной неудаче этого мероприятия, как и в невозможности достичь всехристианского единства, следует винить весь Запад, а не только Ватикан: понимая, что работа исключительно с политическими категориями наносила ущерб образу самой РПЦ и служила публичным доказательством ее превращения во внешнеполитический инструмент Москвы, А.В. Ведерников опроверг концепцию противостояния западного и восточного взглядов на демократию и обосновал существующие противоречия тем, что Запад, наследуя Западной Римской империи, исказил самые основы христианского

[455] Там же, С.10.

учения и оказался неспособен услышать голос Востока, не предававшего изначальные заветы.

На наш взгляд, попытку раскрыть политическую сущность бинарности международной системы посредством аргументов историко-нравственного характера можно считать относительно удачным идеологическим ходом РПЦ с использованием религиозной компоненты, так как такой подход, во-первых, позволял Церкви действовать в более привычном ей измерении и, во-вторых, предполагал возможность переубеждения второй стороны и возвращения ее в лоно «истинной» веры, что, согласно концепту, должно было искоренить существующие противоречия.

«Программа» А.В. Ведерникова будет постепенно прирастать деталями и претерпевать изменения за счет заявлений и других церковных деятелей. Так, игумен Павел (Голышев), возвращаясь к вопросу о природе блокового противостояния, исходил из того, что люди в СССР живут лучше, чем на Западе, о чем не могут честно сказать капиталисты, желающие уничтожить соцблок, чтобы не допустить общественно-политических изменений у себя в стране[456].

В этом контексте Церковью был запущен нарратив о миролюбии внешней политики СССР: раз истинные христиане выступают против войны, а РПЦ на постоянной основе заявляет о том, что в Советском Союзе нет места религиозным притеснениям, следовательно, СССР тоже выступает против войны и военных конфликтов никогда в своей истории не начинал. Сознавая дискуссионность этой позиции, церковные авторы все же дополнили ее указанием на то, что речь в данном случае не идет о тех войнах, целью которых являлась защита родной страны[457].

Православная концепция мироздания при таком подходе, местами сильно противоречащем христианским догмам, не спорила с философскими теориями об изначально существующем хаосе, однако указывала на всеобщее

[456] Павел (Голышев), игум. Мир // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №6. – С.19.
[457] А.Ш. Сторонники мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №6. – С.22-23.

стремление к мирному сожительству: религиозному человеку должна быть чужда сама идея конфликта, в котором заинтересовано лишь язычество, черпающее из войны источник благоденствия. В таком случае получалось, что противники христиан объявлялись неоязычниками, а религиозное разделение накладывалось на разделение политическое. Сам А.В. Ведерников дополнил изначальную доктрину детализацией, что непрепятствование и/или непротивление христианином разжиганию пожара войны может повлечь за собой Божью кару[458].

Проведение в августе 1949 г. в Москве Всесоюзной конференции сторонников мира при участии ряда представителей РПЦ дало возможность вновь подчеркнуть, что борьбу за мирное небо возглавляет советский народ. В выступлении митрополита Николая прослеживаются все характеристики «программы», обозначенной нами ранее: советский народ и христиане изображены в качестве борцов против агрессии, занятых созидательным трудом, в то время как «вашингтонский Каин» стремится спровоцировать новый военный конфликт[459].

На развитие концепции оказало влияние и решение Святого Престола принять акт, в соответствии с которым отлучению от церкви подлежали лица, сочувствующие коммунистам либо голосующие за них на выборах[460]: продолжающаяся поляризация нравственно-идеологического измерения использовалась православными авторами для подтверждения тезиса о неспособности Запада идти на примирение, что позволяло представить СССР в максимально выгодном свете.

В то же время ДСМ набирало обороты и в самом СССР: все население страны было заочно включено в число сторонников мирной повестки, врагами

---

[458] Крашенинников А. Международный мир, как нравственная задача // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №8. – С.33-34.

[459] Николай (Ярушевич), митр. Речь на Всесоюзной конференции сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №9. – С.16.

[460] А.Ш. В защиту мира (Со Всесоюзной конференции сторонников мира) // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №9. – С.26.

которой являются «англо-американские зачинщики»[461], что продолжало тенденцию на отказ от полутонов в отношении коалиции западных государств. Публичным проявлением решимости придерживаться избранного курса служило и установление 2 октября в качестве официального праздника борьбы за мир[462].

Вплоть до начала Корейской войны позиция РПЦ практически не менялась: обратив внимание паствы на образование КНР и ГДР[463], Церковь сконцентрировалась на расширении числа своих союзников в борьбе против агрессоров. На официальном уровне кампания была инициирована патриархом Алексием, заявившим, что «никакие международные договоры сами по себе не могут уничтожить очаги зла»[464], следовательно, народы всего мира, а с ними и автокефальные Церкви должны объединить усилия для противостояния общему врагу.

На призыв РПЦ вскоре откликнулись автокефальные церкви стран народной демократии: Синод Румынской Православной Церкви поддержал позицию Москвы[465], Синод Болгарской Православной Церкви обещал молиться за СССР[466], а Польская Православная Церковь обозначила свое желание принять участие в выработке программы по защите мира[467]. Благожелательную позицию также заняли Церкви Албании, Антиохии, Грузии, Чешских земель и Словакии, а также Армянская Апостольская Церковь. Как можно заметить, де-факто за пределами соцблока поддержку РПЦ высказал лишь Антиохийский патриархат, в то время как остальные

---

[461] Постоянному комитету Всемирного конгресса сторонников мира, всем участникам движения в защиту мира во всех странах // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №10. – С.20.

[462] 2 октября – Международный день борьбы за мир. Воззвание Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №10. – С.20.

[463] Обращение Постоянного Комитета Всемирного Конгресса сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №11. – С.19.

[464] Предстоятелям всех православных автокефальных церквей // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №3. – С.4.

[465] Румынская Православная Церковь и защита мира // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №4. – С.39.

[466] Ответ Святейшего Синода Болгарской Православной Церкви на обращение Святейшего Патриарха Алексия // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №5. – С.27.

[467] Ответ Архиепископа Белостокского и Бельского Тимофея от лица Польской Православной Церкви на Обращение Святейшего Патриарха Алексия // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №4. – С.41.

Церкви Ближнего Востока, как и Константинопольская, Кипрская и Элладская, воздержались от дальнейшего сближения с Москвой.

Активизация РПЦ на международном треке происходила на фоне проведения Стокгольмской сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира в марте 1950 г. Ключевым решением, принятым на мероприятии, стало требование полного запрещения ядерного оружия[468], с чем сразу проявили солидарность отечественные иерархи, зафиксировавшие свою позицию в отдельном коммюнике[469].

Выступление митрополита Николая вновь было посвящено вкладу РПЦ в дело строительства мира: подчеркнув, что советское видение будущего мироустройства разделяется не только странами народной демократии, но также Сирией и Ливаном, что должно было подтверждаться проведением молебнов по случаю праздника 2 октября, митрополит вернулся к политическим материям, напомнив, что главным поборником мира является И.В. Сталин[470].

Концептуально позиция РПЦ по основным внешнеполитическим вопросам уже не будет видоизменяться вплоть до смерти И.В. Сталина. Лишь периодически в зависимости от политической конъюнктуры Церковь будет уделять особое внимание тем или иным сюжетам международной жизни, в особенности, ситуации на Корейском полуострове и в Германии. Помимо этого, на фоне военных действий в Восточной Азии будет наблюдаться ужесточение риторики авторов ЖМП («папский престол еще раз благословляет подготовку к самому мрачному злодеянию, которое когда-либо видела история»[471]).

---

[468] Решения Стокгольмской сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №4. – С.34.

[469] Коммюнике иерархов Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №4. – С.35.

[470] Николай (Ярушевич), митр. Речь на заседании Советского комитета защиты мира, посвященном встрече с делегацией Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира (7 марта 1950 г.) // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №4. – С.33.

[471] См., напр.: Максимко И. Благословление мира // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №9. – С.12.

В связи с этим сконцентрируемся на событийном ряде: институционализация ДСМ наблюдалась и на региональном уровне, в связи с чем в государствах появлялись национальные структуры защиты мира, которые порой могли приобретать религиозный характер. Так, в июле 1950 г. в Чехословакии в Лугачовицах была проведена конференция духовенства всех христианских исповеданий по вопросам защиты мира, которую от имени РПЦ посетил митрополит Николай. Его речь полностью укладывалась в описанную нами концептуальную канву, однако на фоне начала Корейской войны также был поднят вопрос ограничения бактериологического оружия[472]. Кроме того, в 1950 г. РПЦ совместно с Грузинской Православной Церковью[473] примет участие во Второй Всесоюзной конференции сторонников мира[474].

Одним из ключевых эпизодов истории ДСМ начала 1950-х гг. стала Первая сессия Всемирного совета мира, учрежденного в ноябре 1950 г. взамен Постоянного комитета. Примечательно мероприятие в первую очередь тем, что на нем был принят пакет документов, посвященных международной обстановке: делегаты подписали резолюцию «Об ООН», согласовали свои позиции по германскому и корейскому вопросам, выступили против несправедливого осуждения КНР, а также обратились к постоянным членам СБ ООН с предложением принять Пакт мира, исключающий возможность начала военных действий[475].

Несмотря на озвученную в западной литературе мысль о желании ДСМ бросить вызов ООН и де-факто подменить ее посредством дискредитации организации[476], требования ДСМ не допускать отступлений от Устава ООН в

---

[472] Николай (Ярушевич), митр. В защиту мира. Речь на Конференции духовенства всех христианских исповеданий Чехословакии по вопросам защиты мира // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №7. – С.14.

[473] Гавриил (Чачанидзе), еп. Речь на Второй Всесоюзной конференции сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №11. – С.15-16.

[474] Николай (Ярушевич), митр. Речь на Второй Всесоюзной конференции сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №11. – С.10-14.

[475] Постановления первой сессии Всемирного Совета Мира // Журнал Московской Патриархии. – 1951. – №3. – С.10.

[476] Dobrenko V. The Soviet “Struggle for Peace”, the United Nations, and the Korean War // Journal of Cold War Studies. – 2024. – Vol.26. – №1. – PP.30.

функционировании международной организации и обеспечивать соблюдение международно-правовых норм не кажется нам достаточным основанием для обвинения ДСМ в желании заместить ООН, чего в принципе не могло произойти в силу разности природы и специфики структур.

Согласимся с Н.И. Егоровой, что жесткую риторику ДСМ, в особенности по вопросу применения ядерного оружия, следует скорее рассматривать в контексте заявлений американского руководства о разработке водородной бомбы и расширении ядерного потенциала, что требовало от ДСМ задействования всех сил для недопущения реализации термоядерного сценария[477]. Из выступлений деятелей РПЦ также не следовало желание пересмотреть статус ООН либо умалить ее значимость в деле поддержания мира: митрополит Николай акцентировал внимание лишь на ремилитаризации ФРГ и Японии, а также проблемах, вытекающих из корейского кризиса, в то время как проблематика ООН в его выступлении в принципе не прослеживается[478].

Наконец, остановимся на исключительно церковном мероприятии в рамках ДСМ, организованном в СССР. В мае 1952 г. по инициативе Совета по делам РПЦ в Загорске была проведена Конференция всех Церквей и религиозных объединений СССР, посвященная защите мира[479]. Как сообщила церковная печать, на встречу прибыли представители Грузинской Православной Церкви, Армянской Апостольской Церкви, католических, протестантских, мусульманских, иудейских и буддистских структур – суммарно 19 конфессий совместно с РПЦ[480].

---

[477] Егорова Н.И. «Народная дипломатия» ядерного века: Движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955-1965 годы. – М.: Аквилон, 2016. – С.69.

[478] Николай (Ярушевич), митр. Речь на первой сессии Всемирного Совета Мира // Журнал Московской Патриархии. – 1951. – №3. – С.15.

[479] Чумаченко Т.А. Русская православная церковь в международном Движении сторонников мира: интересы церкви и власти (1949-1953) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – №5(106). – С.94.

[480] Конференция всех Церквей и религиозных объединений в СССР в защиту мира // Журнал Московской Патриархии. – 1952. – №5. – С.14.

Идейная основа мероприятия полностью дублировала ее аналог на глобальном уровне: конференция высказалась в поддержку всех начинаний ДСМ, порекомендовав верующим проявить солидарность с разработанным Всемирным советом мира документом «Против бактериологической войны»[481], а также обратившись к И.В. Сталину с приветствиями, целью которых, помимо прочего, было еще раз напомнить о полезности использования церковных структур во внешнеполитической деятельности[482].

Можно сделать вывод, что в 1949-1953 гг. основным направлением внешнеполитической деятельности РПЦ становится участие в борьбе за мир, что соответствовало нормам христианской морали, однако, как заметила Т.А. Чумаченко, искусственно вобрало в себя указание на СССР в качестве оплота мира[483].

Вклад РПЦ в «мирную повестку» прослеживается как с концептуальной, так и с событийной точек зрения: православной Церковью была развита концепция о непричастности истинных верующих к военным конфликтам, вследствие чего была осуществлена дифференциация настоящих христиан и «христианствующих», приравненных к язычникам, а также был обоснован тезис о лидерстве СССР в деле сохранения мира. В событийном же плане РПЦ была на постоянной основе представлена на всех мероприятиях ДСМ, а также смогла обеспечить проведение аналогичных конференций церковного характера в СССР и присоединение к ДСМ (либо его моральную поддержку) ряда конфессий других стран, включая Антиохийский патриархат, каноническая территория которого находилась за пределами соцблока.

С точки зрения отечественной дипломатии вклад РПЦ в деятельность ДСМ тем более важен, что он во многом заключался в развитии идейно-

---

[481] Обращение Конференции всех Церквей и религиозных объединений в СССР к Всемирному Совету Мира // Журнал Московской Патриархии. – 1952. – №5. – С.21.

[482] От Конференции всех Церквей и религиозных объединений в СССР Иосифу Виссарионовичу Сталину // Журнал Московской Патриархии. – 1952. – №5. – С.18.

[483] Чумаченко Т.А. Русская православная церковь в международном Движении сторонников мира: интересы церкви и власти (1949-1953) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – №5(106). – С.95.

ценностного измерения советской внешней политики, а также демонстрировал, что борьба за мир не имеет политических границ и может осуществляться как светскими, так и духовными акторами, заинтересованными в достижении общего результата.

В условиях «холодной войны» подобная работа с ценностными установками, которая была привычнее деятелям Церкви, нежели советским дипломатам, отвечала как краткосрочным интересам Москвы по недопущению начала американской агрессии в отношении СССР до складывания паритета наступательных возможностей, так и долгосрочным по укреплению международного авторитета СССР и расширению числа сторонников социализма во всем мире.

2.3 Антиколониальная повестка в деятельности РПЦ

Антиколониальная проблематика, позволявшая противопоставить коммунистические идеалы капиталистическому строю, была актуальна для большевиков еще с момента их прихода к власти: уже в начале 1920-х гг. Советское государство, стремившееся распространить сферу своего идеологического влияния, начало искать сближения с народами Азии и Африки и пытаться склонить их на свою сторону, предлагая им политическую и экономическую альтернативу[484]. Ленинские идеи по национально-колониальному вопросу нашли свое отражение как в документах Коминтерна, так и в довоенной большевистской стратегии в целом[485].

Несмотря на претензии на универсализм как либерально-демократической, так и коммунистической идеологий, опция, предлагаемая СССР, казалась колониальным народам выигрышнее, причем объяснение этому следует искать не только в отсутствии негативного опыта взаимодействия с Москвой[486], но и в концептуальных основах и/или природе самого колониализма.

Прежде всего, необходимо обозначить, что либерально-капиталистическая модель апеллировала к индивидуализму, нехарактерному для не-западных («non-West») обществ, вследствие чего коллективизм марксизма-ленинизма выглядел более приближенным к традициям народов, борющихся за свою независимость[487]. Кроме того, индивидуалистическая парадигма вступала в противоречие с идеей институциональной защиты: борющиеся за свое самоопределение нации объединялись вокруг конкретных

---

[484] Беспалова К.А. На пути к созданию Антиимпериалистической лиги: Всемирный конгресс в Брюсселе (1927 г.) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2024. – №1. – С.104.

[485] Емельянова Е.Н. Политика Советской России в отношении национальных и антиколониальных движений в межвоенный период (20-30-е годы XX в.) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. – 2021. – №4. – С.96.

[486] Дегоев В.В., Эйриян В.А. «Мы будем оправдывать доверие Правительства»: участие РПЦ в советских идеологических кампаниях в 1945-1953 гг. // Россия XXI. – 2024. – №2. – С.49.

[487] Емельянов А.Л. Сравнение идеологии колониальных захватов и распространения демократии в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. – 2023. – Т.67. – №4. – С.52.

институтов (вера, язык, государство в идеалистической форме и т.п.), в то время как индивидуализм не гарантировал возможность сплочения и институционального развития.

Согласимся с современными авторами, отмечающими, что по этой причине отдельные достижения западной политико-философской мысли и общественной жизни в виде защиты прав, конституционных свобод и т.д., представляли для представителей национально-освободительных движений меньшую ценность, нежели идея равенства и коллективизма[488].

Образ СССР как защитника национально-освободительных движений усиливался за счет неприятия народами колониальных практик, ассоциирующихся с экономической эксплуатацией местного населения, шовинизмом в его отношении, а также насаждением из метрополий элит, не связывавших благоденствие народа со своим.

Во второй половине XIX – первой половине XX вв. ситуация кардинальным образом не изменилась, а арсенал колониальных держав лишь расширился, позволяя держать население под контролем за счет все новых методов, в число которых, к примеру, вошли уже и инструменты финансового характера (в частности, специфическая денежно-кредитная политика в колониях[489]).

Анализируя природу антагонизма между бывшими колониальными империями и новыми независимыми государствами, такие видные представители национально-освободительных движений, как мартиникский деятель Э. Сезер и известный борец за независимость Алжира Ф. Фанон, пришли к выводу, что о бесчеловечности колонизаторов свидетельствовала даже социальная структура конструируемого ими общества[490], а также что

---

[488] Родригес-Фернандес А.М. Новые тенденции в национальных отношениях стран Востока (первая половина XX века) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2022. – №4. – С.65.
[489] The Entangled Legacies of Empire: Race, Finance and Inequality / Ed. by P.R. Gilbert, C. Bourne, M. Haiven and J. Montgomerie. – Manchester: Manchester University Press, 2023. – PP.75.
[490] Fanon F. A Dying Colonialism. – New York: Grove Press, 1967. – PP.144.

Запад оказался не в состоянии решить две важнейшие, по мнению авторов, проблемы – проблемы рабочего класса и колониализма[491].

Признание наличия социальной проблемы, выражавшейся в увеличении численности пролетариата и его неудовлетворенности своим положением, вело к сближению с идеологической позицией Москвы, даже несмотря на тот факт, что и у нее, безусловно, имелись свои интересы стратегического и экономического характера, в наличии которых обвинялись «старые имперские государства»[492]. Тем не менее, советская коллективистская традиция, усиливаемая российским концептом «служения», сочетающим, по мнению западных авторов, имперские и православные черты, находила отклик у борющихся за свою независимость народов и компенсировала отдельные минусы советской альтернативы[493].

«Крушение мировой колониальной системы», отсчет которого, согласно Р.В. Костюку[494], следовало бы вести с 1945 г., обострило противоречия между капиталистическим и социалистическим блоками в борьбе за влияние на азиатском, а со временем и африканском континентах. Во второй половине 1940-х гг. на этих территориях, с одной стороны, наблюдается становление «общедемократических установок антиколониальной борьбы»[495], что отвечало стремлениям СССР. С другой – разворачивается процесс формулирования внешнеполитических стратегий, направленных на невключение в биполярное блоковое противостояние, что найдет свое отражение во внешнеполитической идеологии Движения неприсоединения[496].

Антиколониальная повестка становится одним из лейтмотивов как советской, так и американской внешнеполитических линий: если СССР,

---

[491] Césaire A. Discourse on Colonialism. – New York: Monthly Review Press, 2000. – PP.31.

[492] Gillen P., Ghosh D. Colonialism and Modernity. – Sydney: University of New South Wales, 2007. – PP.78.

[493] Redefining Stalinism / ed. by H. Shukman. – London and Portland: Franc Cass, 2005. – PP.52.

[494] Костюк Р.В. Движение неприсоединения в эпоху холодной войны // Клио. – 2011. – №4(55). – С.32.

[495] Крылов С.А. 50 лет Движению неприсоединения: итоги и перспективы // Вестник МГИМО-университета. – 2012. – №3(24). – С.17.

[496] Павлов И.И. Историко-теоретическое обоснование Движения неприсоединения // Вестник МГИМО-университета. – 2013. – №2(29). – С.14.

обозначенный Д.А. Дегтеревым как «”ледокол” колониального мира»[497], стремился ослабить влияние западных государствах на территориях, которые могли расцениваться в качестве потенциальных сфер влияния, то Соединенные Штаты, в свою очередь, действовали одновременно и против СССР, и против стран Европы, также воспринимаемых Вашингтоном в этом измерении в качестве конкурентов[498].

Заинтересованность лидеров обоих лагерей в бывших колониях обусловила и стремление задействовать весь доступный спектр институтов для воздействия на национальные элиты, расценивавшиеся Кремлем как революционные силы, а Белым домом – как страта, заинтересованная, напротив, в сдерживании социализма[499].

Дополнительным фактором международной активности сверхдержав выступала и динамичность формирующихся региональных подсистем, выражающаяся в т.ч. в невозможности полного закрепления за одним из блоков достижений в том или ином регионе мира: в возникших в течение 30 лет после окончания Второй мировой войны 75 государствах мира могли наблюдаться попытки идеологического сближения с СССР и, вместе с тем, экономического – с США, после чего ситуация могла резко измениться[500].

В подобных условиях задействование РПЦ в работе с антиколониальной повесткой выглядит показательным по нескольким причинам.

Во-первых, христианская идея могла быть использована для развития советских идентичности и образа, транслируемых на интересующие Кремль территории, добавляя им человеческое измерение и отступая от описанной бинарности «индивидуализм-коллективизм»[501].

---

[497] Дегтерев Д.А. К окончанию «постколониального момента» антиколониальной борьбы: контуры исследовательской программы // Постколониализм и современность. – 2023. – №1(1). – С.15.
[498] McCauley M. The Cold War. 1949-2016. – London and New York: Routledge, 2017. – PP.69.
[499] Origins of the Cold War: An International History / ed. by Melvyn P. Leffler and David S. Painter. – London and New York: Routledge, 2002. – PP.269.
[500] The Cambridge History of the Cold War. Volume 1: Origins / ed. by Melvyn P. Leffler and Odd Arne Westad. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – PP.18.
[501] The Cambridge History of the Cold War. Volume 2: Crises and Detente / ed. by Melvyn P. Leffler and Odd Arne Westad. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – PP.23.

Причем в данном случае использование идеологем православных, а не католических являлось преимуществом СССР: в глазах крупнейших деятелей национально-освободительных движений католицизм уже был запятнан тем, что Запад, придя в свое время на покоренные им впоследствии территории, объявил христианство западного толка синонимом цивилизации, а язычество – атрибутом дикарства[502]. Православие же не несло в себе негативных ассоциаций, возникающих вследствие болезненного исторического опыта, и могло быть привлечено в качестве дополнительного инструмента взаимодействия с местными населением и элитами.

Во-вторых, обращение к христианским нарративам не могло являться ультимативным: если заповеди и православные ценности вообще в теории можно рассматривать с позиций универсализма, то интеграция православных структур во внешнеполитический арсенал Москвы имела смысл лишь в тех случаях, когда это было обусловлено географией распространения христианских конфессий. Этот фактор был обращен СССР в конкурентное преимущество, так как диверсификация инструментов, используемых для улучшения образа Москвы на международной и региональных аренах, де-факто служила свидетельством того, что Кремль готов искать точки соприкосновения с каждой культурой, а не тиражировать одни клише на всех визави. Отчасти это продолжает мысль Дж. Робертса о том, что «коммунизация, советизация и сталинизация» не протекали лишь по одному трафарету[503]: британский ученый считал это отличительной чертой распространения советского влияния в Восточной Европе, однако то же можно сказать и о взаимодействии СССР с акторами в других регионах.

Для самой РПЦ антиколониализм являлся лишь элементом ее политической аксиологии, причем не самым приоритетным. Церковная позиция по этому вопросу была выработана во многом под влиянием

[502] Césaire A. Discourse on Colonialism. – New York: Monthly Review Press, 2000. – PP.33.
[503] Roberts G. Stalin's Wars: From World War to Cold War, 1939-1953. – New Haven and London: Yale University Press, 2008. – PP.319.

понимания значимости данной проблематики для советского государства, однако несколько компонент церковной риторики все же сами по себе тяготели к антиколониальному нарративу.

Во-первых, категория любви, являющаяся одной из ключевых для христианской веры, не предполагает дифференциации населения по тому или иному признаку: в проповедях архиереев РПЦ всегда указывалось, что любовь обращена ко всем «людям добродетельным»[504], что отвечало советской концепции неприятия деления людей по расовому или национальному признакам. Заявления РПЦ, следующие словам ап. Павла («… нет ни Еллина, ни Иудея…», – Кол.3:11), о существовании трех главных общих добродетелей в виде веры, надежды и любви[505] полностью соответствовали отстаиваемой СССР концепции равенства прав народов. В частности, в октябре 1946 г. в ответ на предложение австралийской делегации учредить Европейский международный суд человеческих прав А.Я. Вышинским было обозначено, что нежелание Канберры принимать во внимание права «индусов в Южной Африке, или негров в США, или индонезийцев в голландских колониях на Яве, Суматре»[506] свидетельствует о попытке Запада закрыть глаза на права национальных меньшинств и колонизированных народов. Неудивительно, что в дальнейшем именно Москва станет одним из главных инициаторов принятия в 1960 г. резолюции 1514 (XV) ГА ООН «Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам»[507].

Во-вторых, церковный подход по акцентированию общенародного характера одержанной над нацизмом Победы подтверждал признание равенства всех народов, населяющих СССР, что было синонимично государственному курсу. Еще в ноябре 1945 г. на заседании Московского

---

[504] Николай (Ярушевич), митр. Любовь // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – №2. – С.12.

[505] Николай (Ярушевич), митр. Вера, Надежда, Любовь // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – №6. – С.12.

[506] Внешняя политика Советского Союза: 1946 год: Документы и материалы: Январь – декабрь 1946 года. – М., Госполитиздат, 1952. – С.353.

[507] Дегтерев Д.А. К окончанию «постколониального момента» антиколониальной борьбы: контуры исследовательской программы // Постколониализм и современность. – 2023. – №1(1). – С.15.

совета В.М. Молотов подчеркнул, что в стране больше не осталось «угнетенных или неравноправных народов, которые еще недавно, при режиме царизма, находились на положении колоний и полуколоний»[508]. Подобные заявления вторили программным документам раннего большевизма и в глазах колониальных народов ассоциировались с социалистическим строем, так как базовые положения, легшие в основу антиколониального дискурса советской власти, были прописаны еще в таких актах, как, к примеру, декрет «О мире»[509] или обращение В.И. Ленина и И.В. Сталина «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока»[510].

В-третьих, церковная риторика, политизированная с точки зрения конструирования образа Запада, неизбежно предполагала апеллирование к категории свободы: если в случае обращения к образу Ватикана речь шла об «освобождении» ряда славянских народов от католического ига и верующих – от пропаганды человеконенавистничества, в которой обвинялся Святой Престол[511], то применительно к Западу в качестве жертвы, которую необходимо «освободить», должны были изображаться колонизированные народы («мирные долины … Индонезии, Вьетнама»)[512].

Таким образом, антиколониальная повестка была частью внешнецерковного подхода РПЦ, даже несмотря на то, что на этом вопросе представителями Церкви до 1949 г. не делалось акцента.

В то время как СССР в контексте ситуации в Индонезии напоминал о том, что любые заявления Запада о «восстановлении порядка» на тех или иных территориях зачастую сводятся к применению бесчеловечных методов, наследующих колониальным практикам[513], и старался привлечь внимание

---

[508] Внешняя политика Советского Союза: 1945 год: Документы и материалы: 4 сентября – 31 декабря 1945 года. – М., Госполитиздат, 1949. – С.131.
[509] Международные отношения и внешняя политика СССР (1871-1957 гг.): Сб. док. / Высш. парт. школа при ЦК КПСС; Сост. Л.А. Харламова. – М., 1957. – С.48-50.
[510] Там же, С.51-52.
[511] Харьюзов Н.А., прот. Встречайте Христа! // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №12. – С.28.
[512] Николай (Ярушевич), митр. Речь на Всесоюзной конференции сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №9. – С.14.
[513] Внешняя политика Советского Союза: 1946 год: Документы и материалы: Январь – декабрь 1946 года. – М., Госполитиздат, 1952. – С.576-577.

мировой общественности к тому факту, что, по заявлениям А.А. Громыко, в Южно-Африканском Союзе существуют гетто для индийцев, права которых в таком случае будет отстаивать Москва[514], РПЦ проявляла идейную солидарность с Кремлем, но не выстраивала целостного подхода, направленного на противостояние угнетателям.

Главной причиной этого «молчаливого согласия» Церкви с недопустимостью обращения к колониальному инструментарию при отсутствии каких-либо акцентов в публикуемых в ЖМП материалах или речах иерархов, на наш взгляд, являлось несовпадение текущих внешнеполитических задач, поставленных перед церковными структурами, и антиколониальной повестки.

В частности, работа над символическим переносом в Москву столицы мирового православия не предполагала апеллирования к представителям угнетенных народов: Восточной Европе не был близок антиколониальный нарратив, в то время как Восточное Средиземноморье откликалось, скорее, на аргументы исторического и культурного характера, а также на финансовую помощь со стороны РПЦ. Отдельные демарши Москвы на тему колониализма, выражающиеся в требованиях В.М. Молотова не расценивать Свободную территорию Триест в качестве «своеобразной колонии Совета безопасности»[515], также не вписывались в общую концепцию внешнеполитической линии (к примеру, Совет по делам РПЦ и патриарх обсуждали возможность обращения в ООН для продвижения мирных инициатив еще в январе 1946 г.[516]), вследствие чего до 1949 г. колониализм интересовал РПЦ в меньшей степени, нежели ее основная повестка.

---

[514] Внешняя политика Советского Союза: 1947 год.: Документы и материалы. Часть 2: Июль – декабрь 1947 года. – М., Госполитиздат, 1952. – С.214.

[515] Внешняя политика Советского Союза: 1946 год: Документы и материалы: Январь – декабрь 1946 года. – М., Госполитиздат, 1952. – С.342.

[516] Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1970 гг. Т.1: Письма патриарха Алексия в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1963 гг.: / [под ред. Н.А. Кривовой; отв. сост. Ю.Г. Орлова; сост. О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С.116-120.

Трансформация церковного подхода на рубеже десятилетий была обусловлена участием РПЦ в деятельности ДСМ: сторонники мира актуализировали проблему колониализма, стремясь обратить на нее внимание общественности, в связи с чем православные структуры, которые, как было показано ранее, принимали активное участие в работе ДСМ, тоже включились в профильную работу.

Принятый в апреле 1949 г. Манифест Всемирного конгресса сторонников мира обозначил свое неприятие «колонизаторства, постоянно порождающего вооруженные конфликты, которые могут привести к новой мировой войне»[517], под чем поставил свою подпись и митрополит Николай. Вскоре церковные авторы и сами начали поднимать колониальную тематику, обращаясь к пастве с риторическими вопросами, кто несет ответственность за конфликты в Индонезии и Вьетнаме[518].

Акцентирование Церковью внимания на этих сюжетах следовало логике внешнеполитической линии Кремля: в середине 1949 г. на пленарном заседании ГА ООН Советским Союзом была поднята индонезийская проблематика, причем А.А. Громыко подчеркнул, что стремление Москвы образовать под эгидой Совета безопасности ООН комиссию и направить ее в страну для разрешения наиболее актуальных вопросов столкнулось с противодействием Франции, наложившей вето на этот проект.

Нежелание отдельных стран Запада коллективно решать вопросы в бывших колониях и де-факто поощрение действий Нидерландов, ведущих военные действия против индонезийцев, привели советскую сторону к логичному выводу о примате экспансионизма западных столиц над целями ООН и ее авторитетом[519].

---

[517] Постановления Всемирного Конгресса сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №5. – С.28.

[518] А.Ш. Сторонники мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №6. – С.23.

[519] Внешняя политика Советского Союза: 1949 год: Документы и материалы: Январь – декабрь 1949 года. – М., Госполитиздат, 1953. – С.348.

Стремясь облечь антиколониальные заявления в привычные для РПЦ тона, церковные авторы стали обличать сущность колониализма посредством указания на социальную несправедливость, порождаемую эксплуатацией колониальных народов странами Запада[520]. Несмотря на характерность подобного нарратива для Церкви, и он был свойственен не только ей, но и государственным структурам: продолжая борьбу за права индонезийского народа, А.Я. Вышинский, в октябре 1949 г. выступивший на пленарном заседании ГА ООН с речью «Разоблачить клеветников до конца!», приравнял представителей Нидерландов и Великобритании к «рабовладельцам и их покровителям в роли учителей демократии»[521].

Заметим, что в рамках антиколониальной повестки в 1949 г. РПЦ делала упор именно на события в Юго-Восточной Азии, практически приравнивая их к происходящему в Греции и Китае[522] и тем самым показывая, что с точки зрения православных структур первенствующее значение имеет сам факт конфликта, одна из сторон которого борется против социальных неравенства и несправедливости, а не пребывание народа в колониальной зависимости.

Взгляд Кремля на эту проблематику был схожим, однако спектр международных процессов, символизировавших, по мнению Москвы, наличие в регионе колониальных практик, все же был шире. Так, еще в 1947 г. отечественная дипломатия заявляла на площадках ООН о том, что территория образованной в 1948 г. Южной Кореи «фактически является колонией» Соединенных Штатов[523].

Можно заметить, что во второй половине 1940-х гг. отечественному дискурсу было свойственно связывать с колониализмом любые формы

---

[520] Крашенинников А. Международный мир, как нравственная задача // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №8. – С.34.

[521] Внешняя политика Советского Союза: 1949 год: Документы и материалы: Январь – декабрь 1949 года. – М., Госполитиздат, 1953. – С.483.

[522] Николай (Ярушевич), митр. Речь на Всесоюзной конференции сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №9. – С.14.

[523] Внешняя политика Советского Союза: 1947 год.: Документы и материалы. Часть 2: Июль – декабрь 1947 года. – М., Госполитиздат, 1952. – С.188.

эксплуатации одним народом другого вне зависимости от того, являлась ли подчиненная территория колонией в классическом смысле этого слова.

Отступлением от работы с отдельными эпизодами международной жизни со стороны РПЦ можно считать обозначенную в ЖМП линию на несогласие с западным видением демографической политики, что тесно увязывалось с поддержкой колониальных народов. Поводом для выступлений РПЦ стали заявления западных авторов о необходимости сокращения мирового населения, потребности которого нельзя будет удовлетворить в случае сохранения наблюдавшихся демографических тенденций. После газетной статьи в «World Affairs» («Уорлд Афферс»), согласно которой «нормальное» население планеты, вероятно, не должно превышать 750 млн человек при тогдашнем показателе 2.250 млн человек, РПЦ обрушилась с критикой на западное сообщество, де-факто выступавшее за снижение численности населения за счет не-западных стран[524].

Некорректность западного подхода была увязана с началом очередного «крестового похода» против стран третьего мира, философией войны и отрицанием таких естественных прав человека, как, к примеру, право на жизнь. Особое возмущение православных деятелей вызвало предложение установить контроль над рождаемостью, предназначенный для сдерживания численности азиатских этносов, что, по мнению Церкви, прямо противоречило христианским морали и этике.

В 1950 г. внимание Церкви привлек конфликт в Малайе: стычки между силами Британского Содружества и малайских коммунистов в 1950 г. участились по сравнению с начальным периодом конфликта (1948-1949 гг.). Интенсификация военных действий послужила причиной акцентирования РПЦ кровавого характера противостояния на Малаккском полуострове: православная позиция заключалась в невозможности оправдания действий

[524] Крашенинников А. Оружие Церкви в защите мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №11. – С.15-16.

западных держав, которые не имели после этого права именоваться христианами[525].

Актуализация малайского вопроса нашла свой отклик и в выступлениях советских представителей: так, в сентябре 1950 г. Я.А. Малик, занимавший на тот момент должность постпреда СССР при ООН, указал на то, что «лейбористское правительство сжигает мирные деревни малайского народа, … Соединенные Штаты и Соединенное Королевство – это хорошая пара»[526]. Малайская проблематика, несмотря на ее кажущуюся нишевость, в 1950 г. использовалась и во внутриполитической повестке: в марте Г.М. Маленков, выступая перед избирателями Ленинградского избирательного округа Москвы и объясняя им специфику экономического положения капиталистических стран, подчеркнул, что США стремятся сохранить свое экономическое лидерство среди стран Запада за счет эксплуатации «маршализированных стран», т.е. принявших план Маршалла, используя подвластные им территории в качестве рынков сбыта. После этого секретарь ЦК ВКП(б) выделил поставки в Британскую Малайю и показал, что объемы американских поставок в регион возросли на 830%, если сравнивать 1938 и 1948 гг.[527]

Увязка антиколониальной деятельности РПЦ с политикой ДСМ становится более явной, если обратить внимание на решения, которые в начале 1950-х гг. принимали сторонники мира.

В феврале 1951 г. на первой сессии Всемирного совета мира среди прочих документов была принята резолюция «О борьбе за мир в колониальных и зависимых странах», в соответствии с которой поощрялись солидарность миролюбивых наций и инициативы ряда государств по утверждению

---

[525] Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Защитим мир служением добру // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №5. – С.32.
[526] Внешняя политика Советского Союза: 1950 год: Документы и материалы: Январь – декабрь 1950 года. – М.: Госполитиздат, 1953. – С.368.
[527] Там же, С.99.

зафиксированного в Уставе ООН принципа равноправия и самоопределения народов[528].

Несмотря на декларативный характер источника, в нем содержались отсылки на призывы ДСМ в отношении германского, корейского и японского вопросов, содержавшие мало конкретики, однако служившие индикатором общественных настроений.

В связи с тем, что антиколониальной повестке была посвящена отдельная резолюция, воздержаться от комментирования этой темы не могла и РПЦ. Митрополит Николай не стал в очередной раз заострять внимание на отдельных международных реалиях, обозначив вместо этого недовольство гражданского населения, требующего, чтобы «убрались восвояси заокеанские мировые разбойники и всесветные колонизаторы во фраках и генеральских мундирах»[529].

Таким образом, несмотря на то что колониальный вопрос не рассматривался РПЦ в качестве одного из ключевых, антиколониальная риторика все же была свойственна и отечественным иерархам.

С одной стороны, это объясняется близостью морально-нравственных установок, которыми оперировала РПЦ, и социальной сущности антиколониализма; с другой – православные архиереи обращались к проблемам, связанным с колониальными практиками, в процессе конструирования образа Запада.

Политический подход РПЦ в данном измерении развивал те положения, которые озвучивались советскими дипломатами: во многих случаях обнаруживаются пересечения между государственным и церковным дискурсами, проявляющиеся в общности выбора эпизодов международной жизни, посредством реакции на которые формировалась позиция акторов, а

---

[528] Постановления первой сессии Всемирного Совета Мира // Журнал Московской Патриархии. – 1951. – №3. – С.11.

[529] Николай (Ярушевич), митр. Речь на первой сессии Всемирного Совета Мира // Журнал Московской Патриархии. – 1951. – №3. – С.20.

также в схожести смысловых акцентов, различающихся лишь в силу нетождественности светских и церковных институтов.

Активизация церковной антиколониальной риторики совпала с началом деятельности ДСМ и была обусловлена в первую очередь повесткой этого движения: Церковь работала с концептами, провозглашаемыми на мероприятиях ДСМ, а в исключительных случаях (вопрос перенаселения) и самостоятельно педалировала отдельные сюжеты.

В то же время следует признать, что география распространения православия, не совпадающая и почти не пересекающаяся с территориями, населенными колониальными народами либо народами, вышедшими из колониальной зависимости, обусловила пассивность и реактивный характер деятельности РПЦ на данном треке: не воспринимая повестку в качестве ключевой для православия, Церковь не являлась инициатором политических кампаний, а лишь следовала в фарватере государственной политики.

Тем не менее, антиколониальный характер ее дискурса позволяет говорить о привлечении церковных институтов и к этому направлению внешней политики СССР, а также о стремлении советского руководства обеспечить максимально широкий общественный фронт противников колониализма, включавший в себя в т.ч. верующих и церковные структуры.

Глава III. Региональные приоритеты деятельности РПЦ в 1945-1953 гг. в контексте советской внешней политики

3.1 Деятельность РПЦ в Восточной Европе

Действия советских войск на завершающем этапе Великой Отечественной войны, связанные с освобождением государств Восточной Европы от гитлеровцев, обусловили усиление позиций СССР в регионе, который в дальнейшем должен был стать своеобразным «поясом безопасности», гарантирующим невозможность повторной реализации сценария 1941 г. в отношении СССР.

Несмотря на идеологизированные заявления представителей западной исторической науки о стремлении СССР осуществить экспорт революции в страны Восточной Европы, отечественными исследователями подчеркивается, что архивные источники не подтверждают наличия у Кремля цели на завершающем этапе войны советизировать страны Восточной Европы: Москвой двигал в первую очередь императив обеспечения безопасности[530]. В то же время невозможно спорить с тем, что реализация геополитических планов «большой тройки» на континенте вела не только к освобождению стран и народов Европы, но и к частичному ограничению их «национально-государственной свободы»[531] в интересах государств-победителей.

Укрепление советского влияния в регионе обусловливалось не только военными и политическими факторами: по мнению отечественных славистов, уместно говорить о компрометации капитализма в Восточной Европе, породившей невозможность возвращения к довоенным (межвоенным) практикам государственного управления и становление «народного радикализма»[532]. Отторжение капиталистической модели, сопряженное с

---

[530] Волокитина Т.В. Геополитические итоги Второй мировой войны и феномен народной демократии в Восточной Европе // Дриновський збірник. – 2011. – Т.4. – С.270.

[531] Носкова А.Ф. Кем были в Восточной Европе солдаты Красной Армии в 1945 году: освободителями, оккупантами или…? // Вестник МГИМО-университета. – 2010. – №5(14). – С.66.

[532] Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг. – М.: Наука, 1993. – С.9-10.

повышением доверия к социализму, создавало хорошую почву для расширения сферы влияния СССР, однако не было синонимичным автоматическому созданию единого блока левых партий, готовых копировать линию Кремля: во многом это объясняется тем, что советские войска смогли достичь успехов в условиях отхода СССР от доктрины интернационализма и перехода к «национализации социализма»[533].

Соответственно, не кажется удивительным и то, что на завершающем этапе Второй мировой войны и на начальном этапе «холодной войны» в восточноевропейских государствах тоже будет наблюдаться становление коалиций, опирающихся на национальные идеологемы, а не на интернациональные позиции. Аккуратное отношение к интернационализму и чрезмерному сближению с СССР объяснялось и сохранением в памяти событий 1939 г., когда подписание советско-германского договора о ненападении многими представителями левого движения было воспринято в качестве предательства, а ситуативный альянс Москвы и Берлина послужил причиной ослабления влияния коммунистических партий[534].

Несмотря на кажущуюся логичность перехода Восточной Европы в сферу влияния СССР в рамках поздне- и послевоенных договоренностей между союзниками, это не означало отказа Вашингтона и Лондона от попыток нарастить свое политическое присутствие в регионе и тем самым ограничить в нем возможности для реализации «жизненных интересов» СССР[535] (к примеру, даже признание, что Болгария относится к советской сфере влияния,

---

[533] Claudin F. The Communist Movement: From Comintern to Cominform. – New York and London: Monthly Review Press, 1975. – PP.313-314.

[534] Байерлян Б. «Предатель — ты, Сталин!» Коминтерн и коммунистические партии в начале Второй мировой войны (1939-1941): утраченная солидарность левых сил / Б. Байерляйн; при участии Н. Лебедевой, М. Наринского, Г. Альберта; обзор свидетельств современников подгот. В. Леонхардом; предисл. Г. Вебера; [пер. с нем. К. А. Левинсона]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. — С.105.

[535] Волокитина Т.В. Геополитические итоги Второй мировой войны и феномен народной демократии в Восточной Европе // Дриновський збірник. – 2011. – Т.4. – С.270.

не положило конец попыткам Запада «пересмотреть согласованные ранее позиции»[536]).

В этих условиях основными задачами Кремля в Восточной Европе можно считать укрепление в странах региона режимов, гарантирующих поступательный диалог с Москвой или, по меньшей мере, не препятствующих ему, ограничение западного влияния (в т.ч. и в церковной сфере, что синонимично борьбе с греко-католическим (униатским) и римско-католическим влиянием), а со временем и создание структур, обеспечивающих координацию политических курсов и риторики местных коммунистических партий.

В то же время в первые послевоенные годы, когда формировался подход в отношении освобожденных стран, СССР следовало учитывать существенную разницу между государствами региона: невозможность использования одних лекал для их постепенной советизации[537], актуализировавшейся вследствие идеологизации системы международных отношений и разделения Европы и мира на два лагеря, будет приниматься во внимание и РПЦ, перед которой была поставлена задача создания единого блока автокефальных Церквей, ведущих свою деятельность в странах, этноконфессиональная ситуация в которых значительно разнилась.

Нереализуемость резкого перехода к советской модели, нежелание усиливать поляризацию общественных сил в странах региона, а также надежды на сохранение конструктивных отношений с государствами Запада, на наш взгляд, обусловили вступление Восточной Европы в т.н. «переходный период», на протяжении которого в странах региона действовали коалиционные правительства: при этом отечественными авторами справедливо отмечалось, что коалиционный характер находившихся у власти

---

[536] Волокитина Т.В. На рубеже войны и мира: Советский Союз и подготовка соглашения о перемирии с Болгарией // Славянский альманах. – 2015. – №1-2. – С.92.

[537] Roberts G. Stalin's Wars: From World War to Cold War, 1939-1953. – New Haven and London: Yale University Press, 2008. – PP.319.

сил отвечал запросам и самих народов Восточной Европы[538], заинтересованных в первую очередь в послевоенном восстановлении национальных экономик и возвращении к мирной жизни.

Рассмотренная нами ранее поляризация международной системы вкупе с все более жесткой конфронтацией Москвы и Вашингтона привела к тому, что в ответ на «постепенную консолидацию западных держав и их становление в качестве блока, направленного на сдерживание социализма» усилилась и «сталинская хватка»[539]. По мнению западных авторов, в ужесточении советского подхода в отношении стран Восточной Европы, де-факто переживших «транзитный период» и постепенно перешедших к формированию однородных коммунистических правительств, можно якобы заметить проявление «советского высокомерия»: Ф. Клаудин, испанский деятель левого толка, подчеркивал, что И.В. Сталин, «взирая на происходящее со своего Олимпа, … даже не чувствовал необходимости проводить формальные конференции или встречи для создания видимости принятия коллективного решения, продуманного заранее…»[540], что, впрочем, не соответствует практике функционирования Коминформа и Совета экономической взаимопомощи.

Позиция эта справедлива лишь отчасти: во многих случаях действия коммунистических правительств были полностью согласованы с Москвой (что имело и оборотную сторону в виде отторжения взаимодействия с Кремлем со стороны социалистических партий, в ответ на это избравших путь «атлантической политики»[541]), однако не всегда это инициировалось советской стороной.

---

[538] Носкова А.Ф. Геополитические интересы СССР, проблема советизации Восточной Европы и советско-польские отношения (40-е годы XX в.) // Перспективы. Электронный журнал. – 2019. – №4(20). – С.74.

[539] The Soviet Union and Eastern Europe / ed. by G. Schöpflin. – New York: Muller, Blond and White, 1986. – PP.192.

[540] Claudin F. The Communist Movement: From Comintern to Cominform. – New York and London: Monthly Review Press, 1975. – PP.465.

[541] Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг. – М.: Наука, 1993. – С.214.

Так, в отдельных ситуациях сам СССР был вынужден пояснять восточноевропейским союзникам, что они в силах самостоятельно принимать решения: в частности, в диалоге с послом Румынии в СССР Г. Владеску-Ракоаса В.А. Зорин, комментируя уместность участия Бухареста в международных мероприятиях, замечал, что «каждое правительство может само решать, насколько целесообразно дальнейшее пребывание его страны в организации. Этот вопрос не требует общей консультации»[542].

В других же случаях СССР показательно выступал за либерализацию того или иного состава правительства, т.е. превращение его в коалиционное, однако условия сотрудничества, которые выставлялись потенциальным членам коалиции, не отвечали их партийным установкам: в частности, в январе 1946 г. Москва рекомендовала включить в состав болгарского правительства представителей от оппозиции, но невозможность дальнейшего согласования обстоятельств вхождения партий в состав органа исполнительной власти поставила крест на этой затее[543].

Объединение «народных демократий» Восточной Европы вокруг СССР происходило под знаменами борьбы с негативной повесткой Запада (так, Г. Георгиу-Деж в ноябре 1946 г. сообщал о том, что его политические противники запугивают население «колхозами, засилием евреев и что наша страна продана русским»[544]), недопущения повторной агрессии со стороны Германии или государства, с которым она могла бы объединиться (к примеру, Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Венгрией прямо указывал на необходимость «устранения любой угрозы

---

[542] Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. В 2-х т. Документы. Т. 2. 1949—1953 гг. / Рос. академия наук, Ин-т славяноведения, Федер. архив. служба России, Гос. архив Российской Федерации, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Архив Президента Российской Федерации, отв. редактор Т.В. Волокитина. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. — С.58.

[543] Советско-болгарские отношения и связи: Док. и материалы в 2 т. Т. II. Сентябрь 1944-декабрь 1958 / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, Ин-т истории Болгарской АН; Отв. ред. Р.П. Гришина, В. Божинов. — М.: Наука, 1981. — С.133-134.

[544] Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. В 2-х т. Документы. Т. 1. 1944—1948 гг. / Рос. академия наук, Ин-т славяноведения, Федер. архив. служба России, Гос. архив Российской Федерации, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, отв. редактор Т.В. Волокитина. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — С.367.

повторения агрессии со стороны Германии…»[545]), признания значимости вклада СССР в дело освобождения государств и народов региона («Для болгарского народа дружба с Советским Союзом так же жизненно необходима, как солнце и воздух для всякого живого существа»[546], – будет писать Г. Димитров в 1946 г.).

Дальнейшее сближение компартий в рамках Коминформа, как отмечалось ранее, принято объяснять консолидацией западного блока[547], с чем, впрочем, согласны не все исследователи: в зарубежной литературе выдвигалось мнение, что идея преемственности в отношении Коминтерна и так витала в воздухе, а актуализировалась она в первую очередь в связи со стремлением Москвы перейти к «ручному управлению» европейскими компартиями[548]. Образованная СССР структура являлась «важнейшим инструментом цементирования восточного блока»[549], а сам факт ее создания расценивается в качестве отражения новых трендов[550], захлестнувших как международное, так и внутриполитическое измерения (именно после появления Коминформа политическое пространство восточноевропейских государств стало контролироваться исключительно коммунистами, что знаменовало безальтернативность общественного развития[551]).

С точки зрения международной деятельности РПЦ восточноевропейская политическая специфика накладывалась на этноконфессиональную пестроту региона, а также на многообразие в нем церковных институций. Для

---

[545] Советско-венгерские экономические отношения 1948-1973: Сб. док. / Сост. Л.В. Борисова. — М.: МФД, 2012. — (Серия «Россия. XX век. Документы»). — С.36.

[546] Советско-болгарские отношения и связи: Док. и материалы в 2 т. Т. II. Сентябрь 1944-декабрь 1958 / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, Ин-т истории Болгарской АН; Отв. ред. Р.П. Гришина, В. Божинов. — М.: Наука, 1981. — С.171.

[547] Кутузов В.А. А.А. Жданов и создание Коминформбюро // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2013. – №1. – С.60.

[548] Roberts G. Stalin's Wars: From World War to Cold War, 1939-1953. – New Haven and London: Yale University Press, 2008. – PP.317.

[549] Стыкалин А.С. Проблема эффективности функционирования Коминформа и мотивы его роспуска в контексте отношений СССР и стран советского блока с Югославией. 1949-1956 // Славяноведение. – 2014. – №1. – С.12-13.

[550] The Soviet Union and Eastern Europe / ed. by G. Schöpflin. – New York: Muller, Blond and White, 1986. – PP.192.

[551] Кутузов В.А. А.А. Жданов и создание Коминформбюро // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2013. – №1. – С.64.

реализации поставленной перед отечественными иерархами задачи по складыванию блока автокефальных Церквей, выступающих против Ватикана и Запада в целом, необходимо было добиться поддержки Албанской, Болгарской, Румынской, Сербской Православных Церквей, обладавших автокефальным статусом на момент 1945 г., а также Польской и Чехословацкой Церквей (Православной Церкви Чешских земель и Словакии), первая из которых обладала автокефалией, не признаваемой РПЦ, а вторая до 1946 г. находилась в юрисдикции Сербской Православной Церкви[552].

Иными словами, Москве предстояло вести диалог с целым рядом православных структур, принимая во внимание специфику «переходного периода» общественно-политической жизни стран Восточной Европы, необходимость модернизации государственно-церковных отношений в этих государствах по советскому образцу и наличие у каждой из этих Церквей своих интересов, порожденных каноническими и историческими факторами.

Относительно унификации систем государственно-церковных отношений в странах Восточной Европы по советской модели следует заметить, что этот пункт был подробно рассмотрен в отечественной литературе: наиболее значимым трудом на эту тему можно считать коллективную монографию Т.В. Волокитиной, Г.П. Мурашко и А.Ф. Носковой, в которой проанализирован отраслевой правовой опыт государств региона и продемонстрировано, что «для восточноевропейских стран православной традиции пример Русской Церкви в этом плане был определяющим…»[553].

---

[552] Сам Г.Г. Карпов в марте 1945 г. сообщал И.В. Сталину о необходимости привлечь к организации всемирной конференции христианских Церквей все перечисленные Церкви, кроме Албанской, Польской и Чехословацкой. См. Власть и церковь в Восточной Европе. 1944-1953 гг. Документы российских архивов: в 2 т. Т.1: Власть и церковь в Восточной Европе. 1944-1948 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С.105.

[553] Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40-50-х годов XX века: Очерки истории. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – С.214.

Несмотря на негативное отношение компартий к церковным структурам, изменение вектора церковной политики в СССР предвосхитило смягчение и восточноевропейского подхода к деятельности православных институций.

В частности, как было показано болгарскими авторами, официальная София не считала нужным подвергать нападкам Болгарскую Православную Церковь, во-первых, из-за того, что таких действий до конца 1940-х гг. не совершала Москва, поведение которой в данном случае стоит считать модельным, во-вторых, из-за нежелания сужать социальную базу, на которую планировали опереться коммунисты на этапе существования коалиционных правительств[554].

В случае же Албании и Югославии[555], где к власти пришли силы, еще менее благоволившие православным Церквям, пример специфического сотрудничества между Кремлем и РПЦ способствовал временному отказу от проведения репрессий в отношении православных священнослужителей. Тем не менее, по мере ухудшения отношений Москвы с Тираной и Белградом будет наблюдаться и постепенное ужесточение курса в адрес Албанской и Сербской Православных Церквей: так, в Югославии вскоре после войны преследованиям подвергся епископ Жичский Николай (Велимирович)[556], а в Албании уже после смерти И.В. Сталина Э. Ходжа развернул антирелигиозную кампанию, принявшую форму уничтожения любых форм проявления религиозности[557].

Статусность РПЦ для перечисленных православных Церквей не означала, что любые политические кампании, инициируемые Москвой, всегда находили отклик у восточноевропейских иерархов. В некоторых случаях их видение того, каким образом должен быть устроен межрелигиозный диалог, могло

---

[554] Калканджиева Д. Болгарская Православная церковь и экуменическое движение после Второй мировой войны // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – Т.35. – №1. – С.65-66.

[555] Впрочем, на момент 1945 г. интересам И.Б. Тито отвечало усиление позиций православия в стране и, соответственно, ослабления католицизма с учетом того, какую преступную роль сыграл Ватикан в геноциде сербов в т.н. Независимом Государстве Хорватия.

[556] Блохин В.С. История поместных Православных Церквей: учебник. – Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2022. – С.383.

[557] Там же, С.434.

отличаться, как это было, к примеру, с митрополитом Софийским Стефаном (Шоковым), убежденным в необходимости поддержания контактов с экуменическим движением, в чем он безрезультатно пытался убедить патриарха Алексия[558].

Присоединиться к борьбе Москвы с Ватиканом могло быть сложно для Церквей, ведущих свою деятельность в странах, где существенную часть населения составляли католики, как это было в Югославии. Несмотря на это, Сербский патриархат все же являлся уверенным сторонником московского подхода, чему во многом способствовало внимание, оказанное сербской делегации во время ее визита в СССР для участия в Поместном соборе 1945 г. (в частности, именно сербов на постоянной основе обозначали в качестве «братского народа», подчеркивая их особый статус в глазах РПЦ и СССР[559]). Существенное значение это имело для митрополита Скопского (Скоплянского) Иосифа (Цвийовича), о желании которого получше познакомиться с советскими порядками, чтобы рассказать о них у себя на родине, Г.Г. Карпов заранее предупреждал И.В. Сталина, чем и был мотивирован особый прием гостей из Югославии[560]. Тем более Сербская Православная Церковь еще в годы войны начала активную кампанию по прославлению И.В. Сталина и И.Б. Тито[561].

Сближению автокефальных Церквей с РПЦ способствовали такие шаги Москвы, как предоставление восточноевропейским структурам денежной помощи и открытие подворий на территории СССР.

Так, в 1948 г. на фоне празднования 500-летия автокефалии РПЦ в столице было открыто подворье Болгарской Православной Церкви; такой же

---

[558] Кострюков А.А. Экзарх Болгарской церкви митрополит Степан и Московская Патриархия // Вестник Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: история. История Русской Православной церкви. – 2013. – №5(54). – С.36-37.

[559] Обращение Собора к христианам всего мира // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.15.

[560] Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. / О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. – М.: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2009. – С.368.

[561] Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40-50-х годов XX века: Очерки истории. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – С.205.

жест планировалось сделать в отношении Сербской Православной Церкви, однако охлаждение советско-югославских отношений вынудило отказаться от этой меры как от несвоевременной[562].

Финансовая поддержка восточноевропейских Церквей, в свою очередь, предоставлялась как в целях демонстрации заинтересованности в развитии православия в странах региона, так и для гарантирования того, что иерархи автокефальных Церквей не будут обращаться к западным государствам для получения спонсирования: именно по этому принципу Москва приняла решение оказать помощь Софии, несмотря на осознание, что митрополит Стефан, вероятно, планирует распорядиться деньгами по собственному усмотрению, а не по согласованию с Синодом Болгарской Православной Церкви[563].

Подход РПЦ в отношении Церквей Восточной Европы отвечал интересам Кремля по нескольким причинам.

Во-первых, несмотря на частичную маргинализацию религиозных структур в регионе[564], на что указала Н.А. Белякова, оказываемая РПЦ поддержка свидетельствовала о заинтересованности Москвы в православных институциях, что ограничивало репрессивный потенциал восточноевропейских режимов в отношении церковных структур, а также вело к появлению у СССР дополнительных симпатизантов.

Таким образом, тот факт, что РПЦ выступала в качестве защитницы автокефальных Церквей, позволял Кремлю опереться на дополнительные институты при проведении своей внешнеполитической линии[565]. Для самих же восточноевропейских Церквей эта поддержка могла являться одним из

---

[562] Беглов А.Л. Международная деятельность Русской Православной церкви в период «нового курса» в государственноцерковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т.11. – №4. – С.114.

[563] Абрамов А.Ю. Помощь Московского Патриархата Болгарской Православной церкви в 1945-1957 гг. (по документам Государственного архива Российской Федерации) // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. – 2018. – №4-1(4). – С.41-43.

[564] Белякова Н.А. Религия и конструкты национальной идентичности в странах Восточной Европы в XX в.: введение в проблематику // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2014. – Т.32. – №4. – С.12.

[565] Роккуччи А. Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917-1958 / Адриано Роккуччи; [пер. с итал. О.Р. Щелоковой]. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С.230.

ключевых условий их выживания в ситуации, когда демонстрация политической лояльности национальным властям не гарантировала продолжения существования, о чем, как показал У. Флетчер, свидетельствовали 1930-е гг. в СССР[566].

Во-вторых, постепенная советизация стран Восточной Европы не могла основываться лишь на силовых методах воздействия, так как чрезмерная опора на подобный инструментарий могла привести к росту недовольства среди населения и складыванию ячеек сопротивления, борьба с которыми поглощала бы ресурсы советских и просоветских органов.

В этих условиях требовались и инструменты культурно-религиозного влияния: видный деятель эмиграции Н.М. Зернов отмечал, что «секрет русской культуры кроется в том, что она и христианская, и не-западная»[567]; подобное утверждение во многом справедливо и в отношении восточноевропейских культур, вследствие чего РПЦ как традиционный институт, на ассоциативном уровне близкий народам региона[568], должна была быть задействована советской властью для формирования общей позитивной повестки.

В этом контексте принципиально и то, что, в отличие от СССР, РПЦ претендовала на сохранение преемственности (впрочем, в политическом плане, скорее, номинальной, нежели реальной), что делало ее особо привлекательной для тех этносов, историческая память которых включала большое количество принципиальных для них эпизодов двустороннего сотрудничества с Российской империей[569].

Говоря о конкретных акциях РПЦ в отношении государств и церквей Восточной Европы, заметим, что активность отечественных иерархов на этом треке началась еще в годы Великой Отечественной войны. Еще в ходе Сталинградской битвы митрополиты Сергий и Николай обратились к

---

[566] Fletcher W.C. A Study in Survival. The Church in Russia 1927-1943. – New-York: The Macmillan Company, 1965. – PP.119.
[567] Zernov N. The Russians and their Church. – London: SPCK, 1978. – PP.4.
[568] Kolarz W. Religion in the Soviet Union. – London: St Martin's Press, 1961. – PP.56.
[569] Struve N. Les Chrétiens en U.R.S.S. – Paris: Éditions du Seuil, 1963. – PP.83.

румынским солдатам с призывом вспомнить о конфессиональном братстве и отказаться от навязанного Бухаресту союза с Германией[570].

Повышенное внимание к Восточной Европе объяснялось и тем, что Папой Пием XII преследовался план подписания западными державами сепаратного мирного договора с Германией и объединения стран Дунайского бассейна в конфедерацию, противостоящую СССР[571]. В этих условиях в марте 1945 г. Г.Г. Карпов представил И.В. Сталину докладную записку на тему дальнейших действий РПЦ, призванных усилить советское влияние в Восточной Европе. Необходимо было обеспечить проведение визитов отечественных иерархов в Белград, Бухарест и Софию, а также «принять меры к ликвидации автокефалии Польской Православной Церкви и присоединить ее в целом к Московской патриархии» [572].

В ходе визита в Болгарию, возглавляемого архиепископом Псковским и Порховским Григорием (Чуковым), советская делегация столкнулась с демонстрацией «радости и благодарности Русской Церкви», выразившихся в признании болгарского церковного руководства, что «Православная Русская Церковь заняла ведущее место в большом семействе славянских народов, как старшая и передовая среди Православных Церквей»[573].

В Румынию же направилась делегация во главе с епископом Кишиневским и Молдавским Иеронимом (Захаровым). Вероятно, самым красноречивым эпизодом переговоров с румынскими иерархами можно считать интерпретацию советскими деятелями двух картин в столовой Румынской патриархии: полотно, изображающее Каина и Авеля, было воспринято в качестве втягивания А. Гитлером Бухареста в войну против

---

[570] Curtiss J.S. The Russian Church and the Soviet State, 1917-1950. – Boston: Little, Brown and Company, 1953. – PP.206-207.

[571] Kalkandjieva D. The Russian Orthodox Church, 1917-1948: From Decline to Resurrection. – London and New York: Routledge, 2015. – PP.209.

[572] Власть и церковь в Восточной Европе. 1944-1953 гг. Документы российских архивов: в 2 т. Т.1: Власть и церковь в Восточной Европе. 1944-1948 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С.103-104.

[573] Григорий (Чуков), архиеп. Московская церковная делегация в Болгарии // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №5. – С.19.

братского СССР, а картина с Мадонной и целующимися детьми – в качестве будущего советско-румынских отношений между как государствами, так и Церквями[574].

Наконец, и в Югославии, куда направилась делегация во главе с епископом Кировоградским Сергием (Лариным), РПЦ встречали в качестве «Церкви-сестры», а также активно подчеркивали славянское братство, получившее развитие на завершающем этапе мировой войны[575].

Демонстративно радушный прием, оказанный гостям из Москвы, не означал отсутствия разногласий между автокефальными Церквями и готовности поддержать любые начинания РПЦ, однако был выгоден всем трем сторонам: восточноевропейские Церкви ценой своей лояльности повышали свои шансы на финансовую поддержку со стороны Москвы, Кремль получал дополнительных союзников при проведении внешнеполитической линии, а РПЦ имела возможность отчитаться об успешной работе на международном треке.

Деятельность РПЦ в Восточной Европе, направленную на воссоединение Церквей и расширение территорий, можно считать гибкой. Несмотря на приведенную нами ранее цитату Г.Г. Карпова о необходимости включения Польской Православной Церкви в состав РПЦ, МП и Совету по делам РПЦ пришлось пойти на пересмотр изначально заявленного курса. В 1946 г. интеграцию Польской Православной Церкви в состав РПЦ пришлось отложить в связи с намеками Варшавы на несвоевременность этого шага, указывающего на зависимость Польши от СССР, что могло негативно сказаться на результатах референдума в республике, проведенного в июне 1946 г., а также выборов в сейм 1947 г.[576] В условиях «конфликта двух

---

[574] Кузнецкий А.П. Делегация Русской Православной Церкви в Румынии // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №6. – С.31.

[575] Савинский С., проф. Пятнадцать дней в Югославии // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №6. – С.20.

[576] Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40-50-х годов XX века: Очерки истории. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – С.294-295.

политико-идеологических систем с характерным для них манихейским дуализмом»[577], проецируемого и на региональное пространство, СССР посчитал недальновидным обострять общественные отношения в Польше, население которой могло резко отреагировать на утрату национальной православной Церкви.

Кроме того, как только РПЦ обозначила курс на проведение совещания 1948 г., стало ясно, что в интересах Москвы обеспечить максимальную явку автокефальных Церквей и их самостоятельное голосование в пользу составленных РПЦ резолюций: пускай Польская Православная Церковь и была немногочисленной, а также не могла конкурировать с другими православными Церквями по своему статусу, тем не менее она являлась одним из немногих институтов культурного влияния СССР в Польше, вследствие чего выгодно было ее сохранить в качестве автокефальной[578].

Так как в отношении восточноевропейских народов нельзя было применить инструментарий Кремля и РПЦ, рассмотренный нами ранее и обозначенный У. Строеном в качестве стремления привить оппонентам «комплекс (чувство) вины»[579] по таким проблематикам, как колониализм, разработка ядерного оружия[580] и т.п., существовала потребность в менее агрессивной риторике, педалирующей преимущественно позитивные аспекты двусторонних отношений, чем отчасти и было обусловлено «гладкое» («smooth»[581]) подчинение этих территорий СССР. По итогу в июне 1948 г. Москва пошла на предоставление Польской Православной Церкви

---

[577] Белякова Н.А. Церкви в холодной войне. Введение // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2017. – Т.35. – №1. – С.7.

[578] Вишиванюк А.В. Вопрос об автокефалии Польской православной церкви в контексте холодной войны // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2017. – Т.35. – №1. – С.83.

[579] Stroyen W.B. Communist Russia and the Russian Orthodox Church. 1943-1962. – Washington: The Catholic University of America Press, 1967. – PP.50.

[580] См., напр.: Дегоев В.В., Эйриян В.А. «Мы будем оправдывать доверие Правительства»: участие РПЦ в советских идеологических кампаниях в 1945-1953 гг. // Россия XXI. – 2024. – №2. – С.48.

[581] Kalkandjieva D. The Russian Orthodox Church, 1917-1948: From Decline to Resurrection. – London and New York: Routledge, 2015. – PP.207.

автокефального статуса, тем самым гарантировав лояльную позицию польского духовенства на предстоящем Всеправославном совещании[582].

Иным образом разворачивались события, связанные с отношениями РПЦ и Албанской Православной Церкви. Последняя обладала спорным статусом в связи с тем, что в межвоенное время ее автокефалия не признавалась другими православными Церквями, однако в 1937 г. Константинополем был издан томос, подтверждающий самостоятельность Тираны в церковном измерении. Во второй половине 1940-х гг. советско-албанское сотрудничество затронуло и церковный трек: как и в случае с другими православными институциями, РПЦ рассчитывала посредством усиления позиций албанского духовенства обеспечить дополнительный голос в свою поддержку на Всеправославном совещании[583].

То, что РПЦ действовала из политических, а не канонических соображений, косвенно следует из того, что в декабре 1945 г. патриарх Алексий прямо признавался Г.Г. Карпову о своем незнании, где находится Тирана и, следовательно, какова специфика государственно-церковных отношений в Албании[584]. Сотрудничество двух церквей было активизировано в результате взаимных визитов делегаций иерархов в 1948 г.: в январе Москву посетила группа представителей Албании, а в апреле поездку в Тирану возглавил епископ Ужгородский и Мукачевский Нестор (Сидорук), принявший участие в совершении хиротонии архимандрита Паисия (Водицы) в епископа Корчинского[585].

---

[582] Представители Польской Православной Церкви о своем посещении Москвы // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – №7. – С.17.

[583] Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40-50-х годов XX века: Очерки истории. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – С.99-100.

[584] Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1970 гг. Т.1: Письма патриарха Алексия в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1963 гг.: / [под ред. Н.А. Кривовой; отв. сост. Ю.Г. Орлова; сост. О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С.96-97.

[585] Ответный визит в Албанию // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – №6. – С.3.

Участие епископа Нестора в таинстве хиротонии по-своему симптоматично: именно ставший епископом Паисий вскоре станет архиепископом Тиранским и всея Албании, возглавив автокефальную церковь, примет участие в работе Всеправославного совещания[586] и будет в дальнейшем выступать в качестве сторонника поддержания тесных связей с Москвой.

В свою очередь, и РПЦ будет выступать в качестве защитницы интересов Албанской Православной Церкви: когда патриарх Константинопольский Афинагор (Спиру) начнет кампанию по переводу албанских приходов в США в юрисдикцию Константинопольского патриархата, именно Москва выступит в поддержку восточноевропейской Церкви[587].

Наконец, успешными можно считать и действия РПЦ в отношении Православной Церкви Чешских земель и Словакии, которая в 1946 г. перешла из юрисдикции Сербского патриархата в подчинение МП.

Если на протяжении 1945 – нач. 1946 гг. Москва была озабочена вопросом репатриации русского духовенства из Чехословакии в СССР, одной из целей которой было поднять имидж РПЦ за рубежом и продемонстрировать, что РПЦ не бросает своих сторонников[588], то уже в январе 1946 г. в результате визита делегации из Чехословакии в СССР патриарх Алексий дал принципиальное согласие на вступление восточноевропейской Церкви в юрисдикцию РПЦ[589].

---

[586] Скобей Г.Н. Межправославное сотрудничество в подготовке Святого и Великого Собора Восточной Православной Церкви // Церковь и время. – 2002. - №2(19). – С.71.

[587] Чумаченко Т.А. В русле внешней политики сталинского руководства: Русская православная церковь и патриархаты Ближнего Востока. 1943-1953 годы / Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – №22(351). – С.145.

[588] Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1970 гг. Т.1: Письма патриарха Алексия в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1963 гг.: / [под ред. Н.А. Кривовой; отв. сост. Ю.Г. Орлова; сост. О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С.103-106, 111-112.

[589] О пребывании в Москве Чешской делегации // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №1. – С.14-15.

Вскоре после этого в Чехословакию совершил визит Г.Г. Карпов[590], после отъезда которого был еще раз подчеркнут «характер внутренних отношений Матери-Церкви Русской к дочери-Церкви Чешской»[591].

Деятельность РПЦ в отношении Чехословакии обеспечила присутствие на Всеправославном совещании экзарха Московской патриархии в Чехословакии, архиепископа Пражского и Чешского Елевферия (Воронцова)[592], а поступательное развитие отношений РПЦ с чехословацкими православными структурами привела к дарованию Православной Церкви Чешских земель и Словакии автокефального статуса, что сам ОВЦС мотивировал «быстрым ростом православия в Чехословакии, ликвидацией унии и увеличением количества епархий»[593].

Сам акт о даровании автокефалии, в котором подчеркивалось, что новая автокефальная Церковь – «юнейшая сестра в семье Православных автокефальных Церквей»[594], стал результатом переговоров между представителями РПЦ и экзархата[595] и отразил эволюцию советско-чехословацких отношений в церковной сфере. Автокефалия Православной Церкви Чешских земель и Словакии не была признана Константинопольским патриархатом, выдвигавшим претензии на территорию Чехословакии, ссылаясь на то, что еще в 1923 г. архиепископом Пражским и всея Чехословакии был поставлен Савватий (Врабец)[596].

---

[590] Пребывание Г.Г. Карпова в Чехословакии // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №8. – С.7.

[591] Из жизни Православной Церкви в Чехословакии // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №8. – С.11.

[592] Скобей Г.Н. Межправославное сотрудничество в подготовке Святого и Великого Собора Восточной Православной Церкви // Церковь и время. – 2002. - №2(19). – С.71.

[593] Лактюхин Д.А. Внешняя церковная деятельность Московского Патриархата в годы «нового курса» советского государства в отношении Церкви (1946-1953 гг.) // Христианство на Ближнем Востоке. – 2022. – Т.6 - №4. – С.188.

[594] Акт от 23/XI 1951 г. о даровании автокефалии Православной Церкви в Чехословакии // Журнал Московской Патриархии. – 1951. – №12. – С.3.

[595] Блохин В.С. История поместных Православных Церквей: учебник. – Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2022. – С.475.

[596] Ведерников А. К вопросу о предсоборном совещании // Журнал Московской Патриархии. – 1953. – №8. – С.52.

При этом сам архиепископ Савватий в 1948 г. признал легитимность полномочий архиепископа Елевферия (Воронцова), а затем высказал желание перейти в юрисдикцию РПЦ.

Также отметим, что церковное измерение служило не только пространством для политического диалога между автокефальными Церквями, постепенно объединяющимися в блок, подход которого отвечал интересам Москвы.

Отношение к православным в странах Восточной Европы являлось и своеобразным индикатором лояльности региональных партнеров Кремлю, что проявилось в условиях советско-югославского кризиса.

Так, советский дипломат В.С. Семенов в июне 1949 г. сохранил в своем дневнике запись беседы с богословом Белградского университета Алексеевым, сообщившим о притеснении православной Церкви в стране[597]. Ужесточение политики И.Б. Тито в отношении православных структур являлось демонстрацией ухудшения отношений с Москвой, вследствие чего неудивительно, что в написанном осенью 1953 г. отчете о работе ОВЦС за 1946-1953 гг. деятели РПЦ обозначили лишь то, что «в Сербии доныне существует благочиние Русской Православной Церкви»[598], не приводя никакой детализации по тому, что происходило на данном направлении после 1948 г.

Можно подвести итог, что РПЦ, проводя свою политический курс в отношении Церквей Восточной Европы, руководствовалась в первую очередь задачей сближения местных автокефальных Церквей с Москвой в целях создания единого православного блока, противостоящего Ватикану и Западу в целом.

Справедливо отмечается, что этот подход не тождественен попыткам Москвы перевести все национальные Церкви в свою юрисдикцию, что не имело канонических оснований и, напротив, могло оттолкнуть

---

[597] Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. В 2-х т. Документы. Т. 2. 1949—1953 гг. / Рос. академия наук, Ин-т славяноведения, Федер. архив. служба России, Гос. архив Российской Федерации, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Архив Президента Российской Федерации, отв. редактор Т.В. Волокитина. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. — С.119.

[598] Лактюхин Д.А. Внешняя церковная деятельность Московского Патриархата в годы «нового курса» советского государства в отношении Церкви (1946-1953 гг.) // Христианство на Ближнем Востоке. – 2022. – Т.6 - №4. – С.180.

восточноевропейские народы от сотрудничества с СССР[599]. РПЦ демонстрировала многообразие своего инструментария, что и обусловило успешность ее деятельности на данном треке[600].

Несмотря на уместно подчеркиваемые специалистами символические ассоциации атеизма – с социалистическим строем, а религии – с капитализмом[601], Москва стремилась не оттолкнуть от себя православное население даже в тех странах, где его процент быть незначительным: согласимся с отечественными авторами, полагающими, что заинтересованность Кремля в выгодном для себя развитии государственно-церковных отношений в каждой из стран региона была обусловлена необходимостью обеспечить стабильность общественных отношений в каждом государстве по отдельности и в соцблоке вообще, а также стремлением заручиться поддержкой тех институтов, что были способны выступить в качестве проводника советского влияния в регионе и на международной арене[602].

[599] Curtiss J.S. The Russian Church and the Soviet State, 1917-1950. – Boston: Little, Brown and Company, 1953. – PP.312.

[600] Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40-50-х годов XX века: Очерки истории. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – С.100.

[601] Шахнович М.М. Холодная война и идеологическая борьба на «религиозном фронте»: о некоторых моделях советской пропаганды // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2017. – Т.35. – №1. – С.160.

[602] Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40-50-х годов XX века: Очерки истории. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – С.363.

3.2 Деятельность РПЦ на Ближнем Востоке

Изменение международной обстановки в 1940-е гг. обусловило повышение внимания Москвы к Ближнему Востоку. Несмотря на существовавшую еще в имперские времена традицию взаимодействия с регионом, для СССР этот трек во многом являлся новым; лишь в 1940-е гг. Ближний Восток попадает в фокус внимания Кремля и становится одним из приоритетных направлений советской внешней политики.

Подтверждением того, что советские дипломаты осуществляли свою деятельность в регионе в условиях отсутствия устоявшихся связей с местными акторами, может служить свидетельство уполномоченного Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) при миссии СССР в Каире, сделанное в 1944 г.: представляя отчет, автор подчеркнул, что «до нашего приезда сюда о Советском Союзе знали очень мало или, лучше сказать, ничего не знали. Все те сведения о СССР, которые сюда проникали, были страшно извращены и дики до невероятности»[603].

Стремление СССР усилить свое присутствие на Ближнем Востоке следовало как из политических, так и из экономических факторов. К первым можно отнести актуализацию борьбы за сферы влияния в условиях поздне- и послевоенного переустройства мира, а также интересы Кремля в Средиземноморье, вынуждавшие ее активизировать свою деятельность и в ближневосточном регионе[604].

Основным противником СССР на этом направлении считалась Великобритания, чего Москва не скрывала и на публичном уровне. Так, в октябре 1946 г. на пленарном заседании ГА ООН К.В. Киселев, постпред БССР при ООН, прямо заявлял о том, что «Англия делает всё для того, чтобы сохранить свои войска в странах Ближнего Востока. В Египте сейчас

---

[603] Советско-египетские отношения. 1943-1955 гг.: Док. и материалы / ФГБУН Ин-т востоковедения РАН; Отв. ред. Л.Ш. Кадырбаев. – СПб.: Алетейя, 2019. – С.65.

[604] Чумаченко Т.А. В русле внешней политики сталинского руководства: Русская православная церковь и патриархаты Ближнего Востока. 1943-1953 годы / Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – №22(351). – С.142.

британских войск в несколько раз больше, чем Англия имеет право там содержать в соответствии с англо-египетским договором…»[605].

Экономические же интересы во многом проистекали из ресурсного потенциала региона, привлекавшего к себе внимание и Соединенных Штатов: отечественными авторами признается, что в первой половине 1940-х гг. Вашингтон пришел к пониманию необходимости контроля над нефтяными рынками, вследствие чего ближневосточная политика Лондона стала для американцев неудобной[606].

Еще одной причиной попадания Ближнего Востока в политический фокус Кремля можно считать возникновение на ближневосточном театре новых политических субъектов, сотрудничество с которыми могло быть продуктивным с точки зрения как идеологической (распространение коммунистических идеалов и обеспечение перехода местных государственных образований к социалистическому, а затем и коммунистическому строю), так и практической (расширение числа сторонников СССР, способных поддержать его позицию на международных площадках).

Кроме того, взаимодействие с новыми акторами (Ливан, Сирия) облегчалось наличием в советском внешнеполитическом инструментарии антиколониальной риторики, рассмотренной нами ранее в качестве одного из отечественных нарративов, определяющих государственную идентичность на международной арене. На этом фоне представляется логичным стремление СССР выступить в поддержку получения ближневосточными игроками независимости[607].

---

[605] Внешняя политика Советского Союза: 1946 год: Документы и материалы: Январь – декабрь 1946 года. – М., Госполитиздат, 1952. – С.414.

[606] Носенко Т.В. Политика СССР и США по вопросу создания Государства Израиль (1945-1948) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2016. – Т.8. – №2. – С.59.

[607] Евстратова Ю.А. Советско-сирийские отношения и формирование ближневосточной региональной среды // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2011. – №1(62). – С.173.

Советские дипломаты последовательно отстаивали необходимость вывода воинских контингентов стран Запада из региона, апеллируя к государственному суверенитету новых государств: в частности, в феврале 1946 г. А.Я. Вышинский еще раз напомнил о том, что соглашение между Лондоном и Парижем, предусматривающее эвакуацию войск с территории Ливана и Сирии, оказалось безрезультатным, а обращения Бейрута и Дамаска на эту тему являются не просьбой, «ибо здесь нельзя просить», а именно требованием[608].

Жесткость советской позиции по данному вопросу позволяла использовать образ Москвы как защитницы интересов ближневосточных народов в целях укрепления отношений с региональными игроками. Подобная линия приветствовалась местными элитами: в феврале 1946 г. король Египта Фарук передал советскому представителю в стране А.Д. Щиборину благодарность за ту позицию, что «занимала советская делегация на Ассамблее Организации Объединенных Наций в Лондоне при обсуждении вопросов жизненной важности для арабских государств»[609].

На стремление СССР ослабить позиции Великобритании на Ближнем Востоке накладывалась становящаяся все более актуальной палестинская проблема, вынуждавшая как глобальных, так и региональных игроков определяться с подходом в отношении эвентуального создания Государства Израиль на этих территориях.

Несмотря на внутриполитические тренды (борьба с «безродным космополитизмом» и др.), Москва несколько лет выступала в поддержку требований деятелей сионистского движения: в современной науке был достигнут консенсус на тему того, что это временное совпадение интересов

---

[608] Внешняя политика Советского Союза: 1946 год: Документы и материалы: Январь – декабрь 1946 года. – М., Госполитиздат, 1952. – С.590.

[609] Советско-египетские отношения. 1943-1955 гг.: Док. и материалы / ФГБУН Ин-т востоковедения РАН; Отв. ред. Л.Ш. Кадырбаев. – СПб.: Алетейя, 2019. – С.84.

сторон было вызвано желанием Кремля спровоцировать распад Британской империи[610].

О неприятии британского курса, санкционированного еще в межвоенное время в рамках мандатной системы, советские дипломаты заявляли публично: в марте 1947 г. А.А. Громыко постулировал, что «мандатная система управления Палестиной не оправдала себя. Она не выдержала экзамена. Правильность подобного вывода едва ли кто-либо может оспаривать»[611].

Комплексный характер палестинского вопроса, становящегося все более острым, отмечался и во внутреннем делопроизводстве НКИД/МИД СССР: уже в марте 1945 г. С.И. Кавтарадзе, заместитель народного комиссара иностранных дел СССР, объяснял В.М. Молотову, что палестинская проблематика переплетается со всеми важнейшими процессами в регионе, а советская сторона имеет о ней очень слабое представление, что негативным образом сказывается на работе отечественных дипломатов[612].

Воздерживаясь от алармистских предостережений, С.И. Кавтарадзе все же подчеркивал, что Лондон и Вашингтон рассматривают палестинские территории с позиций возможности развития нефтяной инфраструктуры; успешная реализация проекта прокладывания через Палестину нефтепроводов должна была привести к усилению влияния американского и британского капиталов. Дополнительным фактором, провоцировавшим активность советской дипломатии на ближневосточном треке, являлись, по мнению исследователей, также антипатия И.В. Сталина к Лондону и желание советского руководства найти «бреши» в системе сфер влияния стран Запада[613].

---

[610] Прозорова Г.К. К истории становления советско-израильских отношений (1947-1949) // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2020. – №3(25). – С.246.

[611] Внешняя политика Советского Союза: 1947 год.: Документы и материалы. Часть 2: Июль – декабрь 1947 года. – М., Госполитиздат, 1952. – С.331.

[612] Советско-израильские отношения: Сборник документов. Т.I: 1941-1953.; В 2-х кн. Кн.1: – 1941 – май 1949 / Министерство иностранных дел Российской Федерации; Министерство иностранных дел Государства Израиль. – М.: Междунар. отношения, 2000. – С.112.

[613] Носенко Т.В. Политика СССР и США по вопросу создания Государства Израиль (1945-1948) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2016. – Т.8. – №2. – С.62-63.

Отдельно стоит обозначить, что при выработке подхода к решению палестинской проблемы советская дипломатия не занимала сторону лишь одного из антагонистов.

Причину этого, вероятно, следует искать не только в желании сохранить диалог со всеми заинтересованными акторами, но и в том, что, как обозначил в июле 1945 г. М.М. Литвинов, пришедший к выводу о неспособности Вашингтона и Лондона справиться с напряженностью в регионе в связи с ангажированностью западных столиц, «за разрешение палестинской проблемы скорее всего мог бы взяться СССР, свободный как от арабского, так и еврейского влияния»[614].

Балансирование Москвы между несколькими вариантами решения палестинской проблемы хорошо видно по обозначенному А.А. Громыко в ГА ООН алгоритму действий: СССР предлагал создать единое государство, в котором гарантировалось бы равноправие арабского и еврейского населения, и лишь в случае невозможности осуществить эту опцию допускал вариант раздела Палестины на два государственных образования[615].

Если в отношении арабских стран СССР прибегал к антиколониальному нарративу, то в диалоге с еврейской стороной существенное значение имела близость ценностных установок: ключевая роль СССР в победе над нацизмом вызывала признательность деятелей сионистского движения, считавших необходимым пойти хотя бы на временное сближение с Москвой[616].

В то же время переоценивать фактор коллективной памяти не следует: уже позднее, в июне 1949 г., советник миссии Израиля в СССР А. Левави в записке «Глобальная политика и Израиль» пояснит, что конъюнктурное совпадение интересов сторон не означает тождественности их стремлений, а

---

[614] Советско-израильские отношения: Сборник документов. Т.I: 1941-1953.; В 2-х кн. Кн.1: – 1941 – май 1949 / Министерство иностранных дел Российской Федерации; Министерство иностранных дел Государства Израиль. – М.: Междунар. отношения, 2000. – С.121.

[615] Внешняя политика Советского Союза: 1947 год.: Документы и материалы. Часть 2: Июль – декабрь 1947 года. – М., Госполитиздат, 1952. – С.240.

[616] Прозорова Г.К. К истории становления советско-израильских отношений (1947-1949) // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2020. – №3(25). – С.247.

также что «СССР заинтересован в максимальном сдерживании развития Ближнего Востока западными державами, чтобы этот регион не превратился в прочную базу Запада против Балкан, Кавказа и района Каспия»[617].

Тем не менее, недолгий период теплых отношений между СССР и израильтянами был знаменован такими фактами, как установление дипломатических отношений между государствами в мае 1948 г. и открытие советского представительства в Тель-Авиве в августе того же года. На тот момент единственным дипломатическим представителем зарубежного государства в Израиле являлся направленный из Москвы П.И. Ершов.

На фоне заинтересованности СССР в выстраивании отношений с ближневосточными игроками особую актуальность приобретало церковное измерение, посредством диалога в котором можно было заручиться поддержкой местных православных институтов и элит.

Стоит обозначить, что православное пространство Ближнего Востока представлено Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским патриархатами[618]. К каноническим территориям первого относится Африка, включая, что важнее всего, Египет; юрисдикция Антиохийского патриархата распространяется на большую часть Ближнего Востока, включая упоминавшиеся Ливан и Сирию, а Иерусалимского – на территории Израиля, Иордании и Палестины. Соответственно, «церковная дипломатия» РПЦ должна была исходить из необходимости налаживания отношений с этими структурами, а также с отдельными нехалкидонскими Церквями (к примеру, Коптской Православной Церковью)[619]. Расположение на территории ближневосточного региона Святых Мест, обладающих символическим

---

[617] Советско-израильские отношения: Сборник документов. Т.I: 1941-1953.; В 2-х кн. Кн.2: май 1949 – 1953 / Министерство иностранных дел Российской Федерации; Министерство иностранных дел Государства Израиль. – М.: Междунар. отношения, 2000. – С.12.

[618] В этот список намеренно не был включен Константинопольский патриархат в связи с тем, что на Ближнем Востоке к его каноническим территориям относится лишь Турция, политические и церковно-политические процессы в которой требуют отдельного рассмотрения, как и проблематика отношений РПЦ и Константинопольского патриархата в 1945-1953 гг.

[619] Эйриян В.А. «Холодная война пошла было на убыль»: освещение Суэцкого кризиса в православной периодике // Россия XXI. – 2024. – №3. – С.32-33.

значением для христиан, служит дополнительным фактором, обусловливающим потребность в межцерковном диалоге с местными структурами.

Развитие сотрудничества РПЦ с ближневосточными автокефальными Церквями наблюдалось, по меньшей мере, с начала 1945 г. Приглашение на интронизацию патриарха Алексия представителей всех трех православных Церквей Ближнего Востока воспринимается авторами в качестве первого шага «на пути восстановления присутствия Московской Патриархии на территории Палестины, Сирии и Ливана»[620]. Как отмечалось ранее, уже на этапе подготовки к проведению Поместного собора советская сторона собирала данные о внешнеполитической ориентации ближневосточных иерархов, делая вывод о их зависимости (в первую очередь, финансовой) от англичан, а также от светских властей[621]. В то же время почти сразу после мероприятия Алексий I направил Г.Г. Карпову перевод тоста патриарха Александрийского Христофора с просьбой распространить покровительство России на весь Восток, что вселяло надежды на плодотворность взаимодействия с местными церквями[622].

Кроме того, по возвращении из Москвы глава Александрийской Православной Церкви выступил с докладом, в ходе которого охарактеризовал СССР как сильную державу, православные которой «могут прийти в трудный момент на помощь восточной православной Церкви»[623].

Параллельно с тем, как отечественные иерархи готовились к ответному визиту на Ближний Восток, советские дипломаты обсуждали церковное

---

[620] Климова А.А. Восстановление взаимоотношений Московской патриархии с Иерусалимским и Антиохийским патриархатами в 1946-1948 годах (к вопросу о назначении представителей) // Исторический журнал: научные исследования. – 2019. – №5. – С.127.

[621] Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. / О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. – М.: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2009. – С.366.

[622] Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1970 гг. Т.1: Письма патриарха Алексия в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1963 гг.: / [под ред. Н.А. Кривовой; отв. сост. Ю.Г. Орлова; сост. О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С.39.

[623] ГА РФ. Ф.Р-6991. Оп.1. Д.14. Л.51.

измерение палестинского вопроса: временный поверенный в делах Югославии в СССР Р. Николаевич сообщал помощнику заведующего Четвертым Европейским отделом НКИД СССР Н.Ф. Паисову, что в Палестине располагается большое количество русских монастырей, служители которых лояльно относятся к советской власти, однако сталкиваются с давлением со стороны архимандрита Антония (Синькевича), являющегося главой Русской духовной миссии (РДМ) в Иерусалиме от РПЦЗ[624].

Сюжет с собственностью РДМ в Иерусалиме представлял интерес как для РПЦ, так и для советской власти: если первая рассчитывала на ослабление позиций РПЦЗ и возвращение РПЦ всего имперского наследия в регионе, то советское руководство исходило из возможности расширения своего присутствия на Ближнем Востоке за счет церковных институций и улучшения своего имиджа среди местного населения.

Активность РПЦ принесла свои плоды: уже в 1945 г. патриарх Иерусалимский Тимофей прекращает молитвенное общение с РДМ, возглавляемой раскольниками, что означало готовность развивать отношения с РПЦ и СССР[625]. В то же время это не гарантировало прекращения активности РПЦЗ на Ближнем Востоке: в январе и марте 1946 г. Г.Г. Карпову будут докладывать о подрывной деятельности раскольников в Иерусалиме, а также об очередных кадровых назначениях, не отвечающих интересам РПЦ в регионе[626].

Отечественными исследователями справедливо отмечаются различия между борьбой за первенство в религиозной (церковной) сфере на Ближнем Востоке и в Восточной Европе: существование в ближневосточных реалиях

---

[624] Советско-израильские отношения: Сборник документов. Т.I: 1941-1953.; В 2-х кн. Кн.1: – 1941 – май 1949 / Министерство иностранных дел Российской Федерации; Министерство иностранных дел Государства Израиль. – М.: Междунар. отношения, 2000. – С.111.

[625] Паламаренко Е.В. Положение Русской духовной миссии в Иерусалиме Московского патриархата в Израиле и Иордании в 1948-1967 гг. // Христианское чтение. – 2019. – №3. – С.257.

[626] Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1970 гг. Т.1: Письма патриарха Алексия в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1963 гг.: / [под ред. Н.А. Кривовой; отв. сост. Ю.Г. Орлова; сост. О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С.108, 126.

трех могущественных автокефальных Церквей, а также Константинопольского патриархата требовали от Москвы куда более взвешенных и аккуратных действий, нежели на европейском континенте[627].

В этих условиях особая надежда возлагалась на визит самого патриарха Алексия в регион, в рамках которого должна была состояться первая в истории поездка предстоятеля РПЦ в Иерусалим[628]. В Святом городе Алексий провел переговоры с делегациями всех конфессий, а в Каире – с Д.С. Гортом, Верховным комиссаром Палестины[629]. Как видно, визит патриарха позволил провести встречи с представителями как духовной, так и светской власти; прием предстоятеля РПЦ был устроен даже королем Египта Фаруком. К поездке иерарха было приковано внимание такого количества журналистов, что сообщения о его передвижениях и встречах публиковались даже в Браззавиле, являвшемся на тот момент столицей Французской Экваториальной Африки[630].

Параллельно с тем, как советская внешнеполитическая служба следила за успехами «церковной дипломатии» на Ближнем Востоке, активизировался и Ватикан, добивавшийся признания покровительства папы над святынями Палестины[631].

Несмотря на рассмотренное нами ранее противостояние РПЦ и Святого Престола в 1940-е гг., СССР было свойственно недооценивать потенциал «церковной дипломатии» Ватикана на ближневосточном направлении: израильские дипломаты предупреждали о том, что «Советы всерьез не опасаются “победы Ватикана”. Презрительная недооценка сил католической

---

627 Беглов А.Л. Международная деятельность Русской Православной церкви в период «нового курса» в государственноцерковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т.11. – №4. – С.113.

628 Блохин В.С. История поместных Православных Церквей: учебник. – Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2022. – С.352.

629 Беглов А.Л. Заметки Г.Г. Карпова о поездке патриарха Алексия I (Симанского) на Ближний Восток в мае-июне 1945 года // Российский журнал истории Церкви. – 2023. – Т.4. – №3. – С.124-125.

630 Там же, С.129.

631 Климова А.А. Взаимоотношения Русской Православной Церкви с Иерусалимским патриархатом в 1948-1953 годах в контексте советско-израильских отношений // Исторический журнал: научные исследования. – 2020. – №1. – С.54.

церкви может заставить СССР рассматривать ее дипломатические успехи как мнимые и не имеющие достаточной политической и социальной опоры»[632], что в условиях противодействия усилиям РПЦ со стороны Ватикана, Константинопольского патриархата и стран Запада могло привести к просчетам в планировании и определении стратегии дальнейших действий в регионе.

Несмотря на наибольшую заинтересованность РПЦ в диалоге с Иерусалимом, отношения поддерживались со всеми тремя патриархатами Ближнего Востока. Инструментарий РПЦ принципиальным образом не отличался от рассмотренного нами ранее в отношении контактов с Церквями Восточной Европы.

Демонстрацией сближения Церквей становилось открытие подворий: в 1946 г. в Бейруте было открыто подворье Московского патриархата[633], в ответ на что в 1948 г. в Москве начало свою работу Антиохийское подворье, настоятель которого в 1953 г. должен был закончить Московскую духовную академию[634].

Продолжалась практика визитов православных иерархов на Ближний Восток для проведения переговоров по основным вопросам церковной повестки: так, в ноябре-декабре 1946 г. делегация во главе с митрополитом Ленинградским и Новгородским Григорием (Чуковым) посетила Ливан, Палестину и Египет, везде добившись «полного взаимопонимания и готовности к содействию в осуществлении мероприятий, направленных ко благу Святой Церкви»[635]. По результатам поездки митрополитом был

---

[632] Советско-израильские отношения: Сборник документов. Т.I: 1941-1953.; В 2-х кн. Кн.2: май 1949 – 1953 / Министерство иностранных дел Российской Федерации; Министерство иностранных дел Государства Израиль. – М.: Междунар. отношения, 2000. – С.19.

[633] Климова А.А. Восстановление взаимоотношений Московской патриархии с Иерусалимским и Антиохийским патриархатами в 1946-1948 годах (к вопросу о назначении представителей) // Исторический журнал: научные исследования. – 2019. – №5. – С.128.

[634] Лактюхин Д.А. Внешняя церковная деятельность Московского Патриархата в годы «нового курса» советского государства в отношении Церкви (1946-1953 гг.) // Христианство на Ближнем Востоке. – 2022. – Т.6 - №4. – С.177.

[635] Григорий (Чуков), митр. Поездка на Ближний Восток // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №12. – С.5.

представлен Священному Синоду доклад, основные тезисы которого были затем направлены патриархом Г.Г. Карпову.

Формулируя дальнейший алгоритм действий в отношении Ближнего Востока, Алексий I рекомендовал предоставить ближневосточным патриархатам храмы в Москве, Ленинграде и Киеве для обустройства их подворий, а также обеспечить финансовую поддержку автокефальных Церквей в целях гарантирования их лояльности[636].

Зависимость Церквей Ближнего Востока от денежной помощи и их стремление получить ее хоть от СССР, хоть от Запада ставили под вопрос искренность сделанных иерархами заявлений о поддержке церковно-политических начинаний Москвы, на что обращалось внимание в отечественной традиции[637].

В то же время для советской стороны, судя по всему, решающим являлся фактор того, что в отсутствие спонсирования со стороны Москвы Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский патриархаты сблизятся с Ватиканом либо будут еще более привязаны к Константинопольскому патриархату, чего РПЦ допустить не могла.

Существование религиозных аспектов палестинской проблематики и нерешенного имущественного вопроса делало первостепенной задачей развитие отношение с Иерусалимским патриархатом. Для уточнения обстановки в РДМ в Иерусалиме Москва даже пользовалась посредничеством митрополита Гор Ливанских Илии, что, как верно отмечает А.А. Климова, странно. По меньшей мере, по той причине, что в таком случае получалось,

---

[636] Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1970 гг. Т.1: Письма патриарха Алексия в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1963 гг.: / [под ред. Н.А. Кривовой; отв. сост. Ю.Г. Орлова; сост. О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С.214-215.

[637] Беглов А.Л. Заметки Г.Г. Карпова о поездке патриарха Алексия I (Симанского) на Ближний Восток в мае-июне 1945 года // Российский журнал истории Церкви. – 2023. – Т.4. – №3. – С.120.

что переговоры на канонической территории Иерусалимского патриархата должен был вести представитель Антиохийской Церкви[638].

Впрочем, это не означало наличия на публичном уровне напряженности между РПЦ и самим Иерусалимом: напротив, в январе 1947 г., непосредственно после упомянутой поездки на Ближний Восток делегации во главе с митрополитом Григорием, патриарх Иерусалимский Тимофей направил предстоятелю РПЦ письмо с заверениями, смысл которых сводился к тому, что по всем обсужденным с представителем РПЦ пунктам церковной повестки Иерусалим готов сделать все «в духе продолжительной солидарности с Вашим Блаженством и начальниками других Православных Церквей на Востоке»[639].

Сближение РПЦ и Иерусалимской Церкви соответствовало израильскому вектору советской внешней политики: и государственные, и церковные акторы были заинтересованы в развитии сотрудничества[640], однако их устремления были разнонаправленными.

Если Иерусалим был заинтересован в разрешении вопроса о своем международно-правовом статусе и, как следствие, о доступе к Святым Местам, на тему чего Антиохийской и Иерусалимской Православными Церквями был разработан проект совместного обращения в ООН[641], то РПЦ мыслила почти исключительно в парадигме укрепления советского влияния в Палестине.

По данному вопросу реальные позиции Церквей расходились: Иерусалим не был заинтересован в полном преодолении раскола внутри РПЦ и возвращении ей имущества, так как это могло бы привести к чрезмерному

---

[638] Климова А.А. Восстановление взаимоотношений Московской патриархии с Иерусалимским и Антиохийским патриархатами в 1946-1948 годах (к вопросу о назначении представителей) // Исторический журнал: научные исследования. – 2019. – №5. – С.128.

[639] Послание Иерусалимского Патриарха Тимофея Святейшему Алексию, Патриарху Московскому и всея Руси // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – №1. – С.3.

[640] Паламаренко Е.В. Христианское присутствие в Государстве Израиль на примере Русской духовной миссии в Иерусалиме: вызовы и перспективы // Миссия конфессий. – 2017. – №24. – С.101.

[641] Климова А.А. Взаимоотношения Русской Православной Церкви с Иерусалимским патриархатом в 1948-1953 годах в контексте советско-израильских отношений // Исторический журнал: научные исследования. – 2020. – №1. – С.54.

усилению русских иерархов в регионе и лишило бы Иерусалим шанса перевести часть имущества РДМ в собственность Братства Святого Гроба[642].

На этом фоне не кажется странным то, что, несмотря на все попытки Москвы добиться консенсуса по вопросу прекращения общения с раскольниками и сужения сферы их влияния на Ближнем Востоке, дело ограничивалось публичными заявлениями, расходящимися с реальными действиями.

Эта ситуация вызывала вопросы и у русского монашества в регионе, писавшего о том, что «в нашу церковь бросают камни, перебили стекла, впускают в церковь собаку… О. Антоний не протестует, вероятно, вследствие своего польского происхождения. Облагодетельствованные им поляки бранят Россию и клевещут на нее, все происходит безнаказанно…»[643].

Фрагментация русского православного пространства на Ближнем Востоке негативным образом сказывалась и на дипломатическом потенциале РПЦ в регионе: взаимная критика представителей двух лагерей отвлекала РПЦ от позитивной повестки, что видно по письмам схиигумении Евгении (Митрофановой), в которых она сообщала о том, что визит Алексия I 1945 г. произвел «обаятельное впечатление», «все мечтали о вторичном его приезде» и лишь представители РПЦЗ оказались «в позорной позиции», отвлекая на себя все внимание критикой церковной ситуации в Советском Союзе[644].

Осознание советским руководством уязвимости подобного положения дел при необходимости решения имущественного вопроса в пользу РПЦ привело к пересмотру сложившейся в церковном измерении конфигурации сил на Ближнем Востоке.

Ключевым фактором, позволившим осуществить эти изменения, стало провозглашение независимости Государства Израиль в мае 1948 г.: в связи с

---

[642] Паламаренко Е.В. Положение Русской духовной миссии в Иерусалиме Московского патриархата в Израиле и Иордании в 1948-1967 гг. // Христианское чтение. – 2019. – №3. – С.259.
[643] ГА РФ. Ф.Р-6991. Оп.1. Д.15. Л.61.
[644] Не могу молчать. (Из письма схиигумении Евгении г. Иерусалим). // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – №4. – С.52.

поддержкой советской стороной претензий еврейской общины на создание национального государства РПЦ было передано имущество РДМ в Иерусалиме, расположенное на территории новообразованного государства.

Таким образом, программа СССР и РПЦ по возвращению принадлежавшего ранее России имущества на Святой Земле была осуществлена: советское руководство предполагало, что закрепление РДМ в Иерусалиме за МП необходимо осуществить до возможного урегулирования палестинского кризиса, в результате которого Палестина могла быть разделена на американскую и британскую сферы влияния[645].

В то же время вопрос РДМ в Иерусалиме не был решен окончательно. Раскольники во главе с архимандритом Антонием сохранили контроль над имуществом РДМ в Иордании (до 1949 г. – Трансиордания). Сложилась ситуация, при которой РДМ оказалась разделенной между двумя государствами, а также РПЦ и РПЦЗ. Невозможность воссоединения русской общины в Иерусалиме под управлением РПЦ значительно усложняла сбор информации в городе[646], а разделенность Иерусалима затрудняла доступ к Святым Местам, что отражало и политическую поляризацию: иорданский монарх Абдалла I выступал против присутствия РДМ в Иерусалиме, настаивая на прекращении общения с представителями РПЦ[647].

Учитывая противоречия между всеми заинтересованными сторонами на Ближнем Востоке, включая церковных акторов, и разгоревшуюся арабо-израильскую войну, РПЦ пошла на переименование РДМ: в церковной печати сообщалось, что архимандрит Леонид (Лобачев) был назначен главой РДМ в Палестине, что должно было показать неангажированность русского православия и его желание воздержаться от обвинений в политизации

---

[645] Климова А.А. Восстановление взаимоотношений Московской патриархии с Иерусалимским и Антиохийским патриархатами в 1946-1948 годах (к вопросу о назначении представителей) // Исторический журнал: научные исследования. – 2019. – №5. – С.133.

[646] Паламаренко Е.В. Русскоязычная община Иерусалима в 1950-1951 гг. // Христианство на Ближнем Востоке. – 2017. – №3. – С.20.

[647] Климова А.А. Взаимоотношения Русской Православной Церкви с Иерусалимским патриархатом в 1948-1953 годах в контексте советско-израильских отношений // Исторический журнал: научные исследования. – 2020. – №1. – С.58, 60.

церковной деятельности[648]. Кроме того, как было объявлено Синодом, старое наименование уже не отражало реального положения дел и лишь сужало предметное поле РДМ[649].

РПЦ будет воздерживаться от заявлений, содержащих политическую оценку арабо-израильского конфликта, что во многом будет объясняться необходимостью балансирования между Антиохийским и Иерусалимским патриархатами.

Индикатором умеренности церковной риторики можно считать то, что на протяжении второй половины 1940-х гг. в ЖМП только один раз был опубликован материал, в котором упоминался сам факт ведения военных действий в рамках арабо-израильской войны: «Несмотря на то, что военные действия между арабами и евреями еще не закончены и что храмы и здания Миссии находятся всего в двухстах метрах от враждующей стороны, богослужения, состоявшиеся 24 и 25 февраля, собрали в храм большинство русских людей, проживающих в Иерусалиме»[650], – лишь эта заметка, посвященная проведению торжеств по случаю дня митрополита Алексия (Бяконта), позволяла читающей ЖМП пастве узнать о конфликте на Ближнем Востоке. Показательно, что даже в сообщении о празднестве к Дню Святой Троицы, опубликованном уже после завершения первой арабо-израильской войны, церковные авторы воздержались от любых комментариев на тему мира в регионе[651].

Таким образом, на раннем этапе «холодной войны» РПЦ рассматривала ближневосточное направление в качестве одного из основных треков внешнеполитической активности, что было связано как с необходимостью восстановления присутствия в регионе и стремлением вернуть собственность,

---

[648] Русская Духовная Миссия в Палестине // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №3. – С.8.

[649] Паламаренко Е.В. Русскоязычная община Иерусалима в 1950-1951 гг. // Христианство на Ближнем Востоке. – 2017. – №3. – С.16.

[650] День Ангела Святейшего Патриарха Алексия в Иерусалиме // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №4. – С.5.

[651] Торжественное богослужение в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №8. – С.13.

контролируемую РПЦЗ, так и потребностью в укреплении связей с тремя православными автокефальными Церквями, осуществляющими свою деятельность на Ближнем Востоке.

Интересы советского государства и Церкви в данном случае совпадали: осознание политической и экономической значимости региона вкупе с актуализацией палестинского вопроса стали причинами, по которым Кремль был заинтересован в укреплении позиций РПЦ на Ближнем Востоке в целях улучшения имиджа СССР и расширения списка потенциальных союзников.

В то время как основными противниками советской дипломатии в регионе являлись Великобритания и США, РПЦ была вынуждена искать инструменты противодействия политике РПЦЗ, Константинопольского патриархата и Ватикана, хотя последний и не воспринимался в Москве в качестве актора, способного определять динамику церковно-политических процессов на Ближнем Востоке.

«Церковная дипломатия» РПЦ, как и подход МИД СССР, не предполагала поддержку лишь одной из сторон арабо-израильского конфликта, вследствие чего отечественным иерархам удалось сохранить адекватные отношения со всеми патриархатами, а в случае диалога с Иерусалимом еще и добиться возвращения Москве ее собственности, что, по мнению современных исследователей, следовало бы считать «оттепелью в отношениях Церкви и государства»[652].

В то же время добиться полной поддержки ближневосточных Церквей в деле становления Москвы в качестве центра мирового православия не получилось: поляризация и фрагментация политического и церковного пространства на Ближнем Востоке, а также сохраняющаяся зависимость церковных структур от Великобритании обусловили невозможность сближения РПЦ и ближневосточных патриархатов за пределами региональной позитивной повестки.

---

[652] Паламаренко Е.В. Христианское присутствие в Государстве Израиль на примере Русской духовной миссии в Иерусалиме: вызовы и перспективы // Миссия конфессий. – 2017. – №24. – С.102.

Соответственно, можно говорить о частичной реализации поставленных перед РПЦ задач: без транспонирования советской модели государственно-церковных отношений, которую было реалистично воссоздать в Восточной Европе, но не на Ближнем Востоке, можно было говорить лишь о ситуативных союзах с ближневосточными патриархатами, а также благожелательном нейтралитете с их стороны, но не о их интеграции в «блок церквей» под руководством Москвы.

3.3 Деятельность РПЦ в Восточной Азии

Завершение Второй мировой войны и актуализация борьбы за сферы влияния детерминировали ключевые политические тренды и в Восточной Азии. Изменение конфигурации сил в регионе, связанное с поражением милитаристской Японии и ее капитуляцией на борту линкора «Миссури», привело, во-первых, к необходимости определить основные направления политики держав-победительниц в отношении Японии в условиях стремления США обеспечить свои позиции на архипелаге и, во-вторых, к становлению независимого государства на Корейском полуострове, на территории которого уже в 1948 г. формализовались два государственных образования, политико-идеологические курсы которых были антагонистичны. В то же время завершение мирового конфликта обусловило возобновление гражданской войны в Китае между коммунистами и партией «Гоминьдан».

Несмотря на концентрацию советского руководства прежде всего на европейских реалиях, политические процессы в Восточной Азии также подверглись инерции «холодной войны»[653].

Как и в случае ситуации на европейском континенте, первые месяцы после завершения Второй мировой войны были отмечены попытками союзников найти шаткий консенсус по основным вопросам региональной повестки: в частности, в конце 1945 г. было согласовано создание Дальневосточной консультативной комиссии (с декабря 1945 г. – Дальневосточная комиссия) и Контрольного (Союзного) совета по Японии, которые бы позволили, как отмечали советские дипломаты, «проводить в отношении ее согласованную политику и нести совместную ответственность»[654].

---

[653] Торкунов А.В. О некоторых вопросах послевоенного мирового устройства (выступление на годовом собрании Российского исторического общества 9 сентября 2015 года) // Вестник МГИМО-университета. – 2015. – №5(44). – С.208.

[654] Внешняя политика Советского Союза: 1945 год: Документы и материалы: 4 сентября – 31 декабря 1945 года. – М., Госполитиздат, 1949. – С.72.

Однако уже на Московской конференции (Московской сессии СМИД) в декабре 1945 г. будет зафиксирована поляризация регионального политического пространства, выражавшаяся в фактическом признании Южной Кореи в качестве сферы влияния США и Северной – как сферы влияния СССР. Впрочем, на данном этапе стороны еще признавали необходимость учреждения совместной комиссии из числа представителей военного командования обеих стран «для оказания содействия образованию Временного Корейского Правительства»[655].

В отношении Китая Москва придерживалась политики невмешательства, опирающейся в т.ч. на положения Договора о дружбе и союзе, заключенного в августе 1945 г.: ст.5 были предусмотрены «принципы взаимного уважения их суверенитета и территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела другой Договаривающейся стороны»[656]. Несмотря на то, что еще в предвоенный период Москва оказывала поддержку гоминданьновскому режиму, рассматривая его в качестве естественного союзника в борьбе против Токио[657], в октябре 1949 г. после провозглашения Китайской Народной Республики СССР стал первым государством, признавшим китайское коммунистическое правительство.

Дальнейшее развитие двусторонних отношений, подчеркивал Мао Цзэдун в телеграмме на имя И.В. Сталина, опубликованной в «Правде» 14 февраля 1952 г., было направлено на создание союза, который «является непобедимой силой и прочной гарантией в борьбе против империалистической агрессии и для защиты мира и безопасности на Дальнем Востоке»[658].

---

[655] Там же, С.160.

[656] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. 1 января – 3 сентября 1945 г.: Док. и материалы / Ред.-сост. С. Майоров. – М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1947. – С.460.

[657] Лузянин С.Г. Восстановление правды. СССР и Китай в 1931-1945 гг. // Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне: Тезисы докладов российско-китайской научной конференции, Москва, 05–06 мая 2015 года. – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2015. – С.14-15.

[658] Советско-китайские отношения. 1952-1955: Сборник документов – ИП Пермяков С.А., 2015. – С.11.

В этих условиях свою деятельность должна была осуществлять и РПЦ, чей подход в Восточной Азии значительно отличался от проводимого в Восточной Европе либо на Ближнем Востоке по нескольким причинам.

Во-первых, позиции православия в Китае, Корее и Японии были значительно слабее, нежели в других регионах, что, впрочем, не означало полного отсутствия православной паствы в перечисленных странах.

Из этого пункта проистекает и второй тезис, связанный с отсутствием в Восточной Азии автокефальных Церквей, вследствие чего РПЦ, одной из целью которой являлось рассмотренное ранее образование блока церковных институтов, поддерживающих курс Москвы, должна была при осуществлении своей деятельности опираться на традицию не межцерковного диалога, а прежде всего работы с РДМ в Китае, Корее и Японии, относящихся к канонической территории самой РПЦ.

Наконец, международная деятельность РПЦ, направленная на укрепление позиций православия в регионе и возможное использование потенциала внешней церковной деятельности для развития отношений с региональными игроками, осложнялась политической линией государств Восточной Азии: если КНР и КНДР, взявшие курс на строительство коммунизма, воспринимали религию как атавизм и вели антирелигиозную пропаганду, ограничивающую возможности отечественных иерархов (в меньшей степени это было характерно для китайской стороны, подчеркивавшей, что в состав Всекитайского общества китайско-советской дружбы входят и «представители религиозных кругов», а народы КНР и СССР заняты «обменом опытом и духовными ценностями»[659]), то на территории Республики Корея и Японии, рассматриваемых в качестве сфер влияния Запада, несмотря на их сдержанную позицию в отношении православия per se, РПЦ не могла задействовать весь свой потенциал по политическим причинам.

[659] Советско-китайские отношения. 1952-1955: Сборник документов – ИП Пермяков С.А., 2015. – С.60, 62.

По итогу складывалась парадоксальная ситуация, при которой распространение православия в сферах влияния СССР было ограничено по идеологическим соображениям, отказ от церковной и миссионерской работы грозил значительным ослаблением позиций православия в регионе, а сохраниться они могли лишь при работе отечественного духовенства в странах, воспринимаемых в качестве геополитических противников[660].

Дополнительно усложняла ситуацию специфика управления церковными административными единицами в Восточной Азии. После революции 1917 г. и начала гражданской войны в России на территорию Китая бежало большое количество противников большевистского режима (кроме того, именно в Китай были переправлены останки Алапаевских мучеников[661]), вследствие чего изменились приоритеты РДМ в Китае[662].

Со временем в Китае началась, по выражению Е.В. Дроботушенко, «неразбериха»[663], связанная с тем, что управление православием в стране номинально взяла на себя РПЦЗ, однако она не поддерживала контакт с местным духовенством, в результате чего кадровая политика проводилась в нарушение устоявшейся церковно-православной традиции. Советское же государство с 1920-х гг. и вплоть до 1945 г. де-факто не поддерживало связей с РДМ в Китае, вследствие чего понимания того, что происходит на этих территориях, у РПЦ не было[664].

В самом Китае сосуществовали Харбинская епархия, учрежденная в 1922 г. (викариатства в Хайларе и Цицикаре), открытая в том же году

---

[660] Чхве П., иером. Прекращение деятельности Корейской миссии Русской Православной Церкви в 1948-1949 гг. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. – 2020. – №2(5). – С.237.
[661] Блохин В.С. История поместных Православных Церквей: учебник. – Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2022. – С.223.
[662] Поздняев Д., свящ. Православие в Китае (страницы истории) // Россия и современный мир. – 2001. – №1. – С.168.
[663] Дроботушенко Е.В. Проблемы церковно-административного управления православием на севере и северо-востоке Китая в середине 1940-х гг. // Известия лаборатории древних технологий. – 2022. – Т.18. – №2(43). – С.157-158.
[664] Хисамутдинов А.А. Духовные миссии в Китае, Корее и Японии (конец XIX — первая половина XX вв.) // Известия Восточного института. – 2012. – № 2(20). – С.99.

Пекинская и Китайская епархия (викариатства в Тяньцзине и Шанхае), а также благочиние в Синьцзяне, просуществовавшее до 1931 г.[665]

Конкуренция между возглавлявшими их лицами и отсутствие контактов с церковным руководством привели к фрагментации православного пространства в Китае: исходя из этого, ясно, что одной из первостепенных задач РПЦ в 1945 г. будет реструктуризация православного поля в стране и создание вертикали церковной власти в регионе с учетом местной специфики.

Немногим лучше обстояли дела в Корее, РДМ в которой вела свою деятельность с 1900 г. В межвоенный период в Сеуле наблюдалась «"гражданская война" среди сеульских русских»[666], однако конфронтация миссии с генконсульством СССР способствовала ее выживанию и символизировала в глазах национальных властей отсутствие угрозы распространения коммунистических идей посредством деятельности православных миссионеров[667].

РДМ в Корее поддерживала контакты с православными структурами в Японии, которые возглавлял митрополит Токийский и Японский Сергий (Тихомиров). В частности, последний оказал поддержку РДМ в Корее, когда с соответствующей просьбой обратился архимандрит Феодосий (Перевалов), жаловавшийся на отсутствие у РДМ материальных средств для ведения какой бы то ни было профильной деятельности. В дальнейшем митрополит Сергий будет выступать в пользу того, чтобы архимандрит Феодосий со временем стал его преемником в Токио, что, впрочем, противоречило японскому законодательству[668].

Примечательно, что РДМ в Корее де-факто являлась единственной миссией, оставшейся в ведении МП: даже с учетом специфических отношений

---

[665] Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. – С.162-164.

[666] Шкаровский М.В. Русская православная духовная миссия в Корее // Христианское чтение. – 2010. – №2. – С.96.

[667] Чхве П., иером. Прекращение деятельности Корейской миссии Русской Православной Церкви в 1948-1949 гг. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. – 2020. – №2(5). – С.227.

[668] Хисамутдинов А.А. Духовные миссии в Китае, Корее и Японии (конец XIX — первая половина XX вв.) // Известия Восточного института. – 2012. – № 2(20). – С.109.

с Японской Церковью миссия в Корее продолжала оставаться в подчинении РПЦ[669]. Несмотря на затруднительное материальное положение, глава миссии отец Поликарп (Приймак), назначенный в 1941 г. архимандритом, продолжал попытки собрать паству и сохранить позиции православия на вверенных ему территориях.

Положение православия в Японии также изменилось под влиянием революции и гражданской войны в России, кроме того, часть зданий миссии была разрушена в результате великого землетрясения Канто (Токийского землетрясения) 1923 г. Несмотря на это, митрополит Сергий смог за 1920-1930-е гг. восстановить церковную инфраструктуру и добился открытия нескольких школ, где велось изучение русского языка.

Поворотным для РДМ в Японии стал 1940 г., когда в стране был принят закон, ставивший все церковные структуры и религиозные организации в Японии под контроль местных властей, а также допускавший процедуру передачи церковной власти лишь в соответствии с нормами модельного устава, составленного национальным Министерством народного просвещения. Вследствие этого митрополит Сергий был вынужден отойти от управления миссией, а РДМ в Японии де-факто прекратила свое существование[670], хотя и де-юре продолжала свою деятельность во главе с Арсением Ивасавой, вступившим в диалог с РПЦЗ. В то же время, подчеркивает М.В. Шкаровский, митрополит Сергий не складывал с себя полномочий главы РДМ, несмотря на навязанное миссии прекращения общения с МП[671].

Таким образом, на момент 1945 г. перед РПЦ стояли задачи прежде всего восстановления управления этими территориями и миссиями и воссоединения паствы. В отличие от Восточной Европы и Ближнего Востока, в Восточной

---

[669] Шкаровский М.В. Русская православная духовная миссия в Корее // Христианское чтение. – 2010. – №2. – С.102.
[670] Хисамутдинов А.А. Духовные миссии в Китае, Корее и Японии (конец XIX — первая половина XX вв.) // Известия Восточного института. – 2012. – № 2(20). – С.106.
[671] Шкаровский М.В. Русская православная духовная миссия в Корее // Христианское чтение. – 2010. – №2. – С.101.

Азии изначально не шло речи о том, чтобы использовать возможности РПЦ для налаживания диалога с православными структурами, которые должны были бы поддержать позицию Москвы на многосторонних переговорах.

Несмотря на кажущуюся меньшую заинтересованность советского руководства в этом региональном направлении церковной деятельности, стоит учитывать, что усиление позиций православия в Восточной Азии представляло особый интерес в связи с тем, что улучшение имиджа РПЦ среди местного русскоязычного населения позволяло преодолеть стереотипы о советской власти, распространенные в эмигрантской среде. Соответственно, в условиях необходимости повысить престиж СССР в регионе, также подвергшемся инерции «холодной войны», деятельность РПЦ в Восточной Азии могла быть интересна советскому руководству как инструмент «мягкой силы».

Первые шаги РПЦ на восточноазиатском направлении были сделаны уже в 1945 г. Обращение дальневосточных иерархов, сделанное еще в годы Великой Отечественной войны и подкрепленное решением прошедшего в июле Епископского совещания, привело к организации патриаршей делегации в Харбин, возглавляемой епископом Ростовским и Таганрогским Елевферием (Воронцовым): последним отмечалось «невиданное для Харбина торжество – сослужение архипастырей Камчатско-Петропавловской и Харбинской епархий с Патриаршей делегацией»[672].

С учетом риторики дальневосточных церковных деятелей, восхвалявших И.В. Сталина и СССР еще, по меньшей мере, с августа 1945 г.[673], сомнений в лояльности обратившихся к РПЦ архиепископа Хайларского Дмитрия (Вознесенского) и епископа Цицикарского Ювеналия (Килина) практически

---

[672] Разумовский Г., свящ. Патриаршая делегация в Харбине // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №12. – С.15.

[673] См., напр.: Нестор (Анисимов), архиеп. Приветственное слово победоносному воинству Красной Армии, произнесенное на митинге 2 сентября в г. Харбине // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №11. – С.29-31.; Нестор (Анисимов), архиеп. Слово, произнесенное на молебне в Харбине 19 августа по случаю победы над Японией // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №11. – С.27-28.

не было[674]. Таким образом, к концу 1945 г. прошло воссоединение ряда иерархов с РПЦ, а также было восстановлено ее каноническое общение с православными в Китае[675].

Необходимость нормализации вопросов административного управления в Китае послужила причиной того, что в конце 1945 г. патриархией был учрежден Восточноазиатский митрополичий округ, в июне 1946 г. преобразованный в Восточноазиатский экзархат, во главе которого был поставлен архиепископ, а затем митрополит Харбинский и Маньчжурский Нестор (Анисимов). Соответственно, на территории Китая с этого момента сосуществовали две административные единицы – Восточноазиатский экзархат и РДМ в Пекине, руководство которой осуществлял архиепископ Пекинский и Китайский Виктор (Святин). Усиление позиций православия в Китае было особенно значимым на фоне действий иезуитов и Базилианского ордена, проводящих в регионе прозападную политику[676].

Митрополитом Нестором была развернута широкая деятельность по работе с православной паствой на вверенных ему территориях: так, в начале 1948 г. в Харбине удалось открыть православный лицей им. Александра Невского, в городе появилась миссионерская Благовещенская церковь, реорганизованная из Благовещенского храма при Пекинском подворье в Харбине[677].

Тем не менее говорить о крупных успехах православных деятелей в Китае не приходится. На фоне противостояния между «Гоминьданом» и коммунистами в Москву приходили доклады, что «православные китайцы

---

[674] Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1970 гг. Т.1: Письма патриарха Алексия в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1963 гг.: / [под ред. Н.А. Кривовой; отв. сост. Ю.Г. Орлова; сост. О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С.77.

[675] Дроботушенко Е.В. Проблемы церковно-административного управления православием на севере и северо-востоке Китая в середине 1940-х гг. // Известия лаборатории древних технологий. – 2022. – Т.18. – №2(43). – С.159.

[676] Поздняев Д., свящ. Православие в Китае (страницы истории) // Россия и современный мир. – 2001. – №1. – С.171.

[677] Дроботушенко Е.В. Деятельность Восточно-Азиатского экзарха Нестора (Анисимова) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – №7. – С.204.

держат нейтралитет, боясь обвинения их в “политике”», связь же с паствой в провинциях была практически утеряна[678]. В направленном в 1949 г. в патриархию отчете прямо указывалось на то, что «наша миссия за эти последние три года находится на положении бесправной миссии и потому приходится вести работу весьма осторожно»[679].

В то же время церковная печать сообщала и об отдельных успехах на китайском треке. К примеру, в 1949 г. было объявлено о том, что уже второй год в Синьцзяне ведет пастырскую работу о. Дмитрий Млодзяновский, при котором удалось развенчать часть слухов о положении православной Церкви в России и пропаганду о СССР[680]. Вместе с тем РПЦ была вынуждена продолжать борьбу с католическим и протестантским влиянием в стране: церковными авторами подчеркивалось, что акции папизма направлены на то, «чтобы приобрести Римскому престолу новые церковные колонии»[681]. Подтверждалось это пропагандистской направленностью миссионерской работы западных священнослужителей в Китае и стремлением, как заявляла церковная периодика, провести вестернизацию и американизацию китайской молодежи.

Отдельные инциденты происходили и при взаимодействии отечественных иерархов с местными властями: в октябре 1946 г. архиепископ Виктор был арестован по обвинению в участии в Антикоминтерновском Союзе Северного Китая и был отпущен лишь благодаря скоординированным действиям советских дипломатов и сына Чан Кайши[682]. Задержан был и митрополит Нестор, которому в 1948 г. предъявили обвинение в коллаборационизме с японскими милитаристами, после чего его

---

[678] ГА РФ. Ф.Р-6991. Оп.1. Д.588. Л.144.
[679] Там же, Л.141.
[680] Свет русского Православия в провинции Синьдзян, в Западном Китае // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №3. – С.8.
[681] Лапин Г. Работа католиков и протестантов в Китае // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №7. – С.24.
[682] Поздняев Д., свящ. Православие в Китае (1900-1997). – М.: Изд. Свято-Владимирского братства, 1998. – Текст: электронный. – URL: http://www.orthodox.cn/localchurch/pozdnyaev/index_ru.html. – Дата доступа: 15.07.2024.

депортировали в СССР, где лишь в 1956 г. он вновь смог приступить к служению.

Положение православных в Японии осложнялось тем, что в первой половине 1940-х гг. в стране сложились две конкурирующие группировки, одна из которых пользовалась покровительством военных и полиции Токио[683]. На фоне развернувшейся в стране к концу Второй мировой войны шпиономании был арестован и подвергнут пыткам митрополит Сергий, который скончался вскоре после американской бомбардировки Хиросимы и Нагасаки.

Практически сразу после этого православные иерархи в Японии обратились к Алексию I с просьбой о воссоединении с РПЦ[684], на что Москва пообещала «прислать своего представителя для выяснения положения Японской Церкви»[685]. Параллельно с этим в марте 1946 г. предстоятель РПЦ направил Г.Г. Карпову свои соображения относительно поездки патриаршей делегации в Японию[686]: планировалось уточнить «возглавление и ориентацию»[687] японских православных структур, по возможности сведя вопрос о их воссоединении с РПЦ к механической процедуре в связи с тем, что японские иерархи подчинялись Харбинской митрополии, уже перешедшей на тот момент в юрисдикцию патриарха Московского и всея Руси.

Прошедший в апреле 1946 г. Всеяпонский собор постановил обратиться к Православной Церкви в США, откуда должен был быть командирован русский епископ, находящийся в подчинении МП[688]. Однако вскоре после

---

683 Григорьева М.Н. Деятельность Русской Православной Церкви в Японии (1912-1945 гг.) под началом митрополита Сергия (Тихомирова) // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2003. – №13. – С.295.
684 ГА РФ. Ф.Р-6991. Оп.1. Д.23. Л.8.
685 Там же, Л.9.
686 Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1970 гг. Т.1: Письма патриарха Алексия в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1963 гг.: / [под ред. Н.А. Кривовой; отв. сост. Ю.Г. Орлова; сост. О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С.140.
687 ГА РФ. Ф.Р-6991. Оп.1. Д.23. Л.14.
688 Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1970 гг. Т.1: Письма патриарха Алексия в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1963 гг.: /

этого активизировалась Северо-Американская митрополия РПЦЗ во главе с митрополитом Феофилом: Дальневосточный отдел МИД СССР предупреждал о том, что американские раскольники предложили японцам свою кандидатуру, потенциально способную возглавить православную Церковь в стране.

Обсуждение этой альтернативы не было встречено консенсусом со стороны японских иерархов, однако вызвало у Посольства СССР в Японии потребность в срочном вызове в Токио представителей РПЦ для укрепления советских позиций[689]. Американской же стороной особо подчеркивалось, что направляемый ей в Японию священнослужитель не является уроженцем России[690].

Проведенный в январе 1947 г. Собор, созванный делегированным из США епископом Вениамином (Басалыгой), отменил решение Всеяпонского собора 1946 г., тем самым нанеся удар по позициям РПЦ в стране. Советским внешнеполитическим ведомством акцентировалось внимание на том, что «сделано это по прямому вмешательству американских оккупационных властей»[691]. Попытка же Алексия I командировать в Японию делегацию в составе двух епископов натолкнулась на противодействие со стороны Вашингтона, намеренно затягивавшего вопрос о их въезде в страну для недопущения усиления московского влияния[692].

Таким образом, противостояние СССР и США в Японии отразилось и на положении православия в стране. На момент 1949 г. констатировалось, что православное пространство фрагментировано, «большая половина священнослужителей и верующих склонны к расколу…»[693]. Невозможность его преодолеть следовала как из «преобладающего влияния»[694] американцев в

[под ред. Н.А. Кривовой; отв. сост. Ю.Г. Орлова; сост. О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С.192.

[689] ГА РФ. Ф.Р-6991. Оп.1. Д.23. Л.26.

[690] Там же, Л.29.

[691] Там же, Л.50.

[692] Там же, Л.45.

[693] ГА РФ. Ф.Р-6991. Оп.1. Д.588. Л.100.

[694] Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2006. – С.372.

Японии, так и, возможно, из того, что традиция сочетания отечественных государственно-церковных интересов в Японии была относительно слабой[695].

Несмотря на то, что у РПЦ сохранялись симпатизанты в стране, готовые следовать ее подходу, а не идти на сближение с Северо-Американской митрополией, тем не менее патриархия осознавала, что подобных людей мало: в частности, в апреле 1949 г. отмечалось, что другом России остается епископ Токийский и Японский Николай (Оно), однако он не пользовался большим авторитетом у населения, а других кандидатур на позицию главы РДМ в Японии центр не видел[696].

В периодической печати размещались ответы Москвы на приходившие из Японии письма частных лиц, рассматривавших существенное усиление Вашингтона в стране в качестве угрозы мирному сосуществованию народов Азии[697], но людей, разделявших подобную позицию, было слишком мало, чтобы опереться на них для продвижения повестки МП в Японии.

Наконец, в Корее, РДМ в которой вошла в состав Восточноазиатского экзархата, а затем была объявлена «временно самостоятельной», во главе православной общины оказался архимандрит Поликарп (Приймак), действующий в юрисдикции РПЦ[698].

Религиозное измерение сказалось и на миграционных процессах на Корейском полуострове: противники советской власти направлялись с севера полуострова на юг, в то время как эмигранты, чье мнение о СССР улучшилось в связи с его вкладом в борьбу против нацизма, переезжали из Сеула на север[699]. Подозрительность южнокорейских властей, рассматривавших деятельность РДМ в Корее в качестве разведывательной, близость к Японии,

---

[695] Беглов А.Л. Международная деятельность Русской Православной церкви в период «нового курса» в государственноцерковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т.11. – №4. – С.106.

[696] ГА РФ. Ф.Р-6991. Оп.1. Д.588. Л.103-104.

[697] Николай (Ярушевич), митр. Письмо пастору Иосуйской баптистской церкви проф. Токийского университета г-ну Козо Абэ В.Д. // Журнал Московской Патриархии. – 1952. – №5. – С.25.

[698] Чхве П., иером. Прекращение деятельности Корейской миссии Русской Православной Церкви в 1948-1949 гг. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. – 2020. – №2(5). – С.229.

[699] Шкаровский М.В. Русская православная духовная миссия в Корее // Христианское чтение. – 2010. – №2. – С.105.

раскол православного пространства которой был обозначен ранее, и недовольство части эмигрантских кругов готовностью архимандрита Поликарпа сотрудничать с Москвой предопределили тяжелое положение миссии, а также попытки избавиться от главного проводника советского влияния в церковной сфере в Корее[700].

Епископ Вениамин, направленный ранее в Японию Северо-Американской митрополией РПЦЗ, в 1948 г., не имея на то полномочий, назначил главой РДМ в Корее диакона Алексия Кима. После этого в декабре 1948 г. архимандрит Поликарп и его мать были арестованы южнокорейскими властями, реквизировавшими имущество миссии[701]. В дальнейшем священнослужитель сообщит об условиях его заключения: «Первые четыре дня я не мог ни есть, ни спать, так вокруг меня всё было бесчеловечно и жестоко… В суд нас водили в ручных кандалах на веревке»[702]. Освобожденный из тюрьмы архимандрит, сразу после этого получивший советское гражданство, предпринял попытку законными средствами возвратить имущество миссии, однако вскоре был повторно задержан по обвинению в предоставлении «Советскому Правительству услуг шпионского характера»[703].

Представитель РПЦ был подвергнут пыткам и лишь после этого был переправлен через 38-ую параллель: после недолгого пребывания в Пхеньяне архимандрит был направлен в Харбин, где продолжил духовную службу. На вопрос Алексия I, какими, по мнению архимандрита Поликарпа, должны быть дальнейшие шаги РПЦ для восстановления РДМ в Корее, им было замечено, что «все движимое и недвижимое имущество Миссии незаконно отдано через полицию корейцам, признавшим феофиловскую юрисдикцию», а продолжение работы РДМ в Корее возможно лишь при условии, что «будет

---

[700] Чхве П., иером. Прекращение деятельности Корейской миссии Русской Православной Церкви в 1948-1949 гг. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. – 2020. – №2(5). – С.232.
[701] ГА РФ. Ф.Р-6991. Оп.1. Д.588. Л.97.
[702] Заявление Главы Русской Православной Миссии в Сеуле архимандрита Поликарпа // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №8. – С.11.
[703] Там же, С.11.

восстановлена законная власть в Южной Корее»[704]. Таким образом, к 1950 г. РДМ в Корее де-факто была захвачена противниками РПЦ и советской власти.

Отдельно стоит остановиться на деятельности РПЦ в контексте Корейской войны, повлиявшей на эволюцию церковных политики и риторики. Несмотря на отдельные заявления советских дипломатов в ООН (например, что Корея «фактически является колонией» США[705]), Москва не была заинтересована в инициировании военных действий на полуострове и не являлась актором, чей курс спровоцировал начало конфликта: как было показано отечественными кореистами, «"войной Сталина" Корейская война не была», однако у Кремля могло быть убеждение в назревании в Республике Корея революционной ситуации[706]. Соответственно, могли планироваться быстрое падение режима Ли Сын Мана, а также подрыв авторитета Соединенных Штатов в случае принятия ими решения об участии в конфликте.

Для понимания подхода РПЦ в отношении военных действий на полуострове также значимо замечание В.Т. Юнгблюда и Д.А. Садакова о существенности роли ООН в «легитимизации решения о вмешательстве в корейские дела»[707] в связи с тем, что де-юре действия КНДР в 1950 г. не могли считаться основанием для активации статей двусторонних соглашений между Соединенными Штатами и Республикой Корея. По этой причине риторика РПЦ была направлена на скорейшее прекращение конфликта, но акцентирования роли многосторонних площадок, в особенности ООН, в ней не наблюдалось. В отличие от современных авторов, полагающих, что Корейская война носила «локальный характер»[708], РПЦ подчеркивала, что

---

[704] Телеграмма Святейшего Патриарха Алексия архим. Поликарпу и ответная телеграмма архим. Поликарпа // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №8. – С.12.

[705] Внешняя политика Советского Союза: 1947 год.: Документы и материалы. Часть 2: Июль – декабрь 1947 года. – М., Госполитиздат, 1952. – С.188.

[706] Асмолов К.В. Об «ответственности внешних сил» за начало Корейской войны // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – №3. – С.143.

[707] Юнгблюд В.Т., Садаков Д.А. Дипломатическое обеспечение вмешательства США в Корейскую войну. Опыт кризисного регулирования // Вестник МГИМО-университета. – 2018. – №4(61). – С.244.

[708] Холодная война: в 2 т. – (Военная история Российского государства / под ред. В.А. Золотарева) – М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. Т. 1: Противостояние двух сверхдержав / Путилин Б.Г., Золотарев В.А. – С.208.

военные действия могут распространиться и за пределы Корейского полуострова, призывая бороться с «воздушными пиратами», которые «расстреливают мирное население Кореи»[709].

Особая значимость Корейской войны для церковных институтов подчеркивается и в западной науке: исследователями высказывались предположения, что «Корейская война – это мини-театр схватки в рамках “холодной войны”, в котором два противоборствующих лагеря противостояли друг другу не только в военном, но также в политическом, социальном и идеологическом измерениях»[710].

Своей риторикой РПЦ внесла вклад в идеологизацию конфликта, стремясь показать агрессивность внешнеполитической линии США и в рамках деятельности ДСМ подчеркнуть невозможность сотрудничества с американским истеблишментом: так, «элегантные американцы в Корее», по мнению церковных иерархов, превзошли по масштабу разрушений и причиненных гражданскому населению страданий варварские племена, а «Атилла и Батый были малыми детьми» по сравнению с ответственными за проведение внешнеполитического курса деятелями Белого дома[711].

Дискурс РПЦ в отношении событий на Корейском полуострове был производным от государственной линии, однако отдельные аспекты корейской проблематики церковь стремилась акцентировать на постоянной основе. Одним из важнейших элементов церковного подхода к освещению тематики Корейской войны являлось педалирование нарушения прав малых наций, борющихся за свою независимость: для РПЦ было принципиально то, что американцы «вторглись в небольшую Корею и там хозяйничают, не считаясь ни с волей народа, ни с его национальным достоинством»[712].

---

[709] Питирим (Свиридов), архиеп. Церковный и патриотический долг // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №8. – С.22.

[710] Religion and the Cold War: A Global Perspective / ed. by P.E. Muehlenbeck. – Nashville: Vanderbilt University Press, 2012. – PP.88.

[711] Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Ко Второму Всемирному конгрессу сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №11. – С.17.

[712] Доктусов Н., проф. Православная Церковь и мир // Журнал Московской Патриархии. – 1951. – №1. – С.10.

Не останавливаясь на предпосылках начала конфликта, отечественные деятели выводили преемственность американской политики из нацистской линии, считая, что «Гитлер и его слуги могли бы позавидовать генералу Макартуру и его сподвижникам по корейской агрессии»[713]. Соответственно, можно сделать вывод о том, что в контексте Корейской войны РПЦ работала преимущественно с негативной повесткой: в ее выступлениях по корейскому вопросу не прослеживалось конструктивных предложений касательно процедуры примирения враждующих сторон и дальнейшего постконфликтного регулирования.

Вместо этого деятельность православных авторов была направлена на конструирование идентичности двух лагерей, причем упор делался именно на антагонизацию США и их союзников, из-за международной активности которых мир «движется по линии тотализации (фашизации)»[714]. Целью проведения соответствующих кампаний со стороны РПЦ можно считать повышение международного престижа СССР, который, как было показано современными исследователями, после Корейской войны скорее укрепился, если говорить о восприятии стран «третьего мира»[715].

Помимо выступлений на площадках ДСМ с заявлениями, сообразными как советскому внешнеполитическому курсу, так и специфике подхода РПЦ в рассматриваемый период, церковь участвовала в реализации кампаний, воспринимаемых современной наукой в качестве тех, что говорили о «полной несамостоятельности и управляемости церковного руководства»[716]. Наиболее ярким проявлением задействования РПЦ в подобных акциях являлся нарратив об использовании на Корейском полуострове бактериологического оружия. Несмотря на то, что в публичном пространстве подозрения в использовании

---

[713] Николай (Ярушевич), митр. Речь на первой сессии Всемирного Совета Мира // Журнал Московской Патриархии. – 1951. – №3. – С.17.

[714] Андреев А. Мир по святоотеческим воззрениям // Журнал Московской Патриархии. – 1952. – №10. – С.16.

[715] Холодная война: в 2 т. – (Военная история Российского государства / под ред. В.А. Золотарева) – М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. Т. 1: Противостояние двух сверхдержав / Путилин Б.Г., Золотарев В.А. – С.276.

[716] Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40-50-х годов XX века: Очерки истории. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – С.131.

подобных вооружений появились лишь в мае 1951 г.[717], православные деятели предупреждали об «ужасах атомного и бактериологического истребления» еще в самом начале Корейской войны[718]. В ноябре 1950 г. РПЦ вновь предостерегла против использования «чумных бацилл и холерных вибрионов» в качестве оружия и прямо указала на ВС США, подозреваемые в использовании этого вида вооружений[719].

Православные иерархи не давали развернутых комментариев на тему опасности разработки и применения бактериологического оружия, однако к самой проблематике периодически возвращались. Так, в самом начале 1953 г. была опубликована речь митрополита Николая, объявившего на Конгрессе народов в защиту мира, прошедшем в декабре 1952 г. в Вене, о несовместимости христианских ценностей и самих мыслей о допустимости применения «напалмового огня и чумной бациллы»[720]. Даже с учетом того, что на сегодняшний день профильные специалисты подчеркивают, что в Корее бактериологическая война действительно «велась с экспериментальными целями»[721], задействование советскими властями РПЦ в пропагандистской кампании против применения ОМУ воспринималось двойственно, так как отражало полное следование православных иерархов в русле государственного дискурса.

В то же время включение РПЦ в число институтов, отстаивавших позицию, сформулированную Москвой, подтверждает тезис об использовании православных структур в целях максимального распространения прогосударственной точки зрения и ее интерпретации среди верующего

---

[717] Dobrenko V. The Soviet “Struggle for Peace”, the United Nations, and the Korean War // Journal of Cold War Studies. – 2024. – Vol.26. – №1. – PP.33.

[718] Николай (Ярушевич), митр. В защиту мира. Речь на Конференции духовенства всех христианских исповеданий Чехословакии по вопросам защиты мира // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №7. – С.13.

[719] Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Ко Второму Всемирному конгрессу сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №11. – С.17.

[720] Николай (Ярушевич), митр. Речь на Конгрессе народов в защиту мира // Журнал Московской Патриархии. – 1953. – №1. – С.27.

[721] Супотницкий М.В. Забытая биологическая война на Корейском полуострове – технические детали // Вестник войск РХБ защиты. – 2020. – Т.4. – №4. – С.458.

населения, что позволяет говорить о РПЦ как об инструменте «мягкой силы» советского государства.

Таким образом, можно сделать вывод, что в Восточной Азии, где политическая обстановка существенно отличалась от той, что была ранее рассмотрена нами на примерах Восточной Европы и Ближнего Востока, хотя и подчинялась логике начального этапа «холодной войны», деятельность РПЦ была направлена на восстановление позиций православия, а не на интеграцию местных церковных структур в блок институций, поддерживающих политику Москвы, как это было в других регионах. РПЦ, реформировав систему административных единиц в Восточной Азии, работала как с РДМ, так и с новообразованным Восточноазиатским экзархатом: в свою очередь, в их задачи входили воссоединение паствы, патриотические воспитание и пропаганда, создание необходимой для местного православного населения инфраструктуры.

В связи со спецификой политических процессов в регионе, а также сильными позициями США говорить о высокой результативности РПЦ в Восточной Азии в сравнении с другими региональными треками не приходится, однако, по меньшей мере, РПЦ смогла преодолеть часть последствий межвоенного времени и восстановить диалог с православными в Китае, Корее и Японии.

Несмотря на наличие в регионе интересов и у Святого Престола, ключевым противником РПЦ в Восточной Азии стала Северо-Американская митрополия РПЦЗ, сумевшая при покровительстве американских властей подчинить себе Православную Церковь в Японии, а также спровоцировать репрессивные акции в отношении представителей Москвы в Корее.

Не менее значимую роль в ограничении потенциала РПЦ в регионе сыграла и идеологизация политического пространства, причем не только на уровне бинарного выбора между сотрудничеством с СССР либо с США, но и на уровне национальном, когда укрепление коммунистических режимов в Восточной Азии вело к усилению антирелигиозной пропаганды, что сужало

инструментарий внешней церковной деятельности. В то же время РПЦ продолжала участвовать в кампаниях, связанных с освещением ключевых процессов международной повестки: в период военных действий на Корейском полуострове РПЦ, действуя в рамках ДСМ, следовала подходу, производному от государственного дискурса, уделяя особое внимание негативизации западной коалиции во главе с США и донося до верующего населения по всему миру информацию о политике Вашингтона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сложившиеся у советского руководства в 1943 г. представления о возможности использования потенциала православных структур для реализации внешнеполитической стратегии привели не только к избранию нового патриарха и восстановлению постоянного функционирования Священного Синода, но и к включению РПЦ в число институтов, ответственных за проведение внешнеполитической линии. Ключевым функциональным подразделением РПЦ, отвечающим за выполнение этой задачи, стал образованный в 1946 г. ОВЦС, тесно сотрудничавший с НКИД/МИД СССР и Советом по делам РПЦ.

Несмотря на зависимость православной Церкви от политической воли советского руководства, в отдельных случаях можно говорить о взаимовыгодном характере государственно-церковного сотрудничества. РПЦ получила возможность вновь функционировать во внутри- и внешнеполитическом пространстве, а также ликвидировать последствия части церковных расколов 1920-1930-х гг., в то время как государство заручилось поддержкой Церкви, от которой оно ожидало проведения воспитательно-патриотической работы и реализации потенциала внешней церковной деятельности.

В первую очередь Москва была заинтересована в налаживании РПЦ отношений с поместными православными Церквями в целях дальнейшего выполнения советского плана по становлению Москвы в качестве центра мирового православия. Достижение этой цели позволило бы СССР говорить о статусе сверхдержавы не только в военно-политическом, но и в духовно-нравственном измерении, что дало бы возможность преобразовать символический капитал, значимый в условиях послевоенного мироустройства, в капитал политический.

Несмотря на пышность проведенного в начале 1945 г. Поместного собора и крепнувшие у отечественных деятелей надежды на успешную реализацию

плана по возвышению Москвы в качестве православного центра, достичь поставленной цели не удалось, что во многом объяснялось нереалистичностью поставленной задачи. Советское руководство отталкивалось исключительно от своих политических потребностей, не учитывая соображения исторического и канонического характера, в соответствии с которыми Москва не могла претендовать на подобный статус, не будучи первой из поместных православных Церквей и не обладая безоговорочной поддержкой всех православных структур, влияние на многие из которых оказывали страны Запада.

Зарубежные иерархи, на словах поддерживая начинания РПЦ, были вынуждены отказаться от реальных действий в связи с оказываемым на них давлением со стороны западных дипломатов, вследствие чего Всеправославное совещание 1948 г., пришедшее на замену планируемому Вселенскому собору, достигло ограниченных результатов. Сюжет со становлением Москвы в качестве центра мирового православия показал советскому руководству, что страна обладает дополнительным ресурсом влияния на международной арене, однако его использование требует учета целого ряда факторов, не сводящихся исключительно к политической конъюнктуре.

Вместе с тем разворачивавшаяся «холодная война», идеологическое измерение которой являлось одним из наиболее значимых для всех сторон конфликта, выявила необходимость обращения к церковным акторам как к институтам, характер которых предполагает работу с духовно-нравственной повесткой.

Деятельность РПЦ в этой области была производна от государственной линии, однако опиралась в т.ч. и на основополагающие христианские категории, к которым стоит отнести веру, любовь, равенство и свободу. Синтез христианской морали и политических интересов советского государства сказался на политической аксиологии православной церкви, которая легла в

основу подхода иерархов РПЦ по осуществлению внешней церковной деятельности.

Даже несмотря на близость этого подхода к государственному, а также на периодические обращения РПЦ к партийно-государственным формулировкам, которыми оперировала советская власть, православная риторика была отлична от светской, что позволяло расширить социальную базу симпатизантов СССР и обеспечить максимальное распространение информации среди верующего населения по всему миру.

Таким образом, православие стало одним из инструментов «мягкой силы» СССР в условиях, когда между Москвой и западными столицами развернулась борьба за т.н. «монополизацию христианства», порожденная стремлением провести легитимизацию идеологических установок и внешнеполитических курсов. Неизбежно возникавшая при этом политизация деятельности церковных институтов наблюдалась не только в СССР, что вновь возвращает к мысли о невозможности протекания гибридных конфликтов без их распространения на религиозное и/или церковное поле.

Как концептуальные, так и региональные направления международного измерения деятельности РПЦ были направлены на содействие внешнеполитической линии СССР. К первой группе следует отнести концептуализацию и дальнейшую антагонизацию образа Запада, работу с антиколониальной повесткой, деятельность РПЦ в рамках Движения сторонников мира, а также в целом конструирование внешнеполитической идентичности советского государства в глазах верующих. Использовавшийся при этом инструментарий не всегда был специфичен только для Церкви: РПЦ обращалась как к специфически церковному арсеналу (евхаристическое общение, поминовение во время литургии и т.д.), так и к общему для всех акторов (конструирование дискурса посредством работы с периодической печатью, зарубежные визиты, участие в деятельности международных движений и т.д.). В то же время задействование второй категории инструментов всегда сопровождалось ее трансформацией в соответствии с

характером церковных институтов, вследствие чего говорить о тиражировании РПЦ опыта других структур либо о полном копировании лекал государственных ведомств не приходится.

Концептуализация образа Запада, осуществляемая РПЦ, изначально была дифференцирована в отношении союзников по антигитлеровской коалиции и Святого Престола, который на протяжении всего рассматриваемого периода выступал в качестве антагониста православной Церкви. Тот факт, что вербальное противостояние православной и католической Церквей прослеживается в исследуемом периоде, по меньшей мере, с начала 1945 г., когда межгосударственные отношения на публичном уровне еще не перешли из статуса союзнических во враждебные, позволяет сделать вывод о том, что одним из первых «фронтов» «холодной войны» являлось церковное измерение.

По мнению автора, этот феномен обусловлен идеологизацией межцерковного противостояния на фоне постепенной трансформации системы международных отношений, в то время как межгосударственные отношения отчасти инерционно, но еще строились на тот момент на основе прагматизма. Вплоть до конца 1945 г. РПЦ воздерживалась от антагонизации образа союзников, параллельно подвергая критике политическую риторику Ватикана. Однако после Лондонской сессии СМИД, на которой не был достигнут консенсус по ряду принципиальных для сторон вопросов, как государственный, так и церковный подходы в отношении стран Запада начинают ужесточаться.

В дальнейшем в дискурсе РПЦ будет наблюдаться слияние государственных и церковных институтов Запада, в результате чего с конца 1947 г. подходы СССР и РПЦ в отношении противников советского государства на международной арене практически полностью синхронизируются и будут направлены на мифологизацию образа Запада. При этом стоит отметить, что, несмотря на схожесть государственного и церковного нарративов, аргументация акторов будет разниться: РПЦ будет

более свойственно подвергать критике политический курс США с морально-нравственных позиций, тем самым демонстрируя свою неангажированность и стремясь легитимизировать политику советской власти.

Антиколониализм занимал не главное место в политической аксиологии РПЦ, однако тот факт, что концептуальные основы антиколониализма были близки христианским постулатам, а советская модель коллективистского общества косвенно находила свое отражение в христианской морали, делал выгодным привлечение православных иерархов к борьбе против колониальных практик. Особым преимуществом православия в данном случае являлась ассоциативная связь католичества с колониальными империями, в то время как ни православие, ни советское государство не обладали негативным историческим фоном для выстраивания плодотворного сотрудничества с деколонизированными народами и нациями, борющимися за свою независимость. Вместе с тем данное направление деятельности РПЦ имело объективные ограничения: потенциал использования «церковной дипломатии» отчасти предопределен географией распространения соответствующей конфессии, в то время как большая часть деколонизированных народов не исповедовала православие.

Деятельность РПЦ в рамках Движения сторонников мира стала одним из проявлений публичной дипломатии СССР. Сконцентрировавшись на данном концептуальном направлении в конце 1940-х гг., православная Церковь приняла участие в формировании единого народного (общественного) фронта, выступающего против развязывания войны.

Отечественными иерархами была не только проведена концептуализация борьбы за мир, в рамках которой было показано, что христианские государства не воюют между собой, а действия Запада стоит интерпретировать как предательство веры и переход в статус «христианствующих», но и обеспечено привлечение к Движению сторонников мира ряда поместных православных Церквей. В совокупности это позволило мобилизовать общественность в целях недопущения применения ОМУ, а также сформировать представление

о последствиях ядерной войны. Создание народного фронта явилось особо актуальным в условиях Корейской войны: выступления широких общественных масс против разрастания конфликта и требования его локализации повлияли на процесс принятия решений лицами, ответственными за проведение политических курсов стран Запада.

РПЦ развернула активную деятельность в Восточной Европе и Восточной Азии, а также на Ближнем Востоке. Государством и Церковью был достигнут консенсус на тему необходимости индивидуализации подходов в отношении региональной работы, вследствие чего можно говорить о дифференциации задач, стоящих перед РПЦ на данных направлениях.

В Восточной Европе РПЦ обеспечила поддержание диалога с поместными православными Церквями и их участие во Всеправославном совещании 1948 г.; советская конфигурация государственно-церковных отношений стала модельной для ряда стран народной демократии, что было принципиальным с точки зрения гармонизации и унификации систем общественных отношений в странах соцблока. В то же время «православный дискурс» в государствах Восточной Европы служил дополнительным индикатором характера отношений с Москвой, проявлением чего стали кампании против православных деятелей в Югославии во время советско-югославского кризиса.

На Ближнем Востоке Церковь также наладила диалог с поместными православными Церквями, впервые в истории был совершен визит предстоятеля РПЦ на Святую Землю. Взаимодействие МП с Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским патриархатами представляло интерес для государства по причине повышенного внимания СССР к региону в условиях актуализации палестинской проблематики и обусловленной политическими и экономическими соображениями борьбы СССР, США и Великобритании за первенство в регионе. Наиболее значимым достижением РПЦ на данном треке стало возвращение имущества РДМ в

Иерусалиме, что стало возможным лишь в условиях тесного государственно-церковного сотрудничества.

В Восточной Азии перед РПЦ стояла задача прежде всего реорганизовать управление православием, практически утерянное после октябрьской революции и гражданской войны в России. Несмотря на отдельные успехи МП, особенно в Китае, противодействие усилиям отечественных иерархов со стороны Северо-Американской митрополии РПЦЗ, поддерживаемой Соединенными Штатами, не позволило восстановить позиции РПЦ в Корее и Японии. Таким образом, даже несмотря на кажущуюся вторичность региона с точки зрения его статусной значимости в православном мире, и Восточная Азия также оказалась подвержена инерции «холодной войны», что напрямую сказалось и на религиозной / церковной ситуации в Китае, Корее и Японии.

Можно сделать вывод, что наиболее результативными направлениями внешней церковной деятельности РПЦ становились те, что, во-первых, представляли интерес как для государства, так и для самой Церкви, во-вторых, соответствовали характеру церковных институтов и не приводили к публичной политизации церковной деятельности, способной вызвать отторжение у верующего населения.

В тех случаях, когда перед церковью ставились реализуемые с политической и канонической точек зрения задачи, наблюдалось продуктивное государственно-церковное взаимодействие, что можно сказать про работу как с православным населением за рубежом, так и с символической (морально-нравственной либо духовной) повесткой, что зачастую уместнее воспринималось со стороны РПЦ, нежели со стороны советского государства. Таким образом, история государственно-церковного сотрудничества во внешнеполитической сфере в 1945-1953 гг. демонстрирует потенциал внешней церковной деятельности и возможность привлечения Церкви в качестве инструмента «мягкой силы», но вместе с тем указывает на объективные ограничения, которые необходимо учитывать при постановке перед церковными институтами политических задач.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Список использованных источников:

Сборники документов:

1. Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967. В 2 т. Том 1: 1947–1956 / Отв. ред. В.В. Наумкин. – М.: МФД, 2003. – 608 с. – (Россия. XX век. Документы).

2. Власть и церковь в Восточной Европе. 1944-1953 гг. Документы российских архивов: в 2 т. Т.1: Власть и церковь в Восточной Европе. 1944-1948 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 887 с.

3. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. 1 января – 3 сентября 1945 г.: Док. и материалы / Ред.-сост. С. Майоров. – М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1947. – 792 с.

4. Внешняя политика Советского Союза: 1945 год: Документы и материалы: 4 сентября – 31 декабря 1945 года. – М., Госполитиздат, 1949. – 202 с.

5. Внешняя политика Советского Союза: 1946 год: Документы и материалы: Январь – декабрь 1946 года. – М., Госполитиздат, 1952. – 836 с.

6. Внешняя политика Советского Союза: 1947 год.: Документы и материалы. Часть 1: Январь – июнь 1947 года. – М., Госполитиздат, 1952. – 543 с.

7. Внешняя политика Советского Союза: 1947 год.: Документы и материалы. Часть 2: Июль – декабрь 1947 года. – М., Госполитиздат, 1952. – 455 с.

8. Внешняя политика Советского Союза: 1948 год.: Документы и материалы. Часть 1: Январь – июнь 1948 года. – М., Госполитиздат, 1950. – 474 с.

9. Внешняя политика Советского Союза: 1948 год.: Документы и материалы. Часть 2: Июль – декабрь 1948 года. – М., Госполитиздат, 1951. – 455 с.

10. Внешняя политика Советского Союза: 1949 год: Документы и материалы: Январь – декабрь 1949 года. – М., Госполитиздат, 1953. – 685 с.

11. Внешняя политика Советского Союза: 1950 год: Документы и материалы: Январь – декабрь 1950 года. – М.: Госполитиздат, 1953. – 670 с.

12. Международные отношения и внешняя политика СССР (1871-1957 гг.): Сб. док. / Высш. парт. школа при ЦК КПСС; Сост. Л.А. Харламова. – М., 1957. – 436 с.

13. Наследие. Вып. 1: Религия – общество – государство: институты, процессы, мысль. Книга 1: История государственно-конфессиональных отношений в России (X – начало XXI века): хрестоматия в двух частях /сост. Ю.П. Зуев; под общ. ред. Ю.П. Зуева, В.В. Шмидта. Часть II: XX – начало XXI века. — М.: Изд-во РАГС; ИД «МедиаПром», 2010. — 288 с.

14. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924-1953 гг.). Справочник / научный редактор А.А. Чернобаев – М.: Новый хронограф, 2008. – 784 с.

15. Одинцов М.И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Часть I: «Дело» патриарха Тихона; Крестный путь патриарха Сергия. – М.: Изд-во РАГС, 1999. – 334 с.

16. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1970 гг. Т.1: Письма патриарха Алексия в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. 1945-1963 гг.: / [под ред. Н.А. Кривовой; отв. сост. Ю.Г. Орлова; сост. О.В. Лавинская, К.Г. Ляшенко]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 847 с.

17. Православие и экуменизм: Док. и материалы, 1902-1998. – 2. изд., перераб. – М.: Отд. внеш. церк. сношений Моск. патриархата, 1999. – 495 с.

18. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. / О.Ю. Васильева, И.И. Кудрявцев, Л.А. Лыкова. – М.: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2009. – 765 с.

19. Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. В 2-х т. Документы. Т. 1. 1944—1948 гг. / Рос. академия наук, Ин-т славяноведения, Федер. архив. служба России, Гос. архив Российской Федерации, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, отв. редактор Т.В. Волокитина. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 687 с.

20. Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. В 2-х т. Документы. Т. 2. 1949—1953 гг. / Рос. академия наук, Ин-т славяноведения, Федер. архив. служба России, Гос. архив Российской Федерации, Рос. гос. архив соц.-полит. истории, Архив Президента Российской Федерации, отв. редактор Т.В. Волокитина. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. — 928 с.

21. Советско-болгарские отношения и связи: Док. и материалы в 2 т. Т. II. Сентябрь 1944-декабрь 1958 / Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, Ин-т истории Болгарской АН; Отв. ред. Р.П. Гришина, В. Божинов. — М.: Наука, 1981. — 770 с.

22. Советско-венгерские экономические отношения 1948-1973: Сб. док. / Сост. Л.В. Борисова. — М.: МФД, 2012. — (Серия «Россия. XX век. Документы»). — 576 с.

23. Советско-египетские отношения. 1943-1955 гг.: Док. и материалы / ФГБУН Ин-т востоковедения РАН; Отв. ред. Л.Ш. Кадырбаев. – СПб.: Алетейя, 2019. – 250 с.

24. Советско-израильские отношения: Сборник документов. Т.I: 1941-1953.; В 2-х кн. Кн.1: – 1941 – май 1949 / Министерство иностранных дел Российской Федерации; Министерство иностранных дел Государства Израиль. – М.: Междунар. отношения, 2000. – 560 с., ил.

25. Советско-израильские отношения: Сборник документов. Т.I: 1941-1953.; В 2-х кн. Кн.2: май 1949 – 1953 / Министерство иностранных дел Российской Федерации; Министерство иностранных дел Государства Израиль. – М.: Междунар. отношения, 2000. – 560 с., ил.

26. Советско-китайские отношения. 1952-1955: Сборник документов – ИП Пермяков С.А., 2015. – 338 с., ил.

27. СССР и арабские страны. 1917-1960 гг. Документы и материалы / Ред. коллегия: В.Я. Сиполс [и др.]; М-во иностр. дел СССР. – М.: Госполитиздат, 1961. – 855 с.

28. Сталин и космополитизм. 1945—1953. Документы Агитпропа ЦК / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. — М.: МФД: Материк, 2005. — 768 с. — (Россия. XX век. Документы).

Архивные документы:

29. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), г. Москва Ф.Р-6991. Совет по делам религий при Совете министров СССР. Оп. 1. Д. 14, 15, 23, 588, 874.

Материалы, опубликованные в периодической печати:

30. Акт о сотрудничестве Русской и Албанской Православных Церквей в защите мира // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №9. – С.5.

31. Акт от 23/XI 1951 г. о даровании автокефалии Православной Церкви в Чехословакии // Журнал Московской Патриархии. – 1951. – №12. – С.3.

32. Александров Г. Великий подвиг (к празднику Благовещения Святой Богородицы) // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №3. – С.39-41.

33. Алексий (Симанский), патр. Пасхальное послание // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №5. – С.3-4.

34. Алексий (Симанский), патр. Патриаршее послание // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.5-7.

35. Алексий (Симанский), патр. Святейший Патриарх Московский и всея Руси о решениях Крымской конференции // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.100.

36. Андреев А. Мир по святоотеческим воззрениям // Журнал Московской Патриархии. – 1952. – №10. – С.14-17.

37. А.Ш. В защиту мира (Со Всесоюзной конференции сторонников мира) // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №9. – С.18-29.

38. А.Ш. Сторонники мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №6. – С.21-29.

39. Васильев А. Требование совести // Журнал Московской Патриархии. – 1951. – №7. – С.18-20.

40. Ведерников А. К вопросу о предсоборном совещании // Журнал Московской Патриархии. – 1953. – №8. – С.47-53.

41. Вениамин (Федченков), митр. Мои впечатления о России // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №3. – С.21-24.

42. Вениамин (Федченков), митр. О Римско-Католической церкви // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №4. – С.7-10.

43. Волнянский Н. Великие просветители славянства свв. Кирилл и Мефодий // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №7. – С.35-47.

44. Волнянский Н. Незабвенный поборник православия в Белоруссии // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №2. – С.20-29.

45. Гавриил (Чачанидзе), еп. Речь на Второй Всесоюзной конференции сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №11. – С.15-16.

46. Гермоген (Кожин), архиеп. Методы католической пропаганды в Грузии // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – №9. – С.50-51.

47. Гермоген (Кожин), еп. Очерки из истории Казанской епархии (история распространения христианства среди татар Казанского края) // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №7. – С.48-57.

48. Григорий (Чуков), архиеп. Московская церковная делегация в Болгарии // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №5. – С.19-24.

49. Григорий (Чуков), митр. Поездка на Ближний Восток // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №12. – С.4-8.

50. День Ангела Святейшего Патриарха Алексия в Иерусалиме // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №4. – С.5-6.

51. Деяния Собора Преосвященных Архиереев Русской Православной Церкви 8 сентября 1943 года // Журнал Московской Патриархии. – 1943. – №1. – С.17-18.

52. Доктусов Н., проф. Православная Церковь и мир // Журнал Московской Патриархии. – 1951. – №1. – С.8-10.

53. Закон о защите мира // Журнал Московской Патриархии. – 1951. – №3. – С.6.

54. Заявление Главы Русской Православной Миссии в Сеуле архимандрита Поликарпа // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №8. – С.11-12.

55. Зернов М., свящ. Уродливое явление // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – №8. – С.32-34.

56. Известительная телеграмма Собора униатской церкви Вселенскому Патриарху Максимосу // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №4. – С.26.

57. Известительные грамоты Патриарха Сергия восточным патриархам // Журнал Московской Патриархии. – 1943. – №2. – С.6-7.

58. Из жизни Православной Церкви в Чехословакии // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №8. – С.11-15.

59. Интервью, данное корреспонденту ТАСС членами Президиума Собора Греко-католической (униатской) церкви протопресвитером Костельник и епископами Антонием и Михаилом // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №4. – С.35-37.

60. Исторические дни // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.31-85.

61. К народам всего мира // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.17.

62. Коммюнике иерархов Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №4. – С.35.

63. Конференция всех Церквей и религиозных объединений в СССР в защиту мира // Журнал Московской Патриархии. – 1952. – №5. – С.14-17.

64. Кончина протопресвитера о. Гавриила Костельника // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – №10. – С.15-17.

65. Крашенинников А. Международный мир, как нравственная задача // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №8. – С.30-36.

66. Крашенинников А. Оружие Церкви в защите мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №11. – С.14-18.

67. Крашенинников А. Православие на страже мира. Миссия христианства в современном мире // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №6. – С.7-18.

68. Кузнецкий А.П. Делегация Русской Православной Церкви в Румынии // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №6. – С.29-35.

69. Лапин Г. Работа католиков и протестантов в Китае // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №7. – С.21-27.

70. Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Защитим мир служением добру // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №5. – С.32-33.

71. Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Ко Второму Всемирному конгрессу сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №11. – С.17-18.

72. Максимко И. Благословление мира // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №9. – С.10-12.

73. Не могу молчать. (Из письма схиигумении Евгении г. Иерусалим). // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – №4. – С.51-52.

74. Нестор (Анисимов), архиеп. Приветственное слово победоносному воинству Красной Армии, произнесенное на митинге 2 сентября в г. Харбине // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №11. – С.29-31.

75. Нестор (Анисимов), архиеп. Слово, произнесенное на молебне в Харбине 19 августа по случаю победы над Японией // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №11. – С.27-28.

76. Николай (Чуфаровский), еп. Воинствующий католицизм // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №4. – С.19-21.

77. Николай (Ярушевич), митр. Вера, Надежда, Любовь // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – №6. – С.12-15.

78. Николай (Ярушевич), митр. В защиту мира. Речь на Конференции духовенства всех христианских исповеданий Чехословакии по вопросам защиты мира // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №7. – С.13-15.

79. Николай (Ярушевич), митр. Значение Поместного Собора Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.30.

80. Николай (Ярушевич), митр. Любовь // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – №2. – С.10-12.

81. Николай (Ярушевич), митр. На Всемирном Конгрессе сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №5. – С.17-24.

82. Николай (Ярушевич), митр. Наше пребывание во Франции // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №10. – С.14-24.

83. Николай (Ярушевич), митр. Письмо пастору Иосуйской баптистской церкви проф. Токийского университета г-ну Козо Абэ В.Д. // Журнал Московской Патриархии. – 1952. – №5. – С.25.

84. Николай (Ярушевич), митр. Поездка в Англию // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №8. – С.27-52.

85. Николай (Ярушевич), митр. Речь на Всемирном Конгрессе сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №5. – С.14-16.

86. Николай (Ярушевич), митр. Речь на Всесоюзной конференции сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №9. – С.12-17.

87. Николай (Ярушевич), митр. Речь на Второй Всесоюзной конференции сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №11. – С.10-14.

88. Николай (Ярушевич), митр. Речь на заседании Советского комитета защиты мира, посвященном встрече с делегацией Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира (7 марта 1950 г.) // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №4. – С.31-33.

89. Николай (Ярушевич), митр. Речь на Конгрессе народов в защиту мира // Журнал Московской Патриархии. – 1953. – №1. – С.23-28.

90. Николай (Ярушевич), митр. Речь на первой сессии Всемирного Совета Мира // Журнал Московской Патриархии. – 1951. – №3. – С.15-21.

91. Обращение ко всем христианам в защиту мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №5. – С.26-27.

92. Обращение Конференции всех Церквей и религиозных объединений в СССР к Всемирному Совету Мира // Журнал Московской Патриархии. – 1952. – №5. – С.20-21.

93. Обращение Местоблюстителя Патриаршего Престола Русской Православной Церкви Митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия к духовенству и верующим русского народа // Журнал Московской Патриархии. – 1944. – №9. – С.3-4.

94. Обращение Патриаршего Экзарха в Чехословакии Митрополита Елевферия // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №5. – С.25.

95. Обращение Постоянного Комитета Всемирного Конгресса сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №11. – С.19-21.

96. Обращение Святейшего Патриарха Алексия // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №5. – С.12-13.

97. Обращение собора епископов Русской Православной Церкви ко всем христианам мира // Журнал Московской Патриархии. – 1943. – №1. – С.14-15.

98. Обращение Собора к христианам всего мира // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.15-16.

99. Обращение Собора униатской церкви к духовенству и верующим // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №4. – С.29-31.

100. О Поместном соборе Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.3-4.

101. Ответ Архиепископа Белостокского и Бельского Тимофея от лица Польской Православной Церкви на Обращение Святейшего Патриарха Алексия // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №4. – С.41.

102. Ответный визит в Албанию // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – №6. – С.3-5.

103. Ответ Святейшего Синода Болгарской Православной Церкви на обращение Святейшего Патриарха Алексия // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №5. – С.26-27.

104. От Конференции всех Церквей и религиозных объединений в СССР Иосифу Виссарионовичу Сталину // Журнал Московской Патриархии. – 1952. – №5. – С.18-19.

105. О пребывании в Москве Чешской делегации // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №1. – С.12-15.

106. От Собора униатской церкви Генералиссимусу И.В. Сталину // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №4. – С.27.

107. Павел (Голышев), игум. Мир // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №6. – С.19-20.

108. Парийский Л.Н. О пребывании московской делегации в Белграде // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №5. – С.37-44.

109. Питирим (Свиридов), архиеп. Церковный и патриотический долг // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №8. – С.22-23.

110. Плесецкий Н. Ватикан и его политика // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – №10. – С.39-48.

111. Послание Иерусалимского Патриарха Тимофея Святейшему Алексию, Патриарху Московскому и всея Руси // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – №1. – С.3.

112. Послание Святейшего Патриарха Алексия по поводу войны с Японией // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №8. – С.3-4.

113. Постановления Всемирного Конгресса сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №5. – С.28-33.

114. Постановления первой сессии Всемирного Совета Мира // Журнал Московской Патриархии. – 1951. – №3. – С.7-14.

115. Постоянному комитету Всемирного конгресса сторонников мира, всем участникам движения в защиту мира во всех странах // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №10. – С.20-21.

116. Пребывание Г.Г. Карпова в Чехословакии // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №8. – С.7-10.

117. Пребывание делегации Англиканской церкви в Москве // Журнал Московской Патриархии. – 1943. – №2. – С.18-23.

118. Представители Польской Православной Церкви о своем посещении Москвы // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – №7. – С.16-18.

119. Предстоятелям всех православных автокефальных церквей // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №3. – С.3-5.

120. Приветственная телеграмма от имени Собора униатской церкви Святейшему Патриарху Алексию // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №4. – С.24-25.

121. Приветственные телеграммы, полученные патриархом Алексием из-за границы и из СССР // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.20-25.

122. Разумовский Г., свящ. Патриаршая делегация в Харбине // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №12. – С.13-17.

123. Речь представителя советского правительства – председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме Союза ССР Г.Г. Карпова на Поместном соборе // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.8-10.

124. Решения Стокгольмской сессии Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №4. – С.34.

125. Ружицкий К., прот. Киево-Львовские торжества православия // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №4. – С.5-12.

126. Ружицкий К., прот. Русская Православная Церковь в ее борьбе за Святое Православие // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №4. – С.15-21.

127. Румынская Православная Церковь и защита мира // Журнал Московской Патриархии. – 1950. – №4. – С.37-40.

128. Русская Духовная Миссия в Палестине // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №3. – С.8-9.

129. Савинский С., проф. Пятнадцать дней в Югославии // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №6. – С.18-28.

130. Свет русского Православия в провинции Синьдзян, в Западном Китае // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №3. – С.8.

131. Телеграмма патриаршему местоблюстителю перед началом Поместного Собора от патриарха Вселенского // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №2. – С.18-19.

132. Телеграмма Святейшего Патриарха Алексия архим. Поликарпу и ответная телеграмма архим. Поликарпа // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №8. – С.12.

133. Торжественное богослужение в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №8. – С.13.

134. Троицкий С., проф. О границах распространения права власти Константинопольской патриархии на «Диаспору» // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – №10. – С.34-45.

135. Харьюзов Н.А., прот. Встречайте Христа! // Журнал Московской Патриархии. – 1946. – №12. – С.27-28.

136. Харьюзов Н.А., прот. Можно ли простить фашистов? (Мысли православного священника) // Журнал Московской Патриархии. – 1945. – №5. – С.44-46.

137. Харьюзов Н.А., прот. Москва // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – №1. – С.23-24.

138. Церковные делегации на юбилейных торжествах Русской Православной Церкви // Журнал Московской Патриархии. – 1948. – Специальный номер. – С.5-6.

139. Честмир (Крачмар), прот. Речь на Всемирном Конгрессе сторонников мира в Праге // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №6. – С.5-6.

140. Шаповалова А. К 30-летию Советской власти // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – №10. – С.30-33.

141. Шаповалова А. Ко Дню Победы // Журнал Московской Патриархии. – 1947. – №5. – С.29-32.

142. 2 октября – Международный день борьбы за мир. Воззвание Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира // Журнал Московской Патриархии. – 1949. – №10. – С.19-20.

Список использованной литературы:

Монографии:

143. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. – М.: Политиздат, 1991. – 400 с.

144. Байерлян Б. «Предатель — ты, Сталин!» Коминтерн и коммунистические партии в начале Второй мировой войны (1939-1941): утраченная солидарность левых сил / Б. Байерляйн; при участии Н. Лебедевой, М. Наринского, Г. Альберта; обзор свидетельств современников подгот. В. Леонхардом; предисл. Г. Вебера; [пер. с нем. К. А. Левинсона]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. — 679 с.: ил. — (История сталинизма. Документы).

145. Блохин В.С. История поместных Православных Церквей: учебник. – Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2022. – 642 с.

146. Болотов С.В. Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-1950-е годы. – М.: Издательство Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2011. – 314 с.

147. Быстрова И.В. Холодная война 1945-1960 гг.: Токио-Москва-Вашингтон. – М.: ИДЭЛ, 2009. – 400 с.

148. Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор. – М.: Лепта-Пресс, 2004. – 382 с.: ил.

149. Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40-50-х годов XX века: Очерки истории. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. – 807 с., ил. – (История сталинизма).

150. Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе. 1944–1948 гг. – М.: Наука, 1993. – 344 с.

151. Воротников В.В., Пареньков Д.А. Церковь и политика: испытание новой реальностью // Институт международных исследований МГИМО МИД России. – 2022. – 23 с.

152. Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. – 240 с.

153. Дэвис Д.Э., Трани Ю.П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях / Науч. ред. А.А. Поршакова; пер. с англ. Е.В. Нетесовой; Сост. указ. и библиогр. ред. Д.Н. Бакун – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 479 с., ил. – (Архив).

154. Егорова Н.И. «Народная дипломатия» ядерного века: Движение сторонников мира и проблема разоружения, 1955-1965 годы. – М.: Аквилон, 2016. – 320 с., илл.

155. Зубок В.М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева / В.М. Зубок; – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 671 с., ил. – (История сталинизма).

156. История международных отношений и внешней политики СССР, 1917-1987. В 3-х томах. Т.2: 1945-1970 гг. / Под ред. Г.В. Фокеева. – М.: Международные отношения, 1987. – 456 с. – (Московский государственный Ордена Трудового Красного Знамени институт международных отношений МИД СССР).

157. История Русской Православной Церкви: от восстановления Патриаршества до наших дней. 1917-1970 / под общ. ред. М.Б. Данилушкина. СПб.: Воскресение, 1997. – 1020 с.

158. Казаков А. Церковь и разведка. О чем рассказали рассекреченные документы. – М.: Ломоносовъ, 2019. – 224 с. – (История. География. Этнография).

159. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю.С. Степанова. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – 416 с.

160. Кимерлинг А.С. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи / А.С. Кимерлинг; Нац. исслед. ун-т. «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 216 с.

161. Кострюков А.А. Лекции по истории Русской Церкви (1917 – 2008): Учебное пособие / А.А. Кострюков. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. – 368 с.

162. «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история: В 2 ч. / сост. М.В. Зеленов, Д. Бранденбергер. – М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2014. – (История сталинизма). Ч.1: История текста «Краткого курса истории ВКП(б)», 1931-1956. – 791 с.

163. Курляндский И.А. Сталин, власть, религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922-1953 гг.). – М.: Кучково поле, 2011. – 720 с.

164. Маджистер С. Политика Ватикана и Италия. 1943-1978 – М.: Прогресс, 1982. – 335 с.

165. Одинцов М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917-1953 гг. / Михаил Одинцов. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 424 с. – (История сталинизма).

166. Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2006. – 752 с.

167. Погасий А.К. Церковные расколы в российском православии XIV – начала XX веков. – Казань: Изд. дом МедДок, 2009. – 291 с.

168. Поздняев Д., свящ. Православие в Китае (1900-1997). – М.: Изд. Свято-Владимирского братства, 1998. – Текст: электронный. – URL: http://www.orthodox.cn/localchurch/pozdnyaev/index_ru.html. – Дата доступа: 15.07.2024.

169. Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 годы. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 319 с., ил. – (Досье).

170. Роккуччи А. Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917-1958 / Адриано Роккуччи; [пер. с итал. О.Р. Щелоковой]. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 582 с. – (История сталинизма).

171. Фирсов С.Л. «Власть и огонь»: Церковь и советское государство: 1918 – нач. 1940-х гг.: очерки истории / Фирсов С.Л. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитар. ун-т, 2014. – 474 с., ил.

172. Холодная война: в 2 т. – (Военная история Российского государства / под ред. В.А. Золотарева) – М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. Т. 1: Противостояние двух сверхдержав / Путилин Б.Г., Золотарев В.А. – 984 с.

173. Холодная война: в 2 т. – (Военная история Российского государства / под ред. В.А. Золотарева) – М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. Т. 2: От Потсдама до Мальты / Илиевский Н.В. – 584 с.

174. Холодная война. 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. ст. / Рос. акад. наук. Ин-т всеобщей истории / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 640 с. – (Архив).

175. Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды / 4-е изд. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. – 816 с.

176. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах) / М.В. Шкаровский. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье. Общество любителей церковной истории, 1999. – 399 с.

177. Якунин В.Н. Внешние связи Московской Патриархии и расширение её юрисдикции в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Самара: Издательство Самарского университета, 2002. – 200 с.

Научные статьи:

178. Абрамов А.Ю. Помощь Московского Патриархата Болгарской Православной церкви в 1945-1957 гг. (по документам Государственного

архива Российской Федерации) // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. – 2018. – №4-1(4). – С.39-56.

179. Асмолов К.В. Об «ответственности внешних сил» за начало Корейской войны // Проблемы Дальнего Востока. – 2010. – №3. – С.131-158.

180. Барановский В.Г., Наумкин В.В. «Мир веры» и «мир неверия»: экспансия и редукция религиозности // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 6. – С.8-31.

181. Беглов А.Л., Белякова А.Н. Церковная дипломатия в условиях «холодной войны»: направления международной деятельности Русской Православной Церкви в период разрядки международной напряженности 1970-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2021. – Т.12. – №11(109).

182. Беглов А.Л. Заметки Г.Г. Карпова о поездке патриарха Алексия I (Симанского) на Ближний Восток в мае-июне 1945 года // Российский журнал истории Церкви. – 2023. – Т.4. – №3. – С.116-136.

183. Беглов А.Л. Международная деятельность Русской Православной церкви в период «нового курса» в государственноцерковных отношениях. Основные этапы и кризисные явления // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2018. – Т.11. – №4. – С.104-129.

184. Белякова Н.А. Религия и конструкты национальной идентичности в странах Восточной Европы в XX в.: введение в проблематику // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2014. – Т.32. – №4. – С.11-27.

185. Белякова Н.А. Церкви в холодной войне. Введение // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2017. – Т.35. – №1. – С.7-18.

186. Беспалова К.А. На пути к созданию Антиимпериалистической лиги: Всемирный конгресс в Брюсселе (1927 г.) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2024. – №1. – С.103-113.

187. Богатуров А.Д. Истоки американского поведения // Россия в глобальной политике. – 2004. – Т.2. – №6. – С.80-97.

188. Болотов С.В. Русская Православная церковь и начало «холодной войны» // Вестник Московского государственного областного университета. – 2010. – №3. – С.100-104.

189. Васильева Н.Ю. Роль советских органов пропаганды в формировании «позитивного» образа СССР в Германии в 1945 году // Вестник МГИМО-университета. – 2010 – №5(14) – С.40-44.

190. Вишиванюк А.В. Вопрос об автокефалии Польской православной церкви в контексте холодной войны // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2017. – Т.35. – №1. – С.81-97.

191. Волконогов Д.А. Сталин и религия // Наука и религия. – 1989. – №2. – С.10-11.

192. Волокитина Т.В. Геополитические итоги Второй мировой войны и феномен народной демократии в Восточной Европе // Дриновський збірник. – 2011. – Т.4. – С.270-276.

193. Волокитина Т.В. «Московский Ватикан»: замысел создания и попытки его реализации. 1943-1948 гг. // Славяне и Россия: славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы. Сб. ст. / Отв. редактор С. И. Данченко. – М.: Институт славяноведения РАН, 2018. – № 1. – С.339-360.

194. Волокитина Т.В. На рубеже войны и мира: Советский Союз и подготовка соглашения о перемирии с Болгарией // Славянский альманах. – 2015. – №1-2. – С.81-94.

195. Григорьева М.Н. Деятельность Русской Православной Церкви в Японии (1912-1945 гг.) под началом митрополита Сергия (Тихомирова) // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2003. – №13. – С.286-299.

196. Дегоев В.В. Великая холодная война 1946 - 1991 гг. // После разлома: Исторические очерки. – М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2016. – С.12-31.

197. Дегоев В.В., Эйриян В.А. «Мы будем оправдывать доверие Правительства»: участие РПЦ в советских идеологических кампаниях в 1945-1953 гг. // Россия XXI. – 2024. – №2. – С.32-53.

198. Дегтерев Д.А. К окончанию «постколониального момента» антиколониальной борьбы: контуры исследовательской программы // Постколониализм и современность. – 2023. – №1(1). – С.13-46.

199. Дроботушенко Е.В. Деятельность Восточно-Азиатского экзарха Нестора (Анисимова) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – №7. – С.201-207.

200. Дроботушенко Е.В. Проблемы церковно-административного управления православием на севере и северо-востоке Китая в середине 1940-х гг. // Известия лаборатории древних технологий. – 2022. – Т.18. – №2(43). – С.155-163.

201. Евстратова Ю.А. Советско-сирийские отношения и формирование ближневосточной региональной среды // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. – 2011. – №1(62). – С.171-179.

202. Егорова Н.И. Влияние движения сторонников мира на политику ядерного разоружения. 1950-1960 гг. // Новая и новейшая история. – 2015. – №6. – С.70-85.

203. Егорова Н.И. Между единством и расколом: влияние начала войны во Вьетнаме на Движение сторонников мира // Россия XXI. – 2016. – №6. – С.38-63.

204. Емельянов А.Л. Сравнение идеологии колониальных захватов и распространения демократии в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. – 2023. – Т.67. – №4. – С.41-60.

205. Емельянова Е.Н. Политика Советской России в отношении национальных и антиколониальных движений в межвоенный период (20-30-е годы XX в.) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. – 2021. – №4. – С.89-103.

206. Звягельская И.Д. Палестинская проблема: каким будет завтра? // Вестник МГИМО-университета. – 2018. – №1(58). – С.271-276.

207. Зинчук С.М. Основные направления государственно-церковных отношений в СССР (1946-1953 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – Т.22. – №6. – С.32-35.

208. Истомин И.А., Неклюдов Н.Я., Сушенцов А.А. Вперед в прошлое? Возвращение истории // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т.20. – №5(117). – С.38-54.

209. Каиль М.В. «Православный фактор» в советской дипломатии: международные коммуникации Московского патриархата в середине 1940-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – №1. – С.19-40.

210. Каиль М.В. Церковная дипломатия и визит патриарха Алексия (Симанского) в Святую Землю 1945 года // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2020. – №4(56). – С.4-15.

211. Калинин А.А. Борьба за мир как советский вариант публичной дипломатии // Вестник гуманитарного образования. – 2018. – №3(11). – С.123-128.

212. Калканджиева Д. Болгарская Православная церковь и экуменическое движение после Второй мировой войны // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – Т.35. – №1. – С.64-80.

213. Касаткин П.И. О роли религиозных акторов в современных мировых политических процессах // Вестник МГИМО-университета. – №1(10). – С.257-261.

214. Касаткин П.И. Русская Православная Церковь как актор современной мировой политики // Вестник МГИМО-университета. – 2010. – №6(15). – С.141-151.

215. Климова А.А. Взаимоотношения Русской Православной Церкви с Иерусалимским патриархатом в 1948-1953 годах в контексте советско-

израильских отношений // Исторический журнал: научные исследования. – 2020. – №1. – С.49-62.

216. Климова А.А. Восстановление взаимоотношений Московской патриархии с Иерусалимским и Антиохийским патриархатами в 1946-1948 годах (к вопросу о назначении представителей) // Исторический журнал: научные исследования. – 2019. – №5. – С.124-134.

217. Кострюков А.А. Подготовка Московского совещания глав и представителей поместных Православных церквей в 1948 г. // Российская история. – 2019. – №1. – С.197-206.

218. Кострюков А.А. Экзарх Болгарской церкви митрополит Степан и Московская Патриархия // Вестник Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: история. История Русской Православной церкви. – 2013. – №5(54). – С.31-43.

219. Костюк Р.В. Движение неприсоединения в эпоху холодной войны // Клио. – 2011. – №4(55). – С.32-37.

220. Крылов С.А. 50 лет Движению неприсоединения: итоги и перспективы // Вестник МГИМО-университета. – 2012. – №3(24). – С.17-25.

221. Кутузов В.А. А.А. Жданов и создание Коминформбюро // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2013. – №1. – С.60-65.

222. Кырлежев А.И. Мировое православие: типология автокефальных церквей // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2016. – Т.34. – №1. – С.74-101.

223. Кырлежев А.И. Можно ли говорить о "репутации Церкви"? // Отечественные записки. – 2014. – №1(58). – С.216-225.

224. Лактюхин Д.А. Внешняя церковная деятельность Московского Патриархата в годы «нового курса» советского государства в отношении Церкви (1946-1953 гг.) // Христианство на Ближнем Востоке. – 2022. – Т.6 - №4. – С.166-202.

225. Лебедева О.В. Советская военная дипломатия в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. – 2019. – № 4. – С.33-37.

226. Легойда В.Р. Религиозность в безрелигиозную эпоху // Альфа и Омега. – 2000. – №1. – С.351.

227. Лузянин С.Г. Восстановление правды. СССР и Китай в 1931-1945 гг. // Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне: Тезисы докладов российско-китайской научной конференции, Москва, 05–06 мая 2015 года. – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2015. – С.12-16.

228. Маркедонов С.М., Ярлыкапов А.А. Религия в международных процессах: от «сумерек богов» к сумеркам секуляризма? // Международная аналитика. – 2021. – Т.12. – №4. – С.7-10.

229. Монгуш М.В. Всеправославное совещание 1948 года: новые документы к истории его подготовки // Восточный архив. – 2021. – №2(44). – С.94-102.

230. Мячин С.В. Участие Русской Православной Церкви в международном движении сторонников мира в конце 40-х годов XX века // Вестник Оренбургской духовной семинарии. – 2022. – №3(24). – С.91-102.

231. Наринский М.М. Берлинский кризис 1948-1949 гг. // Вестник МГИМО-университета. – 2011. – №1(16). – С.162-172.

232. Наринский М.М., Мунтян М.А. Победа СССР в войне против Германии была абсолютно закономерна // Вестник МГИМО-университета. – 2011. – №3(18). – С.108-113.

233. Носенко Т.В. Политика СССР и США по вопросу создания Государства Израиль (1945-1948) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2016. – Т.8. – №2. – С.55-89.

234. Носкова А.Ф. Геополитические интересы СССР, проблема советизации Восточной Европы и советско-польские отношения (40-е годы XX в.) // Перспективы. Электронный журнал. – 2019. – №4(20). – С.56-81.

235. Носкова А.Ф. Кем были в Восточной Европе солдаты Красной Армии в 1945 году: освободителями, оккупантами или…? // Вестник МГИМО-университета. – 2010. – №5(14). – С.65-72.

236. Павлов И.И. Историко-теоретическое обоснование Движения неприсоединения // Вестник МГИМО-университета. – 2013. – №2(29). – С.12-17.

237. Паламаренко Е.В. Положение Русской духовной миссии в Иерусалиме Московского патриархата в Израиле и Иордании в 1948-1967 гг. // Христианское чтение. – 2019. – №3. – С.256-264.

238. Паламаренко Е.В. Русскоязычная община Иерусалима в 1950-1951 гг. // Христианство на Ближнем Востоке. – 2017. – №3. – С.15-28.

239. Паламаренко Е.В. Христианское присутствие в Государстве Израиль на примере Русской духовной миссии в Иерусалиме: вызовы и перспективы // Миссия конфессий. – 2017. – №24. – С.99-107.

240. Печатнов В.В. Традиционные ценности и их противники // Россия XXI. – 2017. – №1. – С.24-45.

241. Печатнов В.В. Церковь и внешняя политика России: традиции, тенденции, перспективы // Концепт: философия, религия, культура. – 2017. – №1(1). – С.151-153.

242. Печатнов В.О., Печатнов В.В. Меняющийся религиозный ландшафт Америки // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т.62. – №9. – С.48-59.

243. Поздняев Д., свящ. Православие в Китае (страницы истории) // Россия и современный мир. – 2001. – №1. – С.165-181.

244. Поспеловский Д.В. Сталин и Церковь. «Конкордат» 1943 г. и жизнь Церкви (В свете архивных документов) // Континент. – 2000. – №1(103). – С.220-239.

245. Прозорова Г.К. К истории становления советско-израильских отношений (1947-1949) // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2020. – №3(25). – С.243-258.

246. Раева Т.В. «Против огня войны»: практики советского миротворчества в условиях холодной войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2020. – Т.20. – №4. – С.58-65.

247. Раева Т.В. Развитие советских миротворческих практик в условиях холодной войны // Управление в современных системах. – 2018. – №4(20). – С.18-24.

248. Раева Т.В. Советское движение за мир в послевоенной культурной дипломатии: институты, дискурсы, практики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2017. – Т.17. – №2. – С.19-25.

249. Родригес-Фернандес А.М. Новые тенденции в национальных отношениях стран Востока (первая половина XX века) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2022. – №4. – С.64-70.

250. Скобей Г.Н. Межправославное сотрудничество в подготовке Святого и Великого Собора Восточной Православной Церкви // Церковь и время. – 2002. - №2(19). – С.54-199.

251. Стыкалин А.С. Проблема эффективности функционирования Коминформа и мотивы его роспуска в контексте отношений СССР и стран советского блока с Югославией. 1949-1956 // Славяноведение. – 2014. – №1. – С.12-29.

252. Супотницкий М.В. Забытая биологическая война на Корейском полуострове – технические детали // Вестник войск РХБ защиты. – 2020. – Т.4. – №4. – С.441-461.

253. Торкунов А.В. О вечном и новом в актуальном контексте мировой политики (к 800-летию со дня рождения Александра Невского) // Полис. Политические исследования. – 2021. – №3. – С.8-16.

254. Торкунов А.В. О некоторых вопросах послевоенного мирового устройства (выступление на годовом собрании Российского исторического общества 9 сентября 2015 года) // Вестник МГИМО-университета. – 2015. – №5(44). – С.204-209.

255. Фененко А.В. Хуже, чем в холодную войну // Россия в глобальной политике. – 2016. – Т.14. – №2. – С.142-160.

256. Фененко А.В. Эволюция теории ядерного сдерживания в США в годы холодной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2020. – Т.13. – №1. – С.111-135.

257. Филиппов Б.А. Ф. Рузвельт, Пий XII, И. Сталин и проблема репутации СССР в годы Второй мировой войны // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. – 2016. – №4(71). – С.84-102.

258. Хисамутдинов А.А. Духовные миссии в Китае, Корее и Японии (конец XIX — первая половина XX вв.) // Известия Восточного института. – 2012. – № 2(20). – С.96-112.

259. Цветкова Н.А. Почему не состоялась ревизия Ялтинско-Потсдамского порядка? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2019. – Т.12. – №2. – С.255-259.

260. Цыпин В., прот. Значение и итоги Совещания 1948 года. О форуме, собравшем глав и представителей автокефальных православных церквей в Москве // Журнал Московской Патриархии. – 2018. – №7(920). – С.52-58.

261. Чумаченко Т.А. В русле внешней политики советского государства: Московская Патриархия на международной арене в 1943-1948 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2007. – №1. – С.89-99.

262. Чумаченко Т.А. В русле внешней политики сталинского руководства: Русская православная церковь и патриархаты Ближнего Востока. 1943-1953 годы / Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – №22(351). – С.142-148.

263. Чумаченко Т.А. Московская патриархия в Движении сторонников мира: 1949-1953 гг. // Известия Челябинского научного центра УрО РАН. – 2007. – №1. – С.152-156.

264. Чумаченко Т.А. Русская православная церковь в международном Движении сторонников мира: интересы церкви и власти (1949-1953) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – №5(106). – С.93-95.

265. Чхве П., иером. Прекращение деятельности Корейской миссии Русской Православной Церкви в 1948-1949 гг. // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. – 2020. – №2(5). – С.225-238.

266. Шахнович М.М. Холодная война и идеологическая борьба на «религиозном фронте»: о некоторых моделях советской пропаганды // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2017. – Т.35. – №1. – С.164-184.

267. Шкаровский М.В. Русская православная духовная миссия в Корее // Христианское чтение. – 2010. – №2. – С.86-119.

268. Эйриян В.А. Журнал Московской патриархии как отражение сталинской политики в первые послевоенные годы // Россия XXI. – 2021. – №4. – С.108-127.

269. Эйриян В.А. «И делом правды будет мир, и плодом правосудия»: РПЦ в борьбе за мир на рубеже 1940-1950-х гг. // Россия XXI. – 2022. – №5. – С.60-79.

270. Эйриян В.А. «Холодная война пошла было на убыль»: освещение Суэцкого кризиса в православной периодике // Россия XXI. – 2024. – №3. – С.30-51.

271. Эйриян В.А. Церковный ренессанс в годы Великой Отечественной войны // Преподавание истории в школе. – 2024. – №8. – С.37-42.

272. Юнгблюд В.Т. Мировой порядок 1945 г. – процесс с «открытым» продолжением // Вестник МГИМО-университета. – 2020. – Т.13. – №4. – С.52-79.

273. Юнгблюд В.Т., Садаков Д.А. Дипломатическое обеспечение вмешательства США в Корейскую войну. Опыт кризисного регулирования // Вестник МГИМО-университета. – 2018. – №4(61). – С.241-261.

Диссертационные исследования:

274. Болотов С.В. Роль Русской Православной Церкви в международной политике СССР в конце 1930-х – начале 1950-х гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Болотов Сергей Вячеславович; Московский государственный областной университет. – Москва, 2011. – 292 с. – Текст: непосредственный.

275. Чумаченко Т.А. Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР. 1943-1965 гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук // Чумаченко Татьяна Александровна; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. – Москва, 2011. – 535 с. – Текст: непосредственный.

276. Шкуратова И.В. Советское государство и внешнеполитическая деятельность Русской православной церкви: 1945-1961 гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Шкуратова Ирина Викторовна; Московский государственный областной университет. – Москва, 2005. – 188 с. – Текст: непосредственный.

Литература на иностранных языках:

Монографии:

277. Bostdorff D.M. Proclaiming the Truman Doctrine: The Cold War Call to Arms. – Texas A&M University Press: College Station, 2008. – 193 p.

278. Césaire A. Discourse on Colonialism. – New York: Monthly Review Press, 2000. – 102 p.

279. Charles L.Mee, Jr. The Marshall Plan. – New York: Simon&Schuster Inc., 1985. – 301 p.

280. Claudin F. The Communist Movement: From Comintern to Cominform. – New York and London: Monthly Review Press, 1975. – 644 p.

281. Curtiss J.S. The Russian Church and the Soviet State, 1917-1950. – Boston: Little, Brown and Company, 1953. – 387 p.

282. Fanon F. A Dying Colonialism. – New York: Grove Press, 1967. – 181 p.

283. Fletcher W.C. A Study in Survival. The Church in Russia 1927-1943. – New-York: The Macmillan Company, 1965. – 168 p.

284. Gaddis J.L. On Grand Strategy. – New York: Penguin Press, 2018. – 368 p.

285. Gaddis J.L. The Long Peace: Inquiries into the History of the Cold War. – New York: Oxford University Press, 1987. – 332 p.

286. Gaddis J.L. The United States and the Origins of the Cold War, 1941-1947. – New York: Columbia University Press, 1972. – 396 p.

287. Galagher C.R. Vatican Secret Diplomacy: Joseph P. Hurley and Pope Pius XII. – New Haven&London: Yale University Press, 2008. – 283 p.

288. Gillen P., Ghosh D. Colonialism and Modernity. – Sydney: University of New South Wales, 2007. – 271 p.

289. Gunn T.J. Spiritual Weapons: the Cold War and the Forging of an American National Religion. – Wetsport, Connecticut, London: Praeger, 2009. – 296 p.

290. Herzog J.P. The Spiritual-Industrial Complex: America's Religious Battle against Communism in the Early Cold War. – Oxford, New York: Oxford University Press, 2011. – 273 p.

291. Inboden W. Religion and American Foreign Policy. 1945-1960: The Soul of Containment. – New York: Cambridge University Press, 2008. – 356 p.

292. Jeannesson S. La guerre froide. – Paris: La Découverte, 2002. – 123 p.

293. Kalkandjieva D. The Russian Orthodox Church, 1917-1948: From Decline to Resurrection. – London and New York: Routledge, 2015. – 377 p.

294. Kennan G.F. Memoirs. 1925-1950. – Boston, Toronto: An Atlantic Monthly Press Book, 1967. – 583 p.

295. Kolarz W. Religion in the Soviet Union. – London: St Martin's Press, 1961. – 518 p.

296. Lahr A.M. Millennial Dreams and Apocalyptic Nightmares. The Cold War Origins of Political Evalengilicalism. – Oxford, New York: Oxford University Press, 2007. – 281 p.

297. Leustean L.N. Orthodoxy and the Cold War: Religion and Political Power in Romania, 1947-1965. – New York: Palgrave Macmillan, 2009.

298. McCauley M. The Cold War. 1949-2016. – London and New York: Routledge, 2017. – 377 p.

299. Miner S.M. Stalin's Holy War: Religion, Nationalism and Alliance Politics, 1941-1945. – Chappel Hill and London: The University of North Carolina Press, 2003. – 407 p.

300. Morgan K. The Cold War. – North Mankato: ABDO, 2011. – 112 p.

301. Origins of the Cold War: An International History / ed. by Melvyn P. Leffler and David S. Painter. – London and New York: Routledge, 2002. – 322 p.

302. Peris D. Storming the Heavens. The Soviet League of the Militant Godless. – Ithaca, London: Cornell University Press, 1998. – 237 p.

303. Preston A. Sword of the Spirit, Shield of Faith: Religion in American War and Diplomacy. – New York: Anchor Books, 2012. – 815 p.

304. Public Papers of the Presidents of the United States: Harry S. Truman. April 12 to December 31, 1945. Washington: United States Government Printing Office, 1961. – 668 p.

305. Redefining Stalinism / ed. by H. Shukman. – London and Portland: Franc Cass, 2005. – 185 p.

306. Religion and the Cold War: A Global Perspective / ed. by P.E. Muehlenbeck. – Nashville: Vanderbilt University Press, 2012. – 314 p.

307. Religion and the Cold War / ed. by D. Kirby. – New York: Palgrave Macmillan, 2003. – 245 p.

308. Roberts G. Stalin’s Wars: From World War to Cold War, 1939-1953. – New Haven and London: Yale University Press, 2008. – 468 p.

309. Routledge Handbook of Russian Foreign Policy / Ed. by A. Tsygankov. – Abington: Routledge, 2018. – 429 p.

310. Slik M. Spiritual Politics: Religion and America since World War II. – New York. London: Simon and Schuster Inc. – 1989. – 206 p.

311. Spinka M. The Church in Soviet Russia. – New York: Oxford University Press, 1956. – 179 p.

312. Stroyen W.B. Communist Russia and the Russian Orthodox Church. 1943-1962. – Washington: The Catholic University of America Press, 1967. – 161 p.

313. Struve N. Les Chrétiens en U.R.S.S. – Paris: Éditions du Seuil, 1963. – 373 p.

314. The Cambridge History of Christianity: World Christianities. C.1914 to C.2000 / ed. by Hugh McLeod. – New York: Cambridge University Press, 2008. – 717 p.

315. The Cambridge History of the Cold War. Volume 1: Origins / ed. by Melvyn P. Leffler and Odd Arne Westad. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 551 p.

316. The Cambridge History of the Cold War. Volume 2: Crises and Detente / ed. by Melvyn P. Leffler and Odd Arne Westad. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 570 p.

317. The Entangled Legacies of Empire: Race, Finance and Inequality / Ed. by P.R. Gilbert, C. Bourne, M. Haiven and J. Montgomerie. – Manchester: Manchester University Press, 2023. – 330 p.

318. The Greatest Speeches of Ronald Reagan. – West Palm Beach: A NewsMax.com Book, 2001. – 292 p.

319. The Oxford Handbook of the Cold War / ed. by R.H. Immerman and P. Goedde. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 660 p.

320. The Soviet Union and Eastern Europe / ed. by G. Schöpflin. – New York: Muller, Blond and White, 1986. – 637 p.

321. The Story of the World Council of Peace – Druck.: Globus, Wien XX, 1962. – 19 p.

322. Zernov N. The Russians and their Church. – London: SPCK, 1978. – 192 p.

Научные статьи:

323. Dobrenko V. The Soviet “Struggle for Peace”, the United Nations, and the Korean War // Journal of Cold War Studies. – 2024. – Vol.26. – №1. – PP.29-49.

324. Gaddis J.L. The Tragedy of Cold War History // Diplomatic History. – 1993. – Vol.17. – Issue 1. – PP.1-16.

325. Jervis R. The Impact of the Korean War on the Cold War // The Journal of Conflict Resolution. – 1980. – Vol.24. – №4. – PP.563-592.

326. Jervis R. Was the Cold War a Security Dilemma? // Journal of Cold War Studies. – 2001. – Vol.3. – №1. – PP.36-60.

327. Shlesinger A.Jr. Origins of the Cold War // Foreign Affairs. – 1967. – Vol.46. – №1. – PP.22-52.

328. Walters P. The Russian Orthodox Church 1945-1959 // Religion in Communist Lands. – 1980. – Vol.8. – №3. – PP.218-224.

329. Westad O.A. The New International History of the Cold War: Three (Possible) Paradigms // Diplomatic History. – 2000. – Vol.24. – №4. – PP.551-565.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Доля страниц в рубрике «В защиту мира» от общего количества страниц в «Журнале Московской Патриархии» за май 1949 – февраль 1953 гг.

Источник: составлено автором по материалам «Журнала Московской Патриархии».

Приложение 2. Доля статей в рубрике «В защиту мира» от общего числа статей в «Журнале Московской Патриархии» за май 1949 – февраль 1953 гг.

Источник: составлено автором по материалам «Журнала Московской Патриархии».

Приложение 3. Участие поместных православных Церквей в мероприятиях, организуемых РПЦ, и поддержка политики РПЦ в Движении сторонников мира.

	Участие в Поместном соборе 1945 г.	**Участие в Всеправославном совещании 1948 г.**	**Поддержка политики РПЦ в ДСМ**	**Комментарии**
Константинопольская Православная Церковь	+ Представительство на высоком уровне[722]	+ Представительство на высоком уровне	-	Позиция Константинопольской Церкви сильно зависела от ориентации ее главы.
Албанская Православная Церковь	-	+ Представительство на высоком уровне	+	
Александрийская Православная Церковь	+ Представительство на высшем уровне[723]	-	-	В 1948 г. делегировала полномочия Антиохийской ПЦ.
Антиохийская Православная Церковь	+ Представительство на патриаршем уровне	+ Представительство на высоком уровне	+	
Болгарская Православная Церковь	- Не присутствовали из-за проблемы схизмы	+ Представительство на высоком уровне*.	+	В 1948 г. делегацию БПЦ возглавлял блаженнейший экзарх Болгарский митрополит Софийский Стефан, являвшийся на тот момент первым лицом БПЦ.
Грузинская Православная Церковь	+ Представительство на высшем уровне	+ Представительство на высшем уровне	+	
Иерусалимская Православная Церковь	+ Представительство на высоком уровне	-	-	В 1948 г. не прибыла на совещание в связи с арабо-израильским конфликтом.
Кипрская Православная Церковь	-	-	-	
Польская Православная Церковь	-	+ Представительство на высшем уровне*.	+	В 1948 г. делегацию ППЦ возглавлял архиепископ Белостокский и Вельский Тимофей, де-факто являясь местоблюстителем патриаршего престола,

[722] Высокий уровень церковного представительства предполагает, что делегацию поместной Церкви возглавляет епископ, архиепископ либо митрополит.

[723] Высший уровень церковного представительства предполагает, что делегацию поместной Церкви возглавляет патриарх.

				которым де-юре будет назначен в ноябре того же года.
Православная Церковь Чешских земель и Словакии	-	+ Представительство на высоком уровне*.	+	В 1948 г. делегацию ПЦЧС возглавлял архиепископ Пражский и Чешский Елевферий, являвшийся на тот момент первым лицом ПЦЧС.
Румынская Православная Церковь	+ Представительство на высоком уровне	+ Представительство на высшем уровне	+	
Сербская Православная Церковь	+ Представительство на высоком уровне	+ Представительство на высшем уровне	-	
Элладская Православная Церковь	-	+ Представительство на высоком уровне	-	Позиция ЭПЦ сильно зависела от хода гражданского конфликта в Греции.

Источник: составлено автором по материалам «Журнала Московской Патриархии».